

А
Ф
Р
И
К
А
Н
С
К
И
Е
И
С
С
Л
Е
Д
О
В
А
Н
И
Я
Е
Ж
Е
Г
О
Д
Н
И
К
2
0
2
2

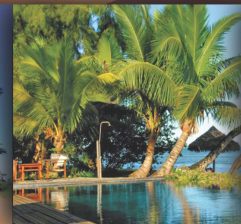
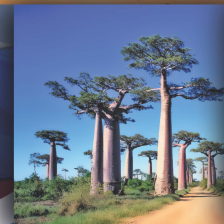

Российский университет
дружбы народов

ЕЖЕГОДНИК YEARBOOK

АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ AFRICAN STUDIES

**АФРИКА:
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ
И ПАРТНЕРСТВО**

Москва
Российский университет дружбы народов
2022

ЕЖЕГОДНИК

2022

Издание выходит с 2009 г.

Развитие и политика

**Экономика
и стратегическое
партнерство**

Интеграция и финансы

**Минерально-сырьевые
ресурсы**

История и религия

Культура и образование

**PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
CENTER OF AFRICAN STUDIES
SERIES "AFRICAN STUDIES"**

YEARBOOK

**AFRICA:
INTERNATIONAL
INTEGRATION
AND PARTNERSHIP**

2022

**Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2022**

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ЕЖЕГОДНИК

**АФРИКА:
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ
И ПАРТНЕРСТВО**

2022

Москва
Российский университет дружбы народов
2022

УДК 32/39:2:9:55(6)(058)
ББК 95.3(6)я5
А94

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Редакционная коллегия:

И.В. Андропова (ответственный секретарь), *Н.В. Громова*,
академик РАН *А.М. Васильев*, академик РАН *А.Б. Давидсон*, *Е.А. Долгинов*,
Л.В. Пономаренко, *И.В. Следзевский*, *А.М. Хазанов*,
Л.В. Шкваря, *В.И. Белов* (зам. главного редактора)

Главный редактор – *Н.С. Кирабаев*

А94 **Африка: международная интеграция и партнерство:**
Ежегодник – 2022 = Africa: International Integration and
Partnership : Yearbook – 2022 : сборник статей / под ред. Н. С. Кира-
баева, Л. В. Пономаренко, В. И. Белова, Е. А. Долгинова. – Москва :
РУДН, 2022. – 321 с. : ил. – (Серия «Африканские исследования»).
ISBN 978-5-209-11665-3
DOI: 10.22363/11665-2022-1-321

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Бюро Культуры посольства Арабской Республики Египет в Москве, экспертов ООО «ОЗГЕО», посвящен актуальным вопросам в области международной интеграции и партнерства в духе окрепшей глобальной солидарности и сотрудничества, нацеленного на гармонизацию отношений Африканского региона с окружающим миром. Дан теоретический анализ проблемы устойчивости макрорегионального цивилизационного транзита как сдвига в цивилизационном развитии постколониальной Африки; представлены роль и место Африки в международной инициативе «Пояс и путь», направления развития военно-технического сотрудничества России со странами Африки, потенциал социально-экономического стратегического партнерства между Египтом и Россией; показаны уникальная картина мира африканца, система африканской этики, культурного и религиозного трансфера. Специально рассмотрены возможные направления сотрудничества России и Республики Мадагаскар в сфере изучения и освоения природных ресурсов.

This issue of the annual series African Studies, prepared with the participation of African scholars from the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University, the Bureau of Culture of the Embassy of the Arab Republic of Egypt in Moscow, experts of OZGEO LLC is dedicated to topical issues in the field of international integration and partnership in the spirit of strengthened global solidarity and cooperation aimed at harmonizing the relations of the African region with the outside world. A theoretical analysis of the problem of sustainability of macro-regional civilizational transit as a shift in the civilizational development of post-colonial Africa is presented; the role and place of Africa in the international initiative "Belt and Road", the directions of development of military-technical cooperation between Russia and African countries, the potential of socio-economic strategic partnership between Egypt and Russia are presented; the unique African view of the world is shown, as well as the system of African ethics, cultural and religious transfer. Possible areas of cooperation between Russia and the Republic of Madagascar in the field of study and development of natural resources are specially considered.

ISBN 978-5-209-11665-3

© Коллектив авторов. Отв. ред. Н.С. Кирабаев,
Л.В. Пономаренко, В.И. Белов, Е.А. Долгинов, 2022
© Оформление. Российский университет
дружбы народов, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

DOI: 10.22363/11665-2022-5-9

Н.С. Кирабаев

Африка в 2022 году продолжила движение к формированию мира взаимного уважения и диалога без противостояния, к расширению отношений дружественного дружественного сотрудничества со всеми странами мира. Важным объединяющим моментом здесь стали международные усилия в реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г. и продвижение по Повестке дня Африканского союза – 2063, что особенно значимо для стран Африки. Спустя шесть десятилетий после Года Африки (1960 г.) появилась надежда на появление нового алгоритма совмещения локальных, региональных и глобальных интересов африканских государств, включая разработку и реализацию афро-евразийских программ развития, несмотря на ограничения создаваемого коллективным Западом режима санкционного отчуждения.

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Бюро Культуры посольства Арабской Республики Египет в Москве, экспертов ООО «ОЗГЕО», посвящен актуальным вопросам в области международной интеграции и партнерства.

Первый раздел «*Развитие и политика*» представлен статьями И.В. Следзевского, Г.М. Сидоровой, Ндонго Н.Ж. Мартьяля. В статье *И.В. Следзевского*, открывающей Ежегодник, представлен теоретический анализ проблемы

устойчивости макрорегионального цивилизационного транзита как сдвига в цивилизационном развитии постколониальной Африки. В фокусе внимания автора – кризис западной (догоняющей) модели развития, развитие форм глобальной африканской идентичности, перемещение в регион южнее Сахары демографических центров мировых религий (христианства и ислама), сближение траекторий Африканского культурного и религиозного Возрождения, проблемы преобразования переходных процессов африканской постколониальности в сравнительно устойчивый транзит, способный преодолеть или ослабить в исторической перспективе тенденции политического и религиозного раскола, этнического сепаратизма. Как отмечается: «Цивилизационные перспективы Африки сегодня актуализируются, превращаются в реальные проекты не только благодаря субрегиональным религиозным движениям, но также в прямой связи с программой дальнейшей региональной интеграции африканских стран (программа Африканского союза). Идея присутствия в культурном многообразии континента начал или основ культурно-цивилизационного единства все более входит в африканское общественное сознание».

В статье *Г.М. Сидоровой* подчеркнута готовность России к конкуренции в Африке, показан мощный потенциал сотрудничества, включая и военную сферу взаимодействия, расширение геополитических рамок сотрудничества, нацеленность лидеров многих африканских государств на укрепление связей с Россией, включая военно-техническую область, информационные технологии и бизнес.

Ндонго Н.Ж. Мартьяль на примере внешней политики Камеруна рассмотрел дипломатию «малых стран» Африки, показав ее фундаментальную соотнесенность с принципами международной морали и направленность на сотрудничество, мир, безопасность, диалог, развитие, мирное урегулирование конфликтов и нейтралитет. Отмечено также, что внешняя политика Камеруна традиционно отличается своей

нацеленностью на поиски мира и лидерство на региональном и континентальном уровнях.

В разделе «*Экономика и стратегическое партнерство*» в статье *В.И. Белова и Мохамеда Ибрахима Мохамеда Эльсергани* представлен потенциал социально-экономического стратегического партнерства Египта и России и показаны основные приоритеты российско-египетского сотрудничества, определяемые задачами реализации Стратегии развития Египта –2030 и вызовами масштабных международных инициатив в Афро-Евразии, потребностями устойчивого международного диалога и развертывания совместных проектов развития и обеспечения безопасности.

М.А. Шпаковская и Сидарус Абануб Махер Фахми Салиб посвятили свою статью особенностям взаимодействия и сотрудничества между Египтом и Италией, взаимодействие между которыми занимает особое место в системе международных отношений стран бассейна Средиземного моря и которое развивается в различных направлениях. Стороны поддерживают регулярный политический диалог в сфере безопасности и обороны, а также в экономическом и гуманитарном аспектах.

Раздел «*Интеграция и финансы*» включает статьи *Ныгусие В.М. Кассае* и *Т.Л. Дейч*. Статья *Ныгусие В.М. Кассае* посвящена анализу проблемы формирования экономической целостности Африканского континента, что стало ключевым направлением в межгосударственных отношениях в Африке в начале XXI в. Специальное внимание уделено анализу реализации базовых принципов общеафриканской интеграции в деятельности субрегиональных международных организаций в Восточной Африке.

Т.Л. Дейч исследует роль и место Африки в глобальной китайской внешнеполитической инициативе «Пояс и путь» (BRI). Показано, что участие в BRI дает импульс развитию африканской инфраструктуры, отвечая задачам, поставленным в Программе инфраструктурного развития Африки,

разработанной в 2012 г. Комиссией Африканского союза, НЕПАД и Африканским банком развития, дан анализ плюсов и минусов участия в BRI для стран континента.

В разделе «*Минерально-сырьевые ресурсы*» в статье эксперта ОЗГЕО *С.В. Пичугина* специально рассмотрены возможные направления сотрудничества России и Республики Мадагаскар в сфере изучения и освоения природных ресурсов. Отмечено, что геолого-экономические характеристики целого ряда полезных ископаемых еще недостаточно выявлены и перспективным является сотрудничество в области разведки месторождений нефти и газа, угля, урана, железа, хрома, титана, барита и золота, с учетом накопленного опыта сотрудничества с Россией.

В разделе «*История и религия*» *А.Н. Мосейко* анализирует актуальную проблему взаимовлияния культуры-донора (культуры европейских метрополий) и культуры-реципиента (на примере стран Африки к югу от Сахары). На основе богатого эмпирического материала, с привлечением малоизученных африканских источников и специальной африканской теологической литературы, показана уникальная картина мира африканца, система африканской этики, культурного и религиозного трансфера.

Раздел «*Культура и образование*» составили статьи *Е.В. Харитоновой*, *К.С. Ёлчевой*, *Е.С. Нестеровой*. *Е.В. Харитонова* представила практически всю палитру ограничений и табу, стереотипов и предрассудков, формирующих систему традиционных установок на женщину как жену и мать, статистику, фиксирующую неравенство женщин в системе научных исследований и образования в странах Африки. В статье *К.С. Ёлчевой* предложена классификация африканских сказок, рассмотрены особенности африканской волшебной сказки, ключевые различия африканской и европейской сказочной традиции. *Е.С. Нестерова* рассматривает бурские лечебные традиции как элемент культурного достояния африканцев. Особый интерес имеет анализ уникальных способов

профилактики и лечения болезней, облегчения симптомов («boererate»), выработанной бурами столетиями назад методики лечения.

В целом материалы Ежегодника серии «Африканские исследования» РУДН свидетельствуют о приверженности народов и стран Африки принципам устойчивого развития, основанного на духе окрепшей глобальной солидарности и партнерства, нацеленного на гармонизацию отношений Африканского региона с окружающим миром. Африканская специфичность должна стать значимым ресурсом глобализации как продолжения экономического, социального и технического прогресса в гармонии с природой.

DOI: 10.22363/11665-2022-10-49

И.В. Следзевский

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТРАНЗИТ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. Статья посвящена культурно-историческим транзитам постколониального развития Африки. В центре внимания работы – возможности сдвига в цивилизационном развитии постколониальной Африки – от роста сепаратизма, ослабления и деградации национальных государств к преобразованию переходных процессов африканской постколониальности в сравнительно устойчивый макрорегиональный цивилизационный транзит, способный преодолеть или ослабить в исторической перспективе тенденции политического и религиозного раскола, этнического сепаратизма. Цель исследования – определение возможного консолидирующего потенциала цивилизационного транзита нескольких регионов Африки, примыкающих друг к другу и связанных друг с другом длительными культурными и историческими контактами и влияниями (Северная, Западная, Восточная, Центральная Африка). В качестве переломных факторов и процессов постколониальной истории континента, африканского цивилизационного транзита рассматриваются – с позиций социальной синергетики – кризис западной (догоняющей) модели развития, развитие форм глобальной африканской идентичности, перемещение в регион южнее Сахары демографических центров мировых религий (христианства и ислама), сближение траекторий Африканского культурного и религиозного Возрождения.

Ключевые слова: африканский постколониальный и глобальный цивилизационный транзит, социальная синергетика, точки бифуркации и аттракторы постколониального африканского развития, Африканское культурное и религиозное Возрождение, культурное наследие народов Африки

Современную историю Африки нельзя понять и объективно оценить, не учитывая глубокие, во многом переломные, изменения в условиях и процессах социально-экономического, политического и социокультурного развития континента с середины XX в. Переломные процессы и сдвиги в новейшей африканской истории привлекают внимание отечественных и зарубежных африканистов прежде всего в контексте ожиданий и перспектив завершения деколонизации Африканского континента. По правилам сложившегося в XX в. дискурса национального освобождения крупнейший исторический перелом в судьбах африканских народов связывается с событиями середины и второй половины XX в., когда африканские страны обрели статус независимых национальных государств. Центральным вопросом обсуждения перспектив дальнейшего развития новых, независимых государств в этот период стали модели экономического развития Африки и выбор определявших эти модели идеологий национального строительства (африканский капитализм, африканский социализм, африканский марксизм).

В конце века, на фоне распада СССР и окончания холодной войны, педалирования в западных странах темы мировой волны демократизации, центральной проблемой африканских исследований (в первую очередь африканской политологии) стал переход африканских государств от авторитарных политических режимов к демократическим. Внимание исследователей начало акцентироваться на процессах децентрализации власти в Африке как фактора развития африканской «демократии участия» в противовес ранее пропагандировавшемуся тезису о необходимости централизации недавно возникших государств [39, р. 370–371]. Резкое нарастание в последние десятилетия XX века внутри- и межгосударственных конфликтов, масштабные гражданские войны, криминализация городской жизни резко ослабили значение государства как необходимого элемента устройства общества, основы стабильности геополитического пространства Африки. В связи с

обострением этнических и этнорелигиозных конфликтов на всем Африканском континенте значительно усилился интерес к роли этнического фактора в современной общественно-политической жизни Африки и перспективам стабильного сохранения и развития модели национального государства.

В целом переход африканских государств от колониализма к самостоятельной (самобытной) африканской современности оказался гораздо более сложным и многообразным процессом, чем это можно было представить в начале постколониальной эпохи. Завоевание политической независимости не только не закрыло повестку дня деколонизации континента, но и значительно обновило список ее тем и проблем. В новую повестку сегодня входят не только сложнейшие вопросы достижения экономической независимости и сохранения суверенитета африканских государств, но и проблемы глубинной деколонизации африканских культур и африканского массового сознания: деколонизация африканского культурного наследия и «деколонизация умов» – освобождение африканской идентичности от образа угнетенного и неразличимого в своей подавленности человека («субалтерна»). (Повестка дня переломных изменений в переходности современной африканской истории активно обсуждается в последнее время в российской африканистике [11, с. 130–137; 13, с. 251–253; 14, с. 10–17; 27; 41, с. 5–14].)

Существует и более общая проблема оценки транзитивности африканской постколониальности, без постановки и обсуждения которой нельзя приступить к исследованию цивилизационного транзита Африки. Не только для развития, но и для возникновения подобного перехода необходимо наличие хотя бы ограниченного единства культурного разнообразия, целостного и универсального пространства политических и культурно-исторических трансформаций, транснациональных и трансрегиональных исторических переходов. Но политическое и культурное пространство Африки, включающее в себя 53 государства и значительно различающееся по составу

населения, культурно-историческим особенностям и типам регионы Северной и Субсахарской Африки, выделяется особым культурным разнообразием, имеющим черты различного исторического конгломерата социальных и культурных структур.

В центре внимания данной статьи – возможности сдвига в цивилизационном развитии постколониальной Африки – от роста сепаратизма, ослабления и деградации национальных государств к преобразованию переходных процессов африканской постколониальности в сравнительно устойчивый макрорегиональный цивилизационный транзит, способный преодолеть или ослабить в исторической перспективе тенденции политического и религиозного раскола, этнического сепаратизма. Цель исследования – определение возможного консолидирующего потенциала цивилизационного транзита нескольких регионов Африки, примыкающих друг к другу и связанных друг с другом длительными культурными и историческими контактами и влияниями (Северная, Западная, Восточная, Центральная Африка). Под цивилизационным транзитом понимается длительный переходный этап цивилизационного развития, возникающий в условиях разлада и распада общества при отсутствии высшего формообразующего и направляющего начала его единства, проходящий через выбор новых высших параметров (высшего порядка) бытия и нового пути в будущее и получающий завершение в результате институционального и нормативно-ценностного оформления этих параметров в качестве особого механизма общественной интеграции.

За исходную точку постановки проблемы африканского цивилизационного транзита принимается деколониальный поворот в развитии африканского культурно-цивилизационного самосознания. В условиях кризиса, а в ряде случаев самораспада слабых постколониальных государств Африки, провалов африканской догоняющей модернизации (ухудшение условий существования основной массы населения,

развитие худших видов «теневой» и «черной» экономики, рост нерегулируемого насилия) значительно усилился транзит отторжения западной цивилизации и связанного с ней колониального наследия. Радикальным выражением этого процесса – не только на уровне политического, но и на уровне цивилизационного самосознания – стал феномен неконтролируемого и трансрегионального по масштабам распространения политического ислама (исламизма). Идеология исламизма утверждает цивилизационное превосходство ислама, сверхзадача исламистского проекта – создать и утвердить цивилизационную альтернативу практикам и традициям доминирования Запада и его ценностей [21, с. 66–74]. Новым и перспективным явлением африканской цивилизационной транзитивности можно считать также быстрое развитие идеологии и философии «африканцев мира» («афрополитизм», «африкология», «афропейство»). Возникшее в конце XX. в среде афроамериканских интеллектуалов, это течение поднимает на новый, мировой, уровень претензии африканской культурно-цивилизационной идентичности, помещая в центр глобального мира Африку и африканцев [8, с. 274–275].

Мировой контекст цивилизационного транзита Африки

Общие рамки африканской транзитивности выходят за пределы континента, формируются и определяются переходностью современных мировых изменений, развития глобальных трансграничных связей и взаимодействий – культурных и политических трансферов. Глобальный мир находится на пути перехода к новым формам мировых отношений, включая контакты и взаимодействия между цивилизационными регионами мира. Одна из важнейших движущих сил этого процесса – развитие информационных и социальных сетей, которые начинают оказывать все более глобальное и решающее воздействие на ход и направления мировых процессов. Сети становятся основой или важным фактором самоорганизации социальных групп и общностей во всех сферах

жизнедеятельности, включая сферу формирования и продвижения новых культурных ценностей. На предпосылки, идеальные модели и коридор возможностей мирового цивилизационного развития активное влияние оказывает мировой постиндустриальный транзит – формирование новой технологической основы культурно-цивилизационных процессов, значительно ускоряющих «историческое время протекания политических, социальных, экономических и иных процессов трансформации всего спектра отношений в социуме» [26, с. 74–75]. Одновременно с технологической революцией новым фактором и идеальной рамкой мировой цивилизационной транзитивности становится глобальное религиозное возрождение – «возвращение, по определению С. Хантингтона, священных основ для организации общества» и «отказ от претерпевшей неудачу модернизации» [35, с. 139]. Глобальный характер транзиту «новой религиозности» придает «формирование в современном глобальном геопространстве конфессиональных сообществ, «параллельных» обществам национально-государственного типа», питаемых глобальными миграционными потоками: «эти сообщества вступают в конфликт с существующими в государстве светскими правовыми и социальными нормами и в конечном счете пытаются подменить своей ценностно-конфессиональной системой легитимные устои государства» [34, с. 3]. В Африке принадлежность человека к религиозной общности все больше определяется его личным выбором, а не принадлежностью к определенному государству или этнической общности, хотя этническая идентичность сохраняет свою актуальность, особенно в сельской местности [34, с. 477].

Нельзя не видеть наличия общих трендов политического транзита в пространстве Большой Африки. Становление национальной государственности в африканских странах сопровождалось волной повсеместного утверждения авторитарных режимов с общими тенденциями формирования правящих кланов, сочетания прямого насилия и использования

механизмов патронажно-клиентельных связей. С конца 1970-х гг. наметились общие тенденции дестабилизации и кризиса наиболее жестких форм африканского авторитаризма. 1990-е гг. стали исходным рубежом демократического транзита в Африке. Демократическая волна, охватившая в 1990-е гг. страны АЮС (исторический переход Южно-Африканской Республики от расистского режима апартеида к модели мультирасовой демократии, падение множества авторитарных режимов в других странах региона), распространилась затем на страны Северной Африки и Ближнего Востока («Арабская весна» – волна массовых демонстраций и путчей в 2010–2013 гг.). Но в большинстве государств африканский демократический транзит не привел к установлению реальных демократий, а в ряде случаев открыли период открытой и острой дестабилизации политических систем: затяжная гражданская война в Республике Конго, обострение внутренних противоречий в ряде стран Северной Африки. На первый план в политической борьбе начали выходить этнические и конфессиональные ценности и установки, как новые, связанные с экономическими и политическими интересами, так и старые, обусловленные ценностями и интересами самосохранения человека в рамках общинно-родовых и семейных институтов: «...этнические и конфессиональные убеждения и стереотипы, социально-этническая и религиозная психология стали основными факторами в развитии конфликтов или в их провоцировании, создавая достаточно жесткие образы врага» [1, с. 21]. В арабских странах возник острый спор о совместимости традиционного ислама с современной демократией.

Мировой контекст процессов африканской переходности выводит африканские общества далеко за рамки их локальной и исторической ограниченности, включая ограничения, порожденные эпохой колониализма: искусственные границы государств и произвольное объединение в них народов, часто далеких друг от друга по языку и культуре, восприятие

в качестве универсальных европейских культурных и политических норм, европеизированный тип правящих и интеллектуальных элит и т. д. При всей масштабности и многомерности культурных различий субрегионов и регионов Африки на первый план в понимании их культурных особенностей выходит нестабильное, переходное состояние африканских культур, переходная эпоха их истории: между традициями и современностью, сопротивлением нововведениям и их принятием, устойчивостью и быстрыми непредвиденными изменениями (культурным хаосом), утратой и восстановлением культурного наследия.

Проблема переходности постколониальных африканских обществ в методологическом аспекте

Однако переходное (постколониальное) состояние современных африканских обществ не укладывается в рамки какого-либо однозначного стадийно-исторического типа социальных структур и социальных процессов. Наличная реальность заключается в том, что состояние этих культур уже давно вышло за границы их доколониальных форм и особенностей, однако не приобрело на массовом уровне жизни стабильного состояния (качества) культуры модернити.

Но подобную ситуацию можно обнаружить и в глобальном пространстве мирового исторического перехода. Унаследованные исторические (самобытные в своем значении) механизмы социальной регуляции утрачивают свое прежнее значение или распадаются, тогда как новые, привносимые извне механизмы формируются медленно и часто через обострение культурных кризисов. «Распадается, – отмечал Б.С. Ерасов, – не только “связь времен”, но и сама ткань социального организма, возникает социальная расщепленность между группами населения, связанными с современными и традиционными укладами» [12, с. 465]. Еще более определенно характеризует турбулентное состояние современной мировой

культуры И.В. Леонов: «На пороге XXI в. человечество оказалось в ситуации, когда привычные культурные формы пришли в движение. В жизнь человечества вторгаются процессы, которых мир не знал и на которые не готов “ответить”. Частые культурные инновации формируют осознание того, что в мире нет ничего постоянного. На наших глазах и при нашем непосредственном участии происходит процесс коренной трансформации культуры» [20, с. 4].

Анализируя категорию культурно-исторической переходности, мы сталкиваемся с неоднозначностью, наличием диаметрально противоположных подходов в трактовке ее содержания. В классическом социально-гуманитарном знании акцент делается на качественной определенности и стабильности стадий исторического развития, а не на явлениях и процессах переходности, представляемых в этом подходе второстепенными или подчиненными элементами линейной динамики культуры. Как чисто промежуточное состояние, не имеющее признаков особого качественного состояния (типа), «переходность» интерпретировалась в европейской философско-научной мысли XVII–XIX вв. Однозначное следование этой трактовке мы находим в классической теории цивилизации как идеала прогресса, реализуемого в виде стадий восходящего развития человечества в целом: «дикость – варварство – цивилизация»; цивилизации «традиционная – современная», «аграрная – индустриальная» и т. д. Но с конца XIX в. – в тесной связи с волной мировых социальных революций – линейно-стадиальный подход перестал быть доминирующей парадигмой культурной переходности. Все более значимое концептуально-методологическое признание начала получать интерпретация исторической переходности как особого качественного состояния и важнейшего (переломного) фактора культурно-исторического развития. Предпосылки нового понимания переходности создала неклассическая модель общественно-исторического знания, заменившая классическую картину непрерывной, континуальной истории образами

и понятиями разрывов и состояний переходов в истории (Г. Башляр, Ж. Кангием, М. Фуко). Концептуально-методологическое значение пониманию переходности как феномена специфического и значительного по своей протяженности исторического перехода от одной культурной целостности к другой придали работы А.С. Ахиезера, Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Л.Н. Гумилева, К.Н. Кантора, Ю.М. Лотмана, Ю.П. Назаретяна, П.А. Сорокина, М. Фуко, У. Эко и др. В 1985 г. М.С. Каган предложил понятие «переходного типа культуры». Самостоятельное предметное значение получила тема отдельных переходных эпох в истории (А.А. Аверинцев, Л.М. Баткин, А.Я. Гуревич, Д.М. Сарабьянов). Феномен нелинейности и вариативности переходных состояний получил отражение и в неклассической теории локальных цивилизаций как замкнутых и целостных культурно-исторических организмов, развивающихся по циклической модели. (А. Тойнби). Выделяя в качестве особых этапов развития локальных цивилизаций периоды их «ответа» на внешние «вызовы», А. Тойнби отметил резкое возрастание в эти периоды степени рисков, многовариантности и сложности культурно-исторических процессов [33, с. 293–296].

Вместе с тем возможность научного познания феномена культурной «переходности» на уровне парадигмальных макроисторических моделей остается проблемой. Выявляя трудности решения этой проблемы, Т.А. Яковлева обращает внимание на отсутствие единой системы, целостной научной парадигмы культурологического знания (неупорядоченное сосуществование классических, неклассических и постнеклассических моделей исследований культуры), на связанную с этим обстоятельством множественность теоретико-методологических оснований изучения транзитивных состояний культуры, на обострение в культурологическом познании тех же смысловых антиномий, что и в современной переходной культуре: «классическое – неклассическое», «рациональное –

иррациональное», «закономерное – случайное», «устойчивое – изменчивое», «логическое – мифологическое» [38, с. 3]. Обращает на себя внимание и изобилие категориальных определений переходного состояния культуры: «взрыв», «взрывная трансформация», «революция», «исторический разрыв», «межэпохальность», «бифуркационное событие», «кризис культуры», «период варварства» (упадок и разложение культуры), «лиминальный период» (промежуточный этап перехода), «фазовый переход» и т. д. [19, с. 14–17].

Проблемное поле транзитивных процессов в истории и культуре остается весьма разветвленным и разнородным. Тем не менее с середины XX в. это поле начало приобретать черты самостоятельной научной области, междисциплинарного предметного направления – транзитологии [4; 19; 37]. Необходимую общую предметность и единство методологических принципов транзитологии придает получившая широкое признание в социально-гуманитарном познании с 70-годов XX в. системно-синергетическая парадигма исторических процессов (С.П. Капица, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, А.П. Назаретян, И.Р. Пригожин, Г. Хакен и др.). Парадигма предлагает качественно иную картину культурной транзитивности по сравнению с классическим и неклассическим подходами. Историческая реальность (в том числе и реальность макроисторических образований уровня цивилизаций) предстает как сложная самоорганизующаяся система, которая проходит в процессах социокультурного регулирования циклы возникновения упорядоченных общественных структур, их относительно устойчивого существования и затем разрушения, когда перестают нормально функционировать самые различные сферы человеческой деятельности, включая сферы управления и общественного сознания.

Исходный методологический принцип синергетики кладет конец претензиям культуры и политики на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, и это позволяет

объединять в единый процесс, единое предметное поле периоды предсказуемых, стабильных изменений с периодами взрывов, разрывов и случайных изменений. Но смысл этого единства и заключенного в нем качественно особого состояния транзита был бы непонятен без другого ключевого и поворотного в его методологическом значении принципа синергетики – признания творческой, конструктивной роли в исторических процессах хаоса.

Хаос, как предельно неравновесное и неустойчивое состояние системы, наделяется системными качествами процесса и механизма, во-первых, объединения сравнительно простых структур в сложные, во-вторых, согласования темпов и направлений их эволюции, в-третьих, перехода от одной относительно устойчивой системы к другой. Выделяются критические точки переходного состояния, транзита системы (точки бифуркации), в которых ее неравновесное состояние достигает максимума случайных отклонений, перестают действовать законы причинности и возникает возможность выбора самых разных путей развития (исторических альтернатив). Предметную определенность приобретают и результаты бифуркационных ситуаций – выбор траектории развития и появление аттрактора – нового устойчивого состояния системы, на который ее выводит творческая сила и определенность выбора. Транзит приобретает завершенное качество нелинейности, как вероятностной возможности многовариантного в своей основе исторического развития.

В теории цивилизаций с синергетическим пониманием сути и механизма культурной переходности тесно связана постнеклассическая модель цивилизационного развития и цивилизационного транзита, на это обращает внимание известный российский историк И.Н. Ионов [15, с. 118–135]. Цивилизационное развитие обретает смысл реализации определенного макроисторического проекта, соотносящего ценности и нормы культуры, высшие цели/причины дальнейшего развития общества с поворотными моментами истории (жизнь

Христа, Возрождение, Реформация), эти повороты приобретают значение (в цивилизационных проектах) образцового времени истории, определяющего представления людей (в том числе профессиональных историков) о «собственной» истории. «Предметом внимания историка... выступает аттрактор – идеал общества и культуры, соотносимый с будущим (его носителем выступает сам историк) и являющийся ценностным моментом, опосредующим процесс познания», аттрактор выступает как «реальная сила, которая творит порядок из хаоса, подспудно переопределяя черты структуры прошлого и настоящего, ре-организуя их во имя воплощения определенного исторического проекта» [15, с. 132].

Точки бифуркации африканской постколониальности

Социальная синергетика в ее широком понимании транзитивности истории как тесной взаимосвязи хаоса и порядка, устойчивости и неустойчивости развития способна внести существенный вклад в понимание и изучение возможных переломов африканской постколониальной эпохи, включая возможности нового, постколониального цивилизационного транзита. Широкие возможности для применения этого подхода открывают разворачивающиеся с конца XX в. сложные и напряженные пути самоопределения африканских государств и обществ, африканских конфессий и диаспор по отношению к новым реалиям глобального и африканского развития. В категориях синергетического подхода речь может идти о фазовом переходе постколониальной Африки от проектов дальнейшего развития континента по лекалам Западной цивилизации к новому пути в будущее, который будет принадлежать африканцам, вырастая из их культурного наследия и единства глобального африканского мира. О факте этого сдвига, его масштабности и напряженности свидетельствует переход с конца XX в. ряда целого ряда государств континента через критические состояния (точки бифуркации) неравновесности

и непредсказуемости их дальнейшего существования. Образование многочисленных геополитических точек бифуркации ясно обозначило ситуации возникновения крупных и непредсказуемых по своим последствиям конфликтов и войн в регионе АЮС на рубеже XX–XXI в.: перерастание этнического конфликта в Руанде в геноцид народа тутси, перерастание гражданской войны в Демократической Республике Конго (против диктатуры С.С. Мобуту) в межгосударственные конфликты, приведшие к дестабилизации всего субрегиона Центральной Африки, создание в начале 1990-х гг. «оплота» международного исламизма в Сахаро-Сахельской зоне и т.д. Непредсказуемый характер по своим последствиям приобрело противостояние между властью и протестными движениями в 2010–2011 гг. в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Однако не менее заметную роль точки бифуркации играют и на уровне повседневного существования, социализации сотен миллионов африканского населения. Голод, нищета, рост неограниченного насилия во многих сферах частной и публичной жизни (в том числе в семейной, домашней жизни), криминализация социальной деятельности в атмосфере полной безнаказанности преступлений делают непредсказуемым и часто катастрофическим по своим последствиям социальное поведение людей, создают условия для накопления негативного наследия вооруженных конфликтов [17, с. 103–130]. О крайней неравновесности и непредсказуемости конфликтных и постконфликтных социальных систем в Африке свидетельствуют крайние разрывы и переломы в социализации гендерных групп и общностей: с одной стороны, формирование поколения молодежи, не имеющего полноценного школьного образования и нормальных перспектив профессионального трудоустройства, но привыкшего к насилию, широко и часто вовлекаемых в вооруженные конфликты (феномен «детей-солдат»), а с другой – социальная активизация женского населения, все более широкое участие женщин

в общественно-экономической жизни своих стран и региона в целом.

Смена аттракторов африканского развития. Африканское культурное и религиозное Возрождение

С позиций синергетического подхода более значимый предметный характер получает и вопрос о выборе африканскими народами новых путей постколониального развития, ориентированных на африканские ценности и идеалы и в этих рамках альтернативных по отношению к модели зависимого, догоняющего развития. Потеря стабильности и управляемости многими государствами Тропической Африки, а также затяжной Арабский кризис если не разрушили полностью, то, во всяком случае, дискредитировали аттрактор «государствования». Место процессов национально-этнической консолидации этих государств к 90-м гг. прошлого века заняла достаточно устойчивая тенденция территориального самоопределения крупных этнокультурных и религиозных общностей (опыт Эфиопии, Судана, Нигерии, ЮАР и ряда других стран). В качестве главного притягательного мотива такого самоопределения «на первый план, – по словам известного российского африканиста Н.Д. Косухина, – выдвинулся вопрос о распределении ресурсов между отдельными этносами и регионами, об изменении сложившейся в колониальный период системы этнического разделения труда и этнической стратификации, преодолении разрыва между очагами экономического развития и обширными отсталыми регионами» [18, с. 57].

Но «взрывной» по своему смыслу и возможным историческим последствиям процесс смены аттракторов африканского развития затронул и в целом область «модернизационного транзита» как «перепутья» движения в современность. Бесспорно, основой и в большой степени движущей силой африканского экономического развития остается зависимый от

ведущих экономик мира экспортно-ориентированный тип развития с помощью иностранных капиталов и технологий. В культуре африканской деловой и правящей элиты сохранился идеал детрибализованного африканца, порывающего с традиционными («племенными») институтами и структурами. Процесс вестернизации сегодня широк и на уровне массовой, городской культуры, особенно в молодежной среде. Но общество не может отказаться от сохранения основ своей (самобытной) культурной идентичности. Аттрактором модернизации все чаще становится сочетание императивов движения в современность с идеалом, требованием, нормой сохранения культурной преемственности. В африканской истории органичным и целенаправленным драйвером эндогенной модернизации как соединения современности и культурного наследия выступают принципы и ценности идеологии афроцентризма. Правда, в период завоевания и утверждения политической независимости африканских стран культурно-политические рамки данного аттрактора ограничивались в основном ценностным возвышением культур Черной Африки в качестве обоснования необходимости смены многовекового господства Европы воссозданием и верховенством Африки (Л.С. Сенгор, Ж. Ки-Зербо, Э. Мвенга и др.).

Первым понятие Африканского Возрождения – достижения на базе африканских ценностей целенаправленного культурного, экономического и интеллектуального обновления стран континента – предложил сенегальский общественный деятель и ученый Ш.А. Диоп, развивший эту идею в серии эссе, написанных между 1946 и 1960 гг. Более широкое и конкретное значение возможному вкладу Африканского Возрождения (The African Renaissance) в достижение подлинной независимости континента и в будущем – в мировые глобальные процессы придал Президент новой ЮАР Т. Мбеки. Развернувшаяся с конца 1990-х гг. пропаганда концепции Африканского Возрождения способствовала утверждению ее постулатов и

требований в постколониальном дискурсе и идеологии афроцентризма.

Правда, смысл и значение концепции и основанного на ней нового panaфриканского дискурса как аттрактора африканского пути в глобализирующуюся современность были не сразу и в должной мере оценены в международной научной мысли. Критике подверглись panaфриканский контекст и дискурс концепции, связь самой постановки вопроса о своеобразии африканской культуры в целом с внешнеполитическими интересами ЮАР, соединение главной идеи концепции Т. Мбеки – Ренессанс прежде всего в ЮАР – с будущим всей Африки [5, с. 252–256]. Внимание было обращено и на «чрезвычайную проблематичность» защиты традиционной местной культуры в ЮАР ввиду длительных и интенсивных процессов «коренных изменений и преобразований» культур коренного населения Южной Африки с XVIII в. [5, с. 256]. В действительности, как это следует из высказываний Т. Мбеки, речь о коренном пересмотре (культурном транзите) образа африканцев, переживающих мучительный процесс догоняющей модернизации и находящихся в начальной стадии современного экономического роста: от восприятия живущих на континенте народов как «отсталых и вечных нищих» к вдохновению «великими африканскими достижениями: египетскими пирамидами и сфинксами, каменными постройками Аксума, руинами Зимбабве и Карфагена...» [5, с. 249]. Но это значит, что концепция Т. Мбеки может и должна рассматриваться как первичный, теоретический в своей основе проект африканского цивилизационного транзита.

Как культурный образ, аттрактор самостоятельного африканского развития концепция Африканского Возрождения вошла в провозглашенную в 2015 г. лидерами АС программу «Повестка дня до 2063 г. Африка, какой мы ее хотим» («Agenda – 2063: The Africa We Want»). Программа отдает основной приоритет инклюзивному социально-экономическому

развитию континента, общеконтинентальной и субрегиональной интеграции, демократическому управлению, миру и безопасности африканских стран. Вместе с тем нетрудно заметить, что главная цель проекта – «создать надежную основу для устранения несправедливости прошлого и осознания XXI в. как Африканского века» выходит за рамки решения взаимосвязанных проблем социально-экономического и политического развития, устремления к политическому и экономическому единству континента и связывается с реализацией идеала Африканского Возрождения как наиболее притягательной *областью ожиданий* африканцев во всем мире: «Мы присоединяемся к общеафриканскому призыву о том, что Африка должна объединиться, чтобы реализовать свое Возрождение.

Нынешние поколения уверены, что судьба Африки находится в их руках, и что они должны действовать сейчас, чтобы сформировать будущее, которого они хотят» [40]. Это значит, что проект действий АС приобретает направленность не только социально-экономического, политического, но и *цивилизационного транзита*: утверждение принципов и ценностей высшего универсального порядка, который превалирует над локальными ограничениями и противоречиями, преодолевает территориальные границы и определяет путь дальнейшего исторического развития формируемой этим порядком культурно-цивилизационной общности.

В то же время огромные геополитические размеры и ярко выраженная геокультурная разнородность африканского макрорегиона делают весьма проблематичной выработку адекватных политических и культурно-цивилизационных принципов и механизмов единого обустройства его пространства. В плане исторических условий и предпосылок африканского цивилизационного транзита проблемой остается цивилизационный статус традиционных культур АЮС (за исключением признанных особыми локальными цивилизациями культур Эфиопии и Мадагаскара). Можно ли рассматривать эти

культуры – при всей самобытности их наследия, ценностей и институтов – в качестве особой региональной цивилизации? Значимая для сравнительной истории цивилизаций и для самосознания африканцев (включая мировую африканскую диаспору) эта проблема активно обсуждается специалистами в области истории африканских культур и мировых цивилизаций [12, с. 52; 16, с. 69–131; 32, с. 179–213; 36, с. 190–198].

Высказываются мнения о незавершенной цивилизационной транзитивности исторических культур Черной Африки: от первобытного или архаического природно-социального синкретизма к цивилизациям универсалистского типа, о неспособности этих культур противостоять вызовам западной цивилизации технически, интеллектуально и организационно, о преобладании в цивилизационном развитии региона в колониальный и постколониальный периоды деструктивных процессов над конструктивными, о возможности поглощения в будущем «архаической тропикоафриканской цивилизации» каким-то новым синтетическим образованием, рожденным в процессе глобализации, например, евроафриканской цивилизационной общностью.

На новый уровень сложности, культурной и познавательной запутанности проблему африканского цивилизационного транзита поднимают отмеченные выше процессы перемещения в АЮС демографических центров главных мировых религий – христианства и ислама, раздела между их адептами конфессионального пространства региона при общем подъеме набожности и эсхатологических ожиданиях больших масс африканского населения. На новом уровне религиозного самоопределения африканских народов (фактически на уровне фазового перехода в процессах воздействия религии на общество и процессы цивилизационного развития) идейно-культурный феномен Африканского Возрождения все больше сближается с феноменом религиозного возрождения, актуализирующим вопросы межконфессионального диалога, религиозной интеграции и мобилизации разнородных групп

населения. В контексте тяжелого, во многом непредсказуемого состояния современной африканской государственности, преодоления сложившихся в колониальную эпоху структур этнической стратификации населения и разрывов между центрами социально-экономического развития и обширными стагнирующими зонами африканских регионов наиболее актуальным представляется вопрос о предпосылках, возможностях *независимого* цивилизационного транзита местных обществ, заключенных в культурно-историческом наследии африканских народов, в способности этого наследия помочь объединению и консолидации конгломерата африканских стран и государств на цивилизационной или межцивилизационной основе.

Цивилизационный потенциал африканского культурно-исторического наследия

Наследие африканской истории и культуры вбирает в себя огромный мир африканских традиций и внешних влияний, исторических памятников и достопримечательных территорий, форм художественной культуры и структурных элементов социально-политической организации общества, закрепленных в обычаях, нормах и правилах культурной деятельности и социального поведения. Это наследие и его передачу невозможно представить без традиций ритуально-мифологической культуры, традиционных этнорелигиозных культов, обычного права, этико-нормативных традиций, традиционного фольклора и вместе с тем без перенесенных на африканскую почву европейского образа жизни, опыта насаждения западной культуры как универсальной, ограничивающей самобытность культур Востока и Африки.

Самобытность коренных африканских культур и ее яркая выраженность в традиционных формах духовной деятельности африканского искусства (обряды, культовые предметы, танцы, музыка, театрализованные представления) начали

привлекать внимание европейцев еще в конце XIX в. В первой половине XX в. традиционность африканского социума как выражение его глубокой самобытности стала предметом научного изучения в гуманитарно-культуроведческих науках. Однако термин «африканское историко-культурное наследие» начал использоваться позже – с конца 50-х гг. XX в., особенно после «Года Африки» – обретения независимости семнадцатью африканскими государствами. Появление этого термина отразило не только накопление научных знаний о древних и традиционных культурах Африки, но и культурное самоопределение африканских стран и народов, неразрывно связанное с самоопределением политическим, охватившим континент в условиях кризиса и быстрого распада мировой колониальной системы.

Подход к африканскому наследию заметно изменился в 1970–1980-е гг., когда молодые государства континента закрепили свой статус равноправных участников мирового сообщества и на первый план в политике этих государств вышли проблемы интеграции и развития постколониальных обществ региона. Важным сдвигом в понимании общеафриканского значения категории «историко-культурное наследие» стало международное признание мирового значения большого числа природных или созданных объектов и включение их в список охраняемых объектов мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Став с конца XX в. предметами индустрии международного туризма, эти объекты укрепили в мировой массовой культуре и в сфере международно-культурного сотрудничества представление о самобытности не только отдельных локальных культур, но и культурного пространства континента в целом.

Но главное и более актуальное значение приобрели вопросы о месте и роли достояния африканского прошлого в современном постколониальном транзите континента, о практическом значении, массовых способах и формах, в которых наследие транслируется и функционирует сегодня, сохраняя

самобытность африканских обществ и культур в сложной и крайне нестабильной общественно-политической и культурной жизни Африки.

Обществоведческий подход к африканскому наследию существенно расширил предметно-тематическое его изучение, сфокусировав внимание на проблеме взаимоотношений самобытности и развития постколониальной Африки, заложенных в этих отношениях возможностях экзогенной и эндогенной модернизации. В российской африканистике основы нового подхода к изучению культурно-исторического достояния континента заложили работы В.Р. Арсеньева, А.Б. Давидсона, А.С. Балежина, В.Б. Бейлиса, Д.М. Бондаренко, В.В. Бочарова, Б.С. Ерасова, Р.Н. Исмагиловой, Ю.М. Кобищанова, Л.Е. Куббеля, А.Б. Летнева, Э.С. Львовой, В.С. Мирзеханова, В.В. Мириманова, А.Н. Мосейко, А.Д. Саватеева, И.И. Филатовой, Е.В. Харитоновой и др. Проблематика соотношения наследия и современности в африканской культуре получила комплексную разработку в коллективной монографии «Африка. Культурное наследие и современность», выполненной в середине 1980-х гг. под руководством Р.Н. Исмагиловой [2].

Проведенные исследования позволяют составить целостную и вместе с тем разностороннюю картину состава и динамики формирования африканского историко-культурного наследия. Несомненно, культурно-историческое достояние современных африканских стран вбирает в себя наследие разнообразных исторических эпох, включая эпохи возникновения и распространения первых цивилизаций (в Древнем Египте, затем в Нубии, Магрибе, на Африканском Роге), распространения ислама, первичных автохтонных культурно-цивилизационных образований в Тропической Африке (древняя археологическая культура Нок, империи Сонгай и Ашанти, царства Аксум и Бенин, локальная Малагасийская цивилизация, государства Конго, Зимбабве и т. д.). Но соотношение в африканской истории самобытности и модернизации

(как макропроцесса перехода от традиционного общества к обществу эпохи Модерна) представляет наследие двух главных по своему содержанию эпох: доколониальной и колониальной. Это наследие предстает в виде особых пластов современных африканских культур, отражающих их связь с первоэлементами, изначальной субстанцией их самобытности, тождества самим себе (доколониальный пласт), с одной стороны, и с внешними образцами осовременивания местных традиционных социумов (колониальный пласт).

Доколониальный пласт представлен несколькими субфеноменами наследия, различающимися по своим главным составляющим (социальным, духовным, ментальным), но тесно связанными, соединяющимися друг с другом в обеспечении самобытности мира своей культуры, ее традиционности как способа поддержания стабильности и порядка в человеческом существовании. Первым таким субфеноменом, универсальным в африканских условиях по своей социальной и духовной мировоззренческой значимости, выступает принцип, жизненное первоначало *общинности*.

Суть и содержание африканской общинности как главного принципа самосохранения, самоидентификации человека и общности в системе тесных личностных и территориальных связей кратко, но емко выразил ведущий российский антрополог-африканист, член-корреспондент РАН Д.М. Бондаренко: «Наиважнейшей... неизменной первоосновой едва ли не всех культур Африки южнее Сахары я считаю принцип *общинности*, который заключается в способности общинных по происхождению и сути мировоззрения, сознания, поведенческой модели, социально-политических норм и отношений распространяться на всех, в том числе на над- и внеобщинных, уровнях организации социума» [6, с. 12]; «община служит универсальной матрицей, на которой держатся старые и выстраиваются новые институты. Она пережила все исторические эпохи, выстояла в эпоху колониализма и помогла Африке остаться самой собой, не превратиться в “филиал” Европы» [7].

Важное институциональное значение имеет вариативность реализации принципа общинности: от общинности семейно-родственных отношений (институт большой семьи) до распространенных в сельской местности структур территориальных соседских общин. В качестве примера противостояния африканских общинных традиций наступлению новых институтов и социальных порядков Д.М. Бондаренко приводит провал попыток европейских колонизаторов утвердить в Африке в качестве универсальной правовой нормы принцип частной собственности, прежде всего на основное средство производства в африканских условиях – землю. «Члены общины были убеждены в особой, не собственнической связи с землей, – верили, что она принадлежит предкам. Люди и земля считались неотчуждаемыми друг от друга, поскольку люди чувствовали неразрывную связь с духами предков» [7].

Этот пример тесной нерасторжимой связи социальных и духовных начал африканской общины подводит нас к еще одному важнейшему субфеномену доколониального наследия – укорененности в африканской ментальности начала первичного религиозно-мистического сознания, стирающего четкие различия между живыми и мертвыми, человеком и природой, земным и высшим мирами. Непреходящую роль этого начала как исторического достояния африканских культур, его своеобразной метафизики, невозможно переоценить как источник воспроизведения и развития через накопление религиозного опыта, мифологическое миропонимание и мифотворчество древних пластов африканского мирознания – африканской модели мира, которые описывают на большом фактическом материале известные российские специалисты по философии, социологии и психологии африканских культур А.Н. Мосейко и Е.В. Харитоновна [23].

Может показаться (если следовать установкам и стереотипам европоцентристского сознания), что принципы общинности и мифологического миропонимания выражают исключительно застойность доколониального пласта африканского

наследия – остатки и пережитки первобытной или архаической стадии культурно-исторического развития. Модернизация в этом случае предстает как необходимое условие и позитивный процесс преодоления отсталости традиционных африканских обществ. Но эта – преимущественно экзогенная – модель африканского развития теряет свою убедительность, если мы обратим внимание еще на один субфеномен доколониального пласта африканского историко-культурного наследия. Речь идет о слиянии социальных и духовных начал африканской общинности в рамках локальных религиозных общин и более широких их объединений – конфессиональных сообществ. К этому типу общинной организации могут быть отнесены традиционные общинно-родовые объединения, обычно имеющие общие культы общих духов и богов. Однако в полной мере сущность и значение данного субфеномена раскрывается в духовно-религиозном наследии африканских народов – формировании в обширных ареалах континента комплексов духовной культуры – интегрированных моделей («матриц») черт культуры и человеческих действий, объединяемых неким предельным или божественным принципом (законом) связи прошлого, настоящего и будущего, взаимоотношений традиций и новаций, религиозного опыта и опыта земного существования.

В ряде случаев подобные комплексы складывались на основе первичных начал религиозной метафизики (например, идея круговорота всего сущего, закон преемственности и связи поколений в традиционной духовной культуре Мадагаскара [25, с. 56–62, 177–178].) Однако в контексте мировых культурных взаимодействий образование и развитие этих комплексов в большой степени было связано с распространением мировых религий: ислама (исламизация Северной Африки с VII в. и ареала Сахеля с IX в.), а с началом европейской колонизации континента – европейского («западного») христианства.

Вместе с тем, заимствуя мировые религии, африканцы искали в них прежде всего те смыслы и элементы, которые соответствовали традиционным общинным принципам единения, солидарности и взаимопомощи: традиционный ислам суфийских орденов (мусульманских братств – тарикатов), конституирование в XIX–XX вв. афрохристианских церквей и сект как независимых африканских религиозных объединений и сообществ. Помимо африканизации христианства в XX в. возникли движения за африканизацию исламского вероучения. В частности, в исламских ареалах Восточной Африки развернула свою деятельность секта/движение Ахмадия («Ахмадийский мусульманский джамаат»), возникающая в конце XIX в. на основе исламского вероучения выходца из Индии Мирзы Гулама Ахмада («имама Махди») – веры в пришествие новых пророков после пророка Мухаммеда, в мировое возрождение и мирное распространение ислама.

Закрепление в африканском наследии традиций и практик духовно-религиозных общностей – обычно надлокального, надэтнического уровня – говорит о потенциале эндогенного развития африканской общинности в направлении или на основе духовных систем цивилизационного типа. Этот вывод уже получил признание в российской африканистике [29; 30, с. 98–140].

Иное – экзогенное – значение имел и имеет колониальный пласт африканского наследия. В африканском культурно-историческом сознании распространена установка на сознательное или бессознательное разрушение колониального пласта африканской истории и культуры, пренебрежение к нему как к ушедшему в прошлое вместе с системой европейского колониализма наследия рабства, грабежа и унижения африканцев. Присутствие европейцев в африканской истории и культурной памяти отождествляется исключительно с унижением и угнетением Африки по расовому принципу («ужасные белые столетия»), с наследием «империй белых», которому припи-

сываются все беды и потрясения в африканской истории, с изначальной и непримиримой противоположностью «белых» и «черных». В духе этих установок и принципов не только европоцентристское видение истории Африки, но весь пласт колониального наследия должен быть заменен африканскими устремлениями, ценностями и традициями. Характеризуя этот подход к колониальной истории и культуре как «антирасистский расизм», один из основателей отечественной африканистики А.Б. Давидсон пишет об африканской «еврофобии в сфере культуры – какие только формы она не принимает!» [10, с. 59].

Тем не менее изменения, привнесенные европейцами в самобытные (традиционные) африканские общества, не уходят из основного фонда наследия африканской истории и культуры. Колониальный пласт наследия до сих пор занимает доминирующие позиции в территориальной конфигурации – культурной и политической африканских государств, порожденной колониальным переделом континента в конце XIX – начале XX в. Субфеноменами наследия этого передела выступают, во-первых, искусственное расчленение складывавшихся веками этнических общностей границами колониальных владений, что дало толчок расколу и расхождению ряда африканских народов в процессах развития, возвышению одних этносов над другими [Сидорова]; во-вторых, столь же искусственное объединение в большинстве современных стран Тропической Африки этнических общностей, далеких друг от друга по языку и культуре.

Вместе с тем колониализм актуализировал такой компонент африканского наследия, как этническое размежевание традиционных территорий расселения местных народов по племенному или этническому признаку (явление, получившее название трибализации Африки). Новые деления кодифицировались, превращаясь в социокультурную реальность. Это стало предпосылкой управления новыми колониальными тер-

риториями и продуктом деятельности колониальной администрации, нуждавшейся в достаточно консолидированных, постоянных и понятных для европейца территориальных единицах управления. Но это не было свойственно африканским традициям, опиравшимся, как правило, на более гибкие и изменчивые обычно-правовые, общинно-родственные типы культурной идентичности. Произвольное разделение, а затем трибализация традиционных этнокультурных ареалов расселения народов резко затруднили естественное движение региона южнее Сахары по пути социальной эволюции и, прежде всего, ограничили возможности постепенной консолидации надэтнических, региональных межрегиональных общностей. Возникли новые, не имевшие прежде определяющего идентификационного значения трибалистские (этнополитические) традиции и институты. Традиции и институты неотрибализма – политизации этничности, этносоциальной стратификации общества, можно считать одним из главных субфеноменов колониального пласта историко-культурного наследия Африки.

Точно так же и модель экзогенного развития современных африканских обществ невозможно представить себе без привнесенных колониализмом новых условий и факторов международных культурных взаимодействий (фактически новой трансграничной среды культурных обменов). Неотделимыми от колониального прошлого и не теряющими свою актуальность субфеноменами африканского наследия являются, во-первых, распространенность в Африке языков бывших метрополий (в статье 11 Устава Африканского союза в качестве официальных языков организации провозглашаются арабский, французский, английский, португальский и только один язык Черной Африки – суахили); во-вторых, утверждение во всех странах континента одной из главных характеристик так называемой высокой культуры – письменной

культуры, прежде всего с целью приобщения к модернизационным процессам в экономике, социальной сфере, религии, искусстве.

И наконец, принципиально важно то, что заложенное в колониальном пласте приобщение традиционных африканских обществ к достижениям техногенной европейской цивилизации (по модели экзогенного культурного развития) с середины XX в. все более выходило за рамки стихийных, спонтанных культурных контактов и процессов неуправляемой социальной эволюции. Главную роль в этом сдвиге (возможно, даже переломе) в условиях преобразования настоящего под влиянием культурных трансферов сыграло появление в африканских колониях образованных (европеизированных) групп африканцев, занявших промежуточное положение между белыми колонизаторами и массой подчиненного чернокожего населения, а с точки зрения культурной самоидентификации – между традициями и современностью. В 40–50-е гг. XX в. эти группы превратились во влиятельный слой африканской интеллигенции (интеллектуальной элиты), взявшей на себя роль проводника движения Африки в современность. На это важное обстоятельство процессов экзогенной модернизации обращает внимание российский историк В.С. Мирзеханов, исследовавший непростые отношения африканских интеллектуалов с властью и собственным обществом: в Тропической Африке именно интеллигенция «стала главным проводником общественно-политической модернизации, непосредственным восприемником и интерпретатором процессов развития. Перед лицом общества, основанного на невысказанных противоречиях, африканская интеллигенция ощущала себя призванной перестроить жизнь по совершенно новым проектам, которые каждый создавал, сообразуясь единственно с собственным разумом» [22, с. 139]. (то есть дистанцируясь от мира африканских традиций – *И.С.*).

Итак, в историко-культурном достоянии стран Африки обнаруживается не только значительное разнообразие его

компонентов и связей прошлого с настоящим, но и существенное расхождение форм и пластов наследия прошлых веков. Старые традиции общинности и мифологического понимания мира (доколониальный пласт наследия) уже длительное время сочетаются с включенными в эти традиции формами мировых религий (ислам, христианство) и сравнительно новыми традициями заимствования ценностей и достижений европейской секулярно-техногенной цивилизации (колониальный пласт наследия). Старые и новые традиции наследия определяют его гетерогенность и противоречивость, обуславливают наличие в нем разных условий, вариантов, направлений развития – эндогенных и экзогенных.

И главный вывод – современное развитие в подобных условиях неизбежно разворачивается через усиление противоречий в условиях его осуществления: между заимствованием западного опыта модернизации и сохранением самобытности («самобытия») общества и культуры; между потребностью в обновлении африканской доиндустриальной (общинной) социальности и необходимостью поддержания стабильности и единства общества. От степени разрешения этих противоречий зависят дальнейшие перспективы обновления и включения наследия в канву современного африканского развития – в качестве ресурса его устойчивости и самостоятельности или в роли фактора кризиса и «отката назад» экзогенной модернизации. Здесь же заключено условие укрепления позиций Африки в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества.

В контексте резко обострившихся к концу XX в. противоречий между культурной самобытностью Африки и потребностью в ускорении ее современного развития все более актуальным и стратегически важным становится вопрос о культурном ресурсе африканской глобализации: приобщенности Африки к европейской цивилизации периода Модерна исключительно в качестве ее периферии, объекта прямых и интенсивных культурных влияний или складывающейся, но

самостоятельной и влиятельной силы культурной глобализации – отношений «африканской глобальности». Глобальный смысл этой проблемы хорошо передает вопрос, вынесенный Э. Бернштейн, южноафриканской исследовательницей из Центра развития и предпринимательства в Йоханнесбурге, в название своей статьи, посвященной взаимодействию сил культурной глобализации с «местными культурными силами»: «Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим?» [5, с. 202].

Изменения в конфессиональной структуре и уровне религиозности африканцев актуализируют такой важный и неотъемлемый компонент африканского историко-культурного наследия в условиях современной глобализации, как религиозный опыт – опыт связей индивида с высшим миром и открытие на его основе новых измерений и возможностей человеческого бытия. В контексте религиозного возрождения внимание африканцев привлекают способы укрепления религиозной веры и постижения ее высших смыслов через христианские и мусульманские обряды, роль религии в повседневной жизни, в том числе через возможности обращения к нормам Священного Писания и мусульманского шариата в качестве правовой основы социального порядка, альтернативной светскому законодательству.

В христианских общинах большую роль играет такой фактор актуализации религиозного опыта, как вера во второе пришествие Христа (принцип христианской эсхатологии). Актуализация религиозного опыта имеет также характерные институциональные особенности. К ним надо отнести огромное разнообразие направлений, течений, движений, организаций христианской и исламской направленности и сложившееся на этой основе пространство религиозной конкуренции [9]. В ареалах распространения христианства так называемые Новые африканские церкви (самостоятельные и независимые как в духовном аспекте, так и в плане финансовом) конкурируют с неопротестантскими течениями (пятидесятнические и

неопятидесятнические церкви и организации), находящимися под сильным влиянием неопротестантских церквей и организаций США). С традиционными суфийскими орденами в ареалах господства ислама в борьбу вступают течения исламского фундаментализма, опирающегося на наследие раннего ислама.

Присущее современной Африке многообразие конфессиональных направлений, течений и организаций затрудняет решение вопроса о влиянии этого многообразия (конфессиональной «мозаики») на африканскую модернизацию, соотношение в ней начал самобытности и ориентаций на нововведения, на консолидацию или глубокую дезинтеграцию африканского культурно-цивилизационного пространства.

Глобализация конфессионального пространства континента привносит в него такой важный феномен, как новые религиозные движения, противопоставляющие свою религиозность традиционным вероучениям канонических мировых религий и религиозным традициям, доминирующим в данной культурной среде. Из движений такого типа в Африке наибольшую популярность приобрели объединения неопятидесятников (популярны среди городского населения Кении, Нигерии, ЮАР). Если традиционные пятидесятники лояльно относятся к использованию массовой культуры в богослужении, то у неопятидесятников знаком получения «даров духовных» (харизмы) становятся в первую очередь деньги и здоровье, продвижение по службе и другие земные блага. Характерно, что в 1990-е гг. церкви неопятидесятников выступили проводником либеральных структурных реформ в африканских странах и, как считает известный российский африканист-религиовед И.В. Пономарев, облегчили для ряда африканцев «структурную адаптацию» к этим реформам [28, с. 186]. Понятно, что в таком случае неопротестантизм выступает в качестве глобального и действенного проводника неорганической, зависимой модернизации.

Новые религиозные движения, адаптированные к массовой «обмирщенной» культуре западного образца, не соответствуют духовным традициям африканского историко-культурного наследия. Выше мы уже обращали внимание на то, что характерной чертой наследия, закрепленной в его доколониальном прошлом, является способность крупных традиционных африканских культур формировать общности надлокального, надэтнического уровня – комплексы духовной культуры, определяющие потенциал самостоятельного цивилизационного развития африканской общинности. С распространением «больших» традиций ислама и христианства это качество наследия не только не исчезало, но давало толчок образованию религиозных общин и сообществ, которые приобретали единое духовное пространство, единое духовное управление и единые формы социальной активности – религиозной мобилизации своих членов.

Перемены в конфессиональной структуре африканских стран и повышение уровня религиозности африканцев в сочетании с изменением религиозной идентичности большинства верующего населения заметно усиливают интегрирующее влияние конфессиональных общин и сообществ на процессы современного африканского развития. Так, в Сенегале и Нигерии суфийские братства превратились в самостоятельные политические институты, борющиеся за влияние в обществе и непосредственно влияющие на расстановку политических сил в этих странах. Центры орденов переместились в города, а интеллектуальная и духовная деятельность орденов начала включать в себя элементы модернизированной гражданской культуры.

На рубеже XX–XXI вв. также заметно повысилась предпринимательская активность тарикатов. В районах распространения христианства важным фактором общественных преобразований становится превращение наиболее влиятельных афрохристианских церквей в самостоятельные сообщества, выходящие за рамки национальных государств: харризм – в Западной Африке, кимбангизм – в Центральной

Африке, апостолизм в Южной и Центральной Африке. Как и мусульманские общины – тарикаты, эти сообщества активно вовлекаются в модернизационные процессы в качестве их активной и самостоятельной силы.

Нельзя не учитывать также интеграционный потенциал (в смысле объединения, синтеза разных пластов африканского наследия) идеологии Африканского Возрождения. При всех различиях в направлениях и тенденциях Африканского возрождения они имеют один общий тренд своего развития – утверждение самобытности африканцев и африканских культур в процессах модернизации. Это не отрицание современности как действительности сегодняшнего дня, а ее *африканизация*: повышение способности традиционного наследия внести в эту действительность истинно африканские ценности порядка, взаимопомощи, солидарности, человеческого духа. Вместе с тем не только допускается, но фактически провозглашается необходимость обновления историко-культурного достояния Африки: замещение разрушенных или распадающихся древних общинных форм социальности их современными идеологическими и духовно-религиозными аналогами, способными внести африканский акцент в процессы культурной глобализации, и противостоять тенденциям социального распада и разрушения высших культурных ценностей.

Фактически речь идет о формировании нового пласта африканского наследия, который должен не просто частично заместить, а вытеснить в прошлое его колониальный пласт, держащийся на разрушении подлинной африканской самобытности. Новый пласт вбирает в себя опыт борьбы африканских стран и народов за *культурную независимость*. Этот опыт весьма разнообразен: от традиций «черного» национализма, противостоящего прямой вестернизации бывших африканских колоний, до традиционной для философии афроцентризма критики культурных оснований самой западной цивилизации. Однако сами по себе эти традиции вряд ли бы стали особой частью африканского наследия, поднимающей

его на новый культурный и макроисторический цивилизационный уровень, если бы их не поддерживал и не закреплял транзитивный процесс поиска новых африканских идентичностей, которые могли бы помочь африканцам войти в современный мир и в то же время не потеряться в нем. Как справедливо отмечают А.Н. Мосейко и Е.В. Харитонова, в процессе поиска новых идентичностей «происходит все более глубокое осмысление собственных культурных ценностей, их использование в различных аспектах общественной жизни; ... лидеры африканских стран и африканские интеллектуалы обращаются к традиционным ценностям в поисках самобытных социальных форм, обладающих потенциалом собственного развития» [24, с. 66].

В нарастающих процессах трансформации мотивов и форм самоидентификации африканцев проявляются, с одной стороны, межэтнические и межнациональные противоречия, придающие борьбе за культурную независимость характер неприкрытого соперничества за выживание, сохранение и самоидентификацию локальных общностей, с другой – утверждение высших цивилизационных принципов, цивилизационного порядка, которые преодолевают территориальные границы (что особенно актуально в условиях этнической «чересполосицы» африканских государств) и ставят пределы власти, политике, «голому» экономическому влиянию. Цивилизационные перспективы Африки сегодня актуализируются, превращаются в реальные проекты не только благодаря субрегиональным религиозным движениям, но также в прямой связи с программой дальнейшей региональной интеграции африканских стран (программа Африканского союза). Идея присутствия в культурном многообразии континента начал или основ культурно-цивилизационного единства все более входит в африканское общественное сознание¹.

¹ Заметную актуальность вопрос о существовании особой африканской (тропикоафриканской) цивилизации приобрел и в международных исследованиях [3].

Еще рано определить, даже на уровне общих оценок, какую конфигурацию новому, *деколониальному* пласту африканского наследия способны придать идентификационные процессы и ориентиры эндогенного развития Новой Африки. Субфеноменами пласта могут стать и значительная культурная интеграция стран Тропической Африки, что уже в среднесрочной перспективе способно привести к повышению ее цивилизационного статуса как самостоятельного регионально-цивилизационного образования, и развертывание в ряде стран этого субрегиона крупных религиозных конфликтов и войн. Однако представляется несомненным, что новый пласт африканского наследия способен значительно повысить культурный потенциал современного африканского развития – ресурсы международных культурных контактов, трансферов, культурных партнерств межгосударственного и глобального уровней.

Благодаря этому потенциалу и его умелому использованию самостоятельность и устойчивость африканского развития могут быть серьезно повышены путем привлечения мирового внимания к уникальным объектам и территориям африканского культурного наследия, через налаживание в странах континента общей и созидательной культурной жизни, общих и стабильных форм культурной идентичности или через культурно-цивилизационное партнерство – налаженную духовную систему человеческого взаимопонимания, общую этику и цивилизованные формы разрешения острых и затяжных конфликтов. Именно содействие решению этих масштабных и судьбоносных задач культурного возрождения Африки способно придать новый контекст, новое и первостепенное значение культурно-гуманитарному сотрудничеству со странами Африки, повысить роль в этом сотрудничестве России, далекой от традиций колониального господства на континенте.

Литература

1. *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л., Сапунцов А. Л.* «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М.: Институт Африки РАН. 2007. 196 с.

2. Африка. Культурное наследие и современность. М.: Наука, 1985. 308 с.

3. Африканская цивилизация в глобализирующемся мире: По материалам научной конференции / ИМЭМО РАН. Т. I–II. ИМЭМО РАН, 2006.

4. *Байбакова Л. В., Некрасова Т. А., Роголев Ю. Н.* Границы и перспективы применения транзитологии в исторических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2015. № 3. С. 93–118.

5. *Бернштейн Э.* Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим? // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.

6. *Бондаренко Д. М.* Общинность: первооснова историко-культурной и социально-политической традиции Субсахарской Африки // Восток (Oriens). 2014. № 2. С. 10–22.

7. *Бондаренко Д. М.* Тезисы: общинная цивилизация Африки. Как ей удалось сохранить свою идентичность // Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Научно-образовательный портал IQ – Новости. 18.10. 2018. [Электронный ресурс]. – URL: q.hse.ru/Новости/226219858.html (дата обращения: 17.07. 2022).

8. *Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е.* «Постколониальная библиотека»: афроцентризм, афрополитизм, афропейство // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 270–285.

9. *Горохов С. А.* География религий. Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: Юнити-Дана, 2020. 235 с.

10. *Давидсон А. Б.* Антирасистский расизм // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 51–71.

11. *Давидсон А. Б.* Перелом в судьбе Африки. К 60-летию «Года Африки» // Новая и новейшая история. 2020. № 3, Т. 64. С. 130–137.

12. *Ерасов Б. С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.

13. *Зданевич А. С., Хохолькова Н. Е.* Всероссийская научная конференция «Перелом в истории Африки. Ожидания и реальность // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65, № 1. С. 251–253.

14. *Зеленев Е. И.* Исламский фактор в современной Африке: «переходный период» и «реисламизация» // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 10–17.

15. *Ионов И. Н.* Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118–135.

16. *Кобищанов Ю. М.* Африканские цивилизации: становление и эволюция // Африка: культурное наследие и современность. М.: Наука, 1985. С. 69–13.

17. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Институт Африки РАН, 2013. 458 с.

18. *Косухин Н. Д.* Этнополитические конфликты в Африке: истоки и типология // Вестник РУДН. 2011. № 1. С. 48–58.

19. *Кузнецов И. И.* Парадигма транзитологии (плюсы и минусы объяснительной модели переходного периода) // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 46–51.

20. *Леонов И. В.* Феномен «переходности» в макродинамике культуры: дис. ... канд. культурологии. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2008. 233 с.

21. *Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь Мир, 2006. 220 с.

22. *Мирзаханов В. С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М.: ИВИ РАН, 2001. 248 с.

23. *Мосейко А. Н., Харитонова Е. В.* Африканская метафизика: развитие религиозного опыта и мифологическое миропонимание // Метафизика. 2016. № 2. С. 123–138.

24. *Мосейко А. Н., Харитонова Е. В.* Цивилизационная идентичность как фактор общественных трансформаций. Африканский опыт // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. II. М.: ИАФР РАН, 2017. С. 43–81.

25. *Мосейко А. Н.* Мадагаскар. Особенности культурно-цивилизационного развития. М.: ИАФР РАН, 2018. 222 с.

26. *Нисневич Ю. А.* Постиндустриальный цивилизационный транзит: институциональный аспект // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 77–88.

27. Перелом в истории Африки. Ожидания и реальность: К 60-летию «Года Африки»: сборник статей. М.: ИВИ РАН, 2021. 257 с.
28. Пономарев И. В. Движение неопятидесятников: проект адаптации африканских обществ к культурной глобализации // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. II. М.: ИАФР РАН, 2017. С. 175–196.
29. Саватеев А. Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: ИАФР РАН, 2006. 304 с.
30. Саватеев А. Д. Суфийские ордены: от религиозного опыта к локальной цивилизации // Религиозный опыт народов Тропической Африки: психологические и социокультурные аспекты. М.: ИАФР РАН, 2012. С. 98–140.
31. Сидорова Г. М. Геополитическое наследие колониализма // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-88431-237-1/ (дата обращения: 20.07.2022).
32. Следзевский И. В. Идея африканской цивилизации как культурный и научный конструкт // Цивилизации / ИВИ РАН. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика. М.: Наука, 2014. 267 с.
33. Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. М.: Академический проект, 2019. 802 с.
34. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен параллельных обществ в системе международно-политических отношений. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. 551 с.
35. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 603 с.
36. Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009. 292 с.
37. Чагдурова Э. Д. «Транзитивность» как объект философского осмысления // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1. С. 24–28.
38. Яковлева Т. А. Культура и культурология в хронотопе переходности: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинская государственная академия культуры и искусства. Челябинск, 2004. С. 3.

39. African Politics and Society: A Mosaic in Transformation. Boston, New York: Bedford/St. Martin's, 2000. 378 p.

40. *Agenda 2063*. Report of the Commission on the African Union Agenda 2063. The Africa We Want in 2063 // Assembly of The Union, Twenty-Fourth Ordinary Session, 30-31 January 2015, Addis Ababa, Ethiopia African Union Website. – URL: www.au.int (accessed: 29.07.2022).

41. *O'Kane D., Бондаренко Д. М.* Plural Trajectories: Introduction to African Futures // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. No. 2. С. 5–14.

I.V. Sledzевsky

CIVILIZATIONAL TRANSIT OF POSTCOLONIAL AFRICA (PROBLEM STATEMENT)

Abstract. The article is devoted to the cultural and historical transits of the post-colonial development of Africa. The focus of this article is on the possibilities of a shift in the civilizational development of postcolonial Africa – from the growth of separatism, the weakening and degradation of nation states to the transformation of transitional processes of African postcolonialism into a relatively stable macro-regional civilizational transit that can overcome or weaken in the historical perspective the trends of political and religious schism, ethnic separatism. The purpose of the study is to determine the possible consolidating potential of civilizational transit of several regions of Africa adjacent to each other and connected with each other by long-term cultural and historical contacts and influences (Northern, Western, Eastern, Central Africa). The critical factors and processes of the post-colonial history of the continent are considered – from the standpoint of social synergy – the crisis of the Western (catching up) model of development, the development of forms of global African identity, the movement of demographic centers of world religions (Christianity and Islam) to the sub-Saharan region, the convergence of the trajectories of the African cultural and religious renaissance.

Key words: African postcolonial and global civilizational transit, social synergy, bifurcation points and attractors of postcolonial African development, African cultural and religious Revival, cultural heritage of the peoples of Africa

Г.М. Сидорова

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ ЮЖНЕЕ САХАРЫ И ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ

Аннотация. В XXI столетии африканские государства Южнее Сахары значительно продвинулись по пути к демократии. Укрепили их политические элиты, появился курс на укрепление национальной безопасности и идентичности. Страны континента стали сами выбирать партнеров по взаимодействию. Расширяются геополитические рамки сотрудничества. Лидеры многих африканских государств нацелены на укрепление связей с Россией, включая военно-техническую область, информационные технологии и бизнес.

Ключевые слова: Африка, Россия, Украина, конфликты, безопасность, военно-техническое сотрудничество, саммит «Россия – Африка»

Введение

Африканские государства проделали огромный путь к политической независимости. Рубежный год обретения независимости (1960) для большинства стран континента был несомненно переломным в историческом плане, но институциональная перестройка была длительной и болезненной. Еще до недавнего времени вопросы власти решались с позиции силы, с помощью пушек и огнеметов. А что касается бывших метрополий, то они никак не хотели мириться с потерей своих колоний и стремились сохранить свое влияние в бывших африканских вотчинах, брали на себя обязательства «помогать» африканцам строить свое будущее, сохраняя при этом, конечно же, свои собственные интересы. Потребовалось более полстолетия, чтобы утвердились демократические принципы, не преследовалась оппозиция, межгосударственные отношения строились на основе международного права. Вырос

авторитет африканских стран, а их голоса стали востребованы в ООН при решении крупных задач, таких как межгосударственные или региональные конфликты.

Отношение африканских государств к событиям на Украине

Самостоятельность политического мышления стала хорошо заметна в отношении государств Африки к событиям на Украине.

Африканские государства по-разному реагируют на сложную международную обстановку, включая спецоперацию России на Украине. В принципе так было всегда – и в годы «холодной войны», и в постбиполярную эпоху. 54 государства Африки неоднородны. Они различаются по социальному, политическому и экономическому развитию. Широка и этническая палитра государств континента. «Африка – это не страна, а континент, и ситуация не везде одинаковая» – справедливо утверждает президент «Фонда Браззавиль» Жан-Ив Оливье [1]. В силу разных причин они не могут одинаково реагировать на события. Во многом их официальная позиция зависит от традиционных связей с западными странами, финансирования извне, а также от современных связей, «скрепленных» договорами и обязательствами в военной, торговой и других областях.

Если говорить о тех странах, которые уважительно относятся к нашей стране, но не могут поддерживать ее политически, то мотивация очевидна. Это боязнь своих западных партнеров, которые готовы перекрыть им «финансовый кран» из-за «непослушания», что чревато катастрофическими экономическими последствиями. Хотя многие страны континента и вышли из-под колониального гнета более 60 лет назад, многие из них, а это касается прежде всего стран южнее Сахары, продолжают оставаться бедными, со слабой армией и

экономикой. Для этих стран важно коллективное мнение, и в первую очередь мнение Африканского союза.

Африканский союз однозначно осудил спецоперацию России, однако мнения среди африканских лидеров разделились, что помешало дипломатическому наступлению Вашингтона. Так, например, отказавшись поддержать позицию США, президент Сенегала Маки Салл подчеркнул о «необходимости диалога в целях урегулирования конфликта переговорным путем» [2]. И это при том, что Сенегал является стойким союзником Запада и его отказ невозможно объяснить российским влиянием. Сделал он это в ходе телефонного разговора с украинским президентом Владимиром Зеленским, который высказал просьбу обратиться с речью к Африканскому союзу. В телефонном разговоре с Президентом В.В. Путиным 9 марта 2022 г. лидер Сенегала высказался за «прекращение длительного огня на Украине» [3].

Ведущая газета Сенегала *Le Quotidien* назвала позицию президента Салла «смелой и соответствующей политике нейтралитета и активной дипломатии, которую проводит Дакар» [4]. Газета отмечает, что президент Салла вновь подтвердил главный принцип внешней политики Сенегала – неприсоединение и мирное разрешение конфликтов. В статье также отмечается, что европейцы и американцы защищают на Украине лишь свои национальные интересы, а публикуемые ими «страшные» фото «российских преступлений» ничем не отличаются от тех, что мировое сообщество уже много раз видело в Секторе Газы.

Позиция М. Салла соответствует принципу неприсоединения, которого Африка придерживается с 1960-х гг., когда африканские государства, обретя независимость, стали следовать собственному политическому курсу. Из-за давления Запада на Россию в Африке решили возродить движение неприсоединения. Об этом сообщили журналисты *Foreign Policy* (FP) Джек Деч и Робби Грамер [5]. В статье «Запад оказывает на Африку давление с целью осуждения России» авторы

указывают на то, что США и Европейский союз стремятся изолировать Москву и привлечь как можно больше государств к своей коалиции, однако в Африке такая политика сталкивается с непониманием. Журналисты утверждают, что такая западная риторика уже возродила дискуссии в африканских политических кругах о необходимости вернуть движение неприсоединения, которое существовало во времена «холодной войны». Излишнее давление Запада на африканские страны, по их мнению, «может иметь неприятные для Запада последствия». Или, как они утверждают, попытки Запада, в частности Вашингтона и ЕС, давить на Африку могут стать «выстрелом себе в ногу, особенно когда происходят по принципу «с нами или против нас» [5].

Российский Посол в Анголе В.Н. Тараров также считает, что страны Запада оказывают чрезвычайное давление на государства Африки, требуя осудить действия России на Украине. «Они подчеркнуто ведут себя так, говоря, что мы будем содействовать установлению мира, мы будем содействовать всеми силами, чтобы были достигнуты договоренности между сторонами». В.Н. Тараров в беседе с РИА «Новости» подчеркнул, что в своих требованиях Запад иногда доходит до угроз и шантажа, что аморально. Посол обратил внимание, что, когда голосовали за антироссийскую резолюцию на Генеральной Ассамблее ООН, практически все африканские страны проголосовали нейтрально, то есть воздержались. «Но не посмели против проголосовать, потому что давление было чрезвычайным» [6], – сказал В.Н. Тараров.

Африка поддерживает Россию

Несмотря на давление Запада на африканские государства, наметилась устойчивая тенденция к росту поддержки российской политики на Украине.

Красноречивы слова бывшего премьер-министра Бенина Лионеля Зинсу в адрес нашей страны: «Сейчас мы все только

и слышим про этот кризис, антирусские санкции, нефть, газ. А вы понимаете, что этот кризис – значит, например, для Африки? Россия поставляет нам зерно и кукурузу. Вся логистика идет через Черное море. И Африканский мир застыл в ужасе от происходящего. «В ужасе от действий США и Евросоюза», – сказал Лионель Зинсу. – Вы не купите африканцев рассказами о демократии. Это только ваши сказки для внутреннего потребления. Большинство африканской элиты сформировано в Советском Союзе – врачи, инженеры, летчики, учителя, ученые. Русские единственные из европейцев провели в Африке деколонизацию. И Африка это помнит. Так же, как Африка помнит европейские зверства». ...Россия несет добро, что бы вы об этом ни думали. Это константа, – отметил он. – Вся Африка следит за ЦАР и Мали. То, что европейцы не могли сделать десятилетиями, русские сделали за год. На месте ЦАР были бандформирования, сегодня там настоящее государство. ...Я не хочу говорить о демократии, и вы не разжалобите меня, африканца, рассказами о несчастной Украине и призывами к человечности. Ваша демократия – это ваше дело. Не надо нам навязывать ваши представления о том, как нам, африканцам, жить» [7].

Украинский кризис получил отклик и у президента ЮАР Сирила Рамафосы. В твиттере лидер африканской страны пояснил, что с начала кризиса многие западные страны приняли сторону Украины, а африканские страны заняли скорее позицию наблюдателя и не стали объявлять о своем решении. В частности, так поступила и ЮАР. ЮАР была одной из 35 стран, воздержавшихся при голосовании по резолюции ООН в марте 2022 г., осуждающей Россию. Официально ЮАР занимает нейтральную позицию. При этом лидер страны подчеркнул, что Россию и ЮАР связывают исторические связи, а также участие в организации БРИКС [8]. Отметим, что ранее лидер ЮАР заявил, что НАТО создало украинский кризис, «спровоцировав Россию» [9]. С. Рамафоса подчеркнул, что кризиса можно было бы избежать, если бы альянс не

расширялся на восток. «Есть те, кто настаивает на том, чтобы мы заняли очень враждебную позицию по отношению к России. Вместо этого мы будем настаивать на необходимости диалога. Крики и вопли не помогут положить конец этому конфликту», – заключил он [9].

События в Центральноафриканской Республике (ЦАР) также свидетельствуют о поддержке России. Об этом пишет корреспондент Би Би Си Виктор Дюпуа. 4 марта 2022 г. в столице ЦАР Банги сотни мирных граждан собрались возле памятника российским воинам, охраняющим женщин и детей. Этот монумент был воздвигнут в 2021 г. в знак благодарности российским военнослужащим, которые помогли властям страны навести порядок и обеспечить безопасность мирных граждан. Блез Косиматши, член политической платформы ЦАР «Galaxie Nationale», который был среди участников манифестации, заявил: «Мы собрались здесь, чтобы выразить нерушимую поддержку России в ее войне. Я думаю, что она была навязана России Западом» [10]. В. Дюпуа с недоумением отмечает, что «это событие далеко не анекдотичное. Оно свидетельствует об увеличивающемся влиянии русских на континенте. В то время как большая половина мирового сообщества осуждает вмешательство на Украину, позиция африканских стран кажется более чем странной» [11].

Африканцы, находившиеся в эпицентре конфликта на Украине, воочию убедились, какова цена «украинской демократии» по западным образцам. Так, представители Нигерии, вынужденные покинуть Украину во время проведения специальной операции, осудили украинские власти за дискриминацию и расизм. Нигерийцы были крайне возмущены, как с ними обошлись во время эвакуации. Они не могли покинуть Украину, их не пропускали через границу в Польшу. Официальный представитель ЮАР Клейсон Мониела заявил, что к африканским студентам очень плохо относятся на границе. Видеоматериалы свидетельствуют о том, что представители украинских служб безопасности не допускают африканцев в

автобусы и поезда, направляющиеся в сторону границы. «Варварское украинское правительство проявляет расизм по отношению к африканцам, варварское украинское правительство использует мирное население в качестве защиты от российской армии и выдает гражданским оружие, чтобы те сражались против России. Действительно комедийное украинское правительство», – прокомментировал Khuthadzo Muenda [12].

Таким образом, какой бы оголтелой ни была антироссийская пропаганда, она лишь усиливает недоверие африканцев к Западу и Украине. Саммит «Россия – Африка» 2019 года стал прекрасной иллюстрацией того, что африканские страны заинтересованы углублять и расширять сотрудничество с нашей страной.

Взаимодействие России с африканскими государствами

Перемены в России на рубеже XX–XXI вв. неминуемо отразились на российско-африканском взаимодействии, включая военную сферу. Оно не прекращалось, но заметно снизилось. Теперь сотрудничество в различных областях восстанавливается и набирает обороты. Об этом свидетельствуют результаты поездки Министра иностранных дел С.В. Лаврова по странам Африки в июле 2022 г.

Несомненный импульс динамике российско-африканских отношений придал саммит «Россия – Африка» в октябре 2019 г. В преддверии этого масштабного форума президент В.В. Путин в интервью ТАСС от 25 октября 2019 г. сообщил, что «открывается новая глава в отношениях между Российской Федерацией и странами Африки. Россия сыграла значимую роль в освобождении континента и оказывала помощь в защите независимости и суверенитета, в становлении государственности, формировании основ национальной экономики, создании боеспособных вооруженных сил» [13]. Поскольку российскую военную технику знают и ценят в африканских

государствах, от стран региона поступают новые обращения с просьбами о поставке продукции военного назначения.

В числе российских внешнеполитических приоритетов – развитие и упрочение взаимовыгодных связей с африканскими странами и их интеграционными объединениями. При этом Россия не навязывает своих стереотипов взаимодействия и придерживается принципа «африканским проблемам – африканские решения». По словам министра иностранных дел Анголы Тете Антониу, «Россия вернулась на орбиту справедливого международного измерения, и ее репутация в Африке неизменно повышается» [14].

О выигрышных характеристиках военной техники русского производства

Русская военная техника – это результат почти вековой истории военной теории и практики в России/СССР. После окончания Второй мировой войны она много раз менялась. Разработка техники велась не только для арктических и таежных регионов, но также пустынь и полупустынь, и даже зон субтропического климата на территории СССР и РФ, т.е. на театрах боевых действий, близких по условиям использования к субрегионам Африки.

Менялись типы танков, БТР и прочей военной техники, и в результате на складах оставались тысячи машин длительной консервации, не выработавших свой ресурс. Разрабатывалась документация для их модернизации в случае введения в эксплуатацию в новое время. Сама концепция обороны огромной территории бывшего СССР подразумевала выпуск военной техники гигантскими сериями, поскольку крупносерийность и стандартизация понижали себестоимость продукции военного назначения. Учитывая слаборазвитость дорожной сети, боевые машины создавались с учетом необходимости максимальной автономии в ходе боевых действий, невзыскательности к горюче-смазочным материалам, а в последнее

время и с многопливными моторами. Колесные и гусеничные бронетранспортеры и боевые машины пехоты поколения 1950–2020 гг., многие из которых являются плавающими, вполне подходят и для условий Тропической Африки. Таким образом, российская военная техника привлекательна для силовых структур африканских государств, поскольку по своим техническим характеристикам она пригодна для эксплуатации в тяжелых климатических условиях, а также способна защитить военнослужащих в случае огневой атаки. Член экспертного совета офицеров России Александр Перенджиев считает, что «российское оружие в категориях цена/качество/надежность не имеет равных в мире» [15].

Нужно ли крупным игрокам на международной арене опасаться возвращения России в Африку?

В связи с возвращением России в Африку у европейских и восточных партнеров африканских государств возникает множество вопросов. В первую очередь, не вытеснит ли их Россия с африканского рынка? Не станет ли Африканский континент, как во времена «холодной войны», «площадкой» для противоборства двух или более государств? Как думается, опасения политических и военных экспертов напрасны. Мир движется к устойчивой полицентричности, а это означает, что прошедших времен, даже если очень захотеть, уже не вернуть. Стереотип политизированных отношений ушел в прошлое, и теперь главное в выстраивании международных связей – геополитика и бизнес. Не только российские [16], но и западные исследователи отмечают, что в советские времена доминировало стремление советского руководства к максимальному установлению коммунистических режимов на мировом пространстве, подрыву позиций западного блока на континенте, то теперь ситуация изменилась коренным образом. Появились свежие взгляды на новые реалии. Справедливо утверждение бельгийской исследовательницы Амандин

Дюсулье, которая в своем аналитическом обзоре утверждает, что «возвращение Москвы в этот регион [Африку] мотивировано совсем не теми амбициями, что в советскую эпоху. Сегодня речь не идет о навязывании какой-либо идеологии, но скорее о заключении контрактов в различных областях» [17].

Изменилась Россия, изменились и африканские государства. Если к моменту обретения независимости африканские государства испытывали трудности государственного управления из-за отсутствия квалифицированных кадров, то сейчас пришло новое поколение технократов – грамотных, образованных прагматичных, нацеленных на реальное взаимовыгодное сотрудничество как со старыми, европейскими, так и с новыми, восточными, партнерами. По словам В.В. Путина, «африканцы не заинтересованы в эскалации противостояния крупных держав на континенте. Напротив, они предпочли бы, чтобы соперничество сменилось на сотрудничество в противодействии таким острым для Африки вызовам, как терроризм, преступность, наркоторговля, неконтролируемая миграция, нищета, опасные инфекционные заболевания. ...Мы не дружим с кем-либо против кого-либо и решительно отвергаем какие бы то ни было геополитические игры вокруг Африки» [18].

Стала заметной обеспокоенность западных экспертов динамикой российско-африканских отношений, особенно после саммита «Россия – Африка» в октябре 2019 г., где одной из ключевых тем было военно-техническое сотрудничество.

Любое новое проявление заинтересованности России в сотрудничестве с Африкой сразу же попадает в фокус внимания западных СМИ. Причем акцент делается на «геополитических амбициях» Кремля. Обозреватель французской газеты «Ле Монд» Ж.-П. Филью подчеркивает, что В.В. Путин во время своего визита в Алжир в 2006 г. списал этой стране долг в 4,7 млрд долл. США и в ответ на это «ангажировал своего гостя приобрести оружие на сумму в 7,5 млрд долл.» [19]. Таким образом, заключил французский эксперт, Алжир отныне

становится первым покупателем русского оружия в арабском мире. Надо отметить, что это случилось не вчера и не сегодня. Алжир всегда был первым в списке покупателей российского оружия. Об этом писал еще российский африканист Е.Н. Корендясов, ссылаясь на статистику Стокгольмского института исследований проблем мира – SIPRI [16]. Свои опасения по поводу активизации России на Африканском континенте высказала уже упоминавшаяся А. Дюсулье. Она считает, что активность русских может ослабить европейские позиции в регионе. Европа, по ее мнению, «должна тщательно отслеживать эволюцию событий, быть бдительной и наблюдать за связями с африканскими лидерами. Время покажет, каковы будут последствия возвращения русских на континент, но важно уже сейчас делать прогнозы» [17].

В этой же связи эксперт Центра исследований проблем безопасности РАН Константин Блохин в беседе с журналистами издания «Экономика сегодня» отмечал, что «США раздражены действиями России и Китая. Американцы буквально взбешены, так как Китай и Российская Федерация дополняют друг друга в Африке. Москва работает с упором на военно-политическое и торговое сотрудничество, а Пекин дополняет это своими экономическими проектами» [15]. Эксперт исследовательского центра GRIP в Брюсселе Элефтерис Винь считает, что «с точки зрения африканских властей, предложения Москвы являются выгодными и козырными, поскольку Россия не ставит в своих предложениях каких-либо предварительных условий относительно управления государством или борьбы с коррупцией... К тому же, в противоположность европейским государствам, африканские столицы чаще всего рассматривают Москву (впрочем, как и Пекин) как наиболее уважающую национальный суверенитет» [20]. Другой эксперт, Татьяна Кондратенко утверждает, что американское и европейское армейское снаряжение слишком дорогостоящее, а российское продается по умеренной цене. Она считает, что способы подачи предложений России являются весьма

эффективными. По ее утверждению, «переговоры с русскими заслужили репутацию быстрого нахождения решения. Они не ставят неудобных вопросов и умеют предлагать интересные коммерческие предложения и не заостряются на вопросах прав человека, как некоторые западные страны» [19]. В определенном смысле Россия заполняет пустоту, возникшую вследствие негибкости европейских и американских поставщиков.

Способность России к конкурентной борьбе

Современный мир отличает от прошлого века высочайшая конкуренция в бизнесе, торговле, высоких технологиях, даже в медицине, как показал опыт разработки и серийного выпуска вакцины от коронавируса. После длительного отсутствия на Африканском континенте России встает вопрос о конкуренции с другими странами, которые уже давно плотно взаимодействуют с рядом африканских государств. Прежде всего, это бывшие колониальные метрополии – Великобритания, Франция и Бельгия. Помимо них – США, КНР, Индия, Турция, государства Персидского залива, Япония, Республика Корея, Израиль, Бразилия. Африку сегодня рассматривают не только как источник сырья, но и как расширяющийся рынок потребления. Готова ли Россия к конкуренции в Африке? Естественно, с таким многообразием партнеров и увеличением их интереса будет расти и конкуренция. По словам лидера России, мы учитываем эти реалии и делаем соответствующие выводы. И готовы не к «переделу» богатств континента, а к конкуренции за сотрудничество с Африкой. Главное, чтобы эта конкуренция была цивилизованной, развивалась в правовом русле. Нам есть что предложить африканским друзьям [18].

Министерство обороны России оценило возможности военно-технического сотрудничества России в целом на ближайшую перспективу. Так, замминистра обороны Александр

Фомин сообщил, что «по итогам прошлого года [2017 г. – Г.С.] Россия сохраняет ведущие позиции на международном рынке вооружений среди государств – основных экспортеров продукции военного назначения... Объем экспорта этой продукции составил свыше 15,2 млрд долл. США. В сфере военно-технического сотрудничества Россия поддерживала контакты с доброй половиной государств мира» [21].

По словам директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) Дмитрия Шугаева, «работа по продвижению российской военной техники ведется в условиях серьезной конкуренции с ведущими игроками на международном рынке вооружений. Несмотря на это, ряд государств Африки южнее Сахары высказывается о Российской Федерации как о приоритетном партнере в области ВТС» [22]. В интервью «Интерфаксу» Д. Шугаев сказал, что «портфель экспортных заказов России на вооружение и военную технику в целом составляет 55 млрд долл., он стабилен, несмотря на западные санкции. Важно, что этот тренд сохраняется в течение последних нескольких лет в коридоре 53–56 млрд долл.» [22]. Кроме того, глава ФСВТС подчеркнул, что Россия учитывает ситуацию с пандемией коронавируса при экспорте военной продукции, и ее система ВТС способна выдержать последствия угрозы [21]. Далее военный специалист отметил, что заказы африканских стран превышают сумму в 3 млрд долл. США. По его мнению, объемы сотрудничества в военно-технической области сохранятся и имеются хорошие предпосылки к его наращиванию. Наибольшим спросом в странах Африки южнее Сахары пользуются, прежде всего, вертолеты семейства «Ми», самолеты семейства «Сухой» и «МиГ», системы ПВО «Панцирь-С1», «Корнет-Э», «Тор-М2Э», а также танки, бронетранспортеры и легкое стрелковое оружие [22].

Стоит сказать, что Россия предлагает Африке как хорошо известное, так и новейшее оборонительное оружие. Акцент делается на модификациях уже известных и пользующихся

наибольшим спросом моделей. Например, автомат Калашников серии АК-200, который демонстрировался на выставке в ходе саммита «Россия-Африка» в октябре 2019 г., или зенитный ракетный комплекс системы земля-воздух Тор-М2КМ, а также боевой вертолет Ми-35П.

По данным SIPRI, в период с 2014 по 2019 г. Россия была главным поставщиком оружия в Африку. Россией было поставлено почти вдвое больше оружия на Африканский континент, чем США (14 %) и Китаем (13 %). Франция находится на 4-м месте (6,1 %) [23]. Французский эксперт Ролан Дюма уточняет, что «Франция явно отстает, что свидетельствует об ослаблении ее связей с бывшими колониями» [23].

Россия доказала практичность и надежность своего военно-промышленного комплекса на примере Камбоджи, Вьетнама, Кубы и других стран. Это подтверждается тем, что советские танки Т-34-85, отслужив 40 лет в Лаосе и участвуя в реальных боевых действиях с американцами, в 2020 г. в исправном состоянии были привезены в Москву, сохранили полную боеспособность и участвовали в юбилейном параде победы на Красной площади. Доказала свою эффективность и надежность российская военная техника и в Сирии. «Военные операции в этой арабской стране стали хорошим «маркетинговым ходом» для продвижения своей военной продукции. Это позволило России занять второе место на шкале мировых экспортеров оружия после США», – утверждает аналитик А. Дюсулье [17]. Этой же точки зрения придерживается и военный эксперт Василий Дандыкин: «Повышенный спрос в Африке на оружие российского производства обусловлен, по его словам, тем фактом, что российское оружие и техника доказали в деле свою боеспособность, в том числе и в Сирии. Речь идет об артиллерийских системах, стрелковом оружии, средствах радиоэлектронной борьбы и зенитных комплексах. Вертолеты, артиллерия, системы залпового огня, танки и так далее – все это может быть приобретено, – уверен эксперт. –

Все это дешевле того же американского и европейского оружия, но по надежности и эффективности им не уступает» [21].

Конкуренцию России может составить Китай, хотя оба государства и «дополняют» друг друга на континенте. Оружие и техника Китая дешевле, однако они уступают в качестве и сроках службы. И это признают наши африканские партнеры.

Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России в Африке

В настоящий момент в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС) действуют соглашения более чем с 30 африканскими странами, по которым Россия поставляет в Африку широкую номенклатуру вооружений и военной техники на коммерческой, а также безвозмездной основе.

Сдвинулись с «мертвой точки» так называемые застарелые договоренности с некоторыми странами. Так, в 2018 г. в ДР Конго наконец было ратифицировано соглашение о военно-техническом сотрудничестве, подписанном в 1999 г. [24]. Дело в том, что отношения России с этой африканской страной не всегда были гладкими. Бывший президент страны Мобуту Сесе Секо за 32 года правления ни разу не посетил нашу страну. По всей видимости, проамериканская ориентация Конго препятствовала полноценному двустороннему сотрудничеству, тем более, в такой чувствительной сфере, как военно-техническое сотрудничество.

Помимо этого, на международном военно-техническом форуме «Армия 2018» также были заключены соглашения о военном сотрудничестве с Бурунди, Буркина-Фасо и Ботсваной. Африканские силовые структуры проявили заинтересованность не только в поставках военной техники, но также и в ее ремонте и модернизации. Эта тематика особенно актуальна в странах Центральной Африки, например, в ДР Конго,

Анголе, Мозамбике, где началась модернизация и переоснащение вооружения в рамках реформы армии и полиции. Почти все они просят помочь привести свой парк советской техники в порядок и обеспечить поставки новых вооружений. Большинство военных соглашений были заключены на срок до 5 лет. В рамках договоренностей предполагаются возможность продления поставок африканским странам вооружений, обучение персонала и координация в борьбе с терроризмом и пиратством [25].

По утверждению Станислава Блохина, «учитывая сложную военно-политическую ситуацию в ряде африканских государств, на территориях которых действуют незаконные вооруженные формирования, это становится стимулом к взаимодействию африканских стран с Россией. Вооруженные силы этих африканских государств, а также органы правопорядка особо нуждаются в помощи и поддержке» [15].

Почему именно военно-техническое сотрудничество стало для России приоритетным на африканском направлении? С одной стороны, это обусловлено значительным числом военной техники советского производства, поставленной в африканские страны 1960–1980 гг., с другой – наличием в армиях многих африканских стран большого числа подготовленных у нас специалистов.

На сегодняшний день для многих африканских государств актуален вопрос ремонта и модернизации имеющейся на вооружении военной техники российского/советского производства. Расходы на оборону африканских государств возросли более чем в два раза – с 17,2 млрд долл. США в 2000 г. до 39,1 млрд долл. в 2015 г. Также быстро росли и закупки ВВТ. Только за 2010–2015 гг. они составили 8,1 млрд долл. США. Африка превратилась в крупного игрока на рынке вооружений. Ее доля колеблется от 6 до 13 %. За 2000–2013 гг. Россия поставила оружия в Африку на 5,48 млрд долл. США, что составило 13 % от стоимости всего нашего оружейного экспорта [26]. В настоящее время, по данным SIPRI, экспорт

России в Африку составляет 49 % от всего экспорта оружия [19]. Число африканских стран – покупателей оружия российского производства увеличилось за последние два десятилетия. Если на начало 2000 гг. 16 африканских стран были покупателями, то в период с 2010 по 2019 г. их число составило 21. Основными покупателями, как уже упоминалось, являются Алжир, Египет, Судан и Ангола [27], а также Уганда, Руанда, Нигерия, Южноафриканская Республика, Камерун, Мали Южный Судан, Замбия, Буркина-Фасо, Республика Конго (Браззавиль), Экваториальная Гвинея, Кот-д’Ивуар [20]. На этих же фактах акцентирует свое внимание обозреватель французской газеты «Ле Монд» Ж.-П. Филью. Он подчеркивает, что Россия является самым крупным поставщиком оружия в Африке, «в первую очередь, в Алжире, Египте и Анголе» [19].

Помимо предложений российской стороны относительно военной техники интерес у африканских партнеров вызывает подготовка в России национальных военных кадров и сотрудников правоохранительных органов, в том числе на льготной и безвозмездной основе. За последние пять лет в военно-образовательных организациях Минобороны России прошли обучение более 2,5 тысячи военнослужащих из африканских стран [18]. Интерес к такой форме сотрудничества неизменно растет. Так, 6 октября 2020 г. президент Центральноафриканской Республики (ЦАР) Фостен-Арканж Туадера в ходе визита в Россию посетил Военную академию Генштаба Вооруженных Сил проявил интерес к возможности обучения высших офицеров оборонного ведомства ЦАР в России. В академии планируется обучение 94 офицеров национальной армии этой страны. На сегодняшний день в академии Генштаба обучаются иностранные военные из 35 дружественных государств, в состав которых вошли Мали, Египет, Алжир, Намибия, Ангола, Марокко и другие страны [28].

Таким образом, Россия наращивает взаимодействие по линии силовых структур с африканскими государствами. Однако этого недостаточно. По мнению министра иностранных дел Египта Самеха Шукри, «необходимо усиливать возможности Африки в вопросах сотрудничества в сфере безопасности и обмена информацией. Россия располагает сильными разведывательными службами, способными содействовать нейтрализации террористических организаций и, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, может оказывать поддержку Африканскому союзу в поиске политических решений по устранению кризисных проблем, а также поддерживать миротворческие силы в Африке в сотрудничестве с союзом и государствами континента» [13].

Военно-техническое сотрудничество в действии

Россия неоднократно заявляла о готовности оказать помощь в решении проблем Африки в сфере кризисов, конфликтов и в других ситуациях. Военно-техническое сотрудничество вполне вписывается в эту концепцию, это способствует укреплению потенциала армии и силовых служб африканских государств.

Важно отметить, что Россия не поддерживает мятежные и сепаратистские движения в Африке. Наша страна имеет дело только с международно-признанными властями. Цель африканских государств-заказчиков – борьба с мятежниками, разнообразными террористическими и незаконными вооруженными группировками, недопущение их к контролю над значительными территориями африканских государств. А поскольку боевики этих группировок не располагают, как правило, тяжелой техникой и вооружениями, а также серьезными тыловыми базами и постоянными специалистами, способными обслуживать военную технику, укрепление национальных армий африканских государств за счет российских

специалистов и техники могло бы способствовать стабилизации режимов.

Успешных примеров реализации договоренностей между Россией и африканскими государствами много. В качестве иллюстрации можно привести взаимодействие России с ЦАР. При этом следует отметить, что ООН ввела ограничения на поставки вооружения в некоторые африканские страны, в том числе в ЦАР, что вызвано наличием сложных конфликтов на их территории. Именно поэтому каждая поставка российской военной техники и оружия согласовывается с соответствующими ооновскими структурами.

Военно-техническое сотрудничество между Россией и ЦАР активизировалось еще в 2017 г. Откликаясь на соответствующую просьбу президента ЦАР, российская сторона приняла решение об оказании Банги на безвозмездной основе военно-технической помощи. 15 декабря 2017 г. Комитет СБ ООН 2127 по ЦАР одобрил российскую заявку на изъятие из санкционного режима в отношении ЦАР для поставок Банги на безвозмездной основе вооружения и боеприпасов для нужд вооруженных сил и сил безопасности ЦАР. Было подписано соглашение между Россией и ЦАР о поставках оружия и направлении в страну российских военных инструкторов.

Следует отметить, что в 2018 г. эта центральноафриканская страна занимала особое место среди стран континента и была в фокусе внимания мировой общественности. Опыт российских военнослужащих в ЦАР показал на практике значимость и востребованность России в Африке, открыл новое «окно» в перспективном направлении сотрудничества с африканскими партнерами, а также наглядно продемонстрировал позитивные стороны многовекторности и возможность успешно добиваться своих национальных целей, используя широкий инструментарий внешней политики. В январе 2018 г. российский транспортный самолет Ил-76 осуществил первую поставку вооружения, включая партию стрелкового вооружения и боеприпасов, в частности пистолетов Макарова,

автоматов, пулеметов и снайперских винтовок. С ведома этого Комитета туда также командированы 5 военных и 170 российских гражданских инструкторов для подготовки военнослужащих ЦАР. 31 марта, 30 мая и 4 августа 2018 г. состоялись торжественные церемонии выпуска первых подразделений военнослужащих ЦАР (подготовлено 1 тыс. человек), закончивших двухмесячные курсы обучения под руководством командированных в страну российских специалистов. Российское содействие осуществляется в русле общих усилий международного сообщества по укреплению национальных силовых структур ЦАР, передаче им всей полноты ответственности за поддержание безопасности и правопорядка на всей ее территории и в конечном счете нормализации обстановки и надежному урегулированию затянувшегося внутреннего вооруженного конфликта. Россия не упускает и своей выгоды: в договоренности Москвы и Банги также включен пункт о разрешении для России на «проведение мероприятий, направленных на изучение возможностей взаимовыгодного освоения запасов природных ресурсов ЦАР» [29]. Россия уже начала реализацию поисковых горнорудных концессий.

В ходе встречи на саммите «Россия – Африка в 2019 г. лидер ЦАР Ф.А. Туадера поблагодарил Москву «за огромную помощь» и попросил о начале поставок не только легких, но и тяжелых вооружений. Глава этого африканского государства сообщил, что действующие в ЦАР вооруженные группировки получают оружие нелегально и из-за этого правительство не может установить контроль над всей территорией страны. Решить эту проблему он предлагал отменой эмбарго ООН и наращиванием военной мощи армии ЦАР [30]. Свою точку зрения о взаимодействии между двумя странами высказала также министр обороны ЦАР Мари Ноэль Койара. Она высоко оценила вклад нашей страны в процесс реформирования военного и силового сектора ее страны. После прихода к власти президента Фостен-Арканжа Туадеры в 2016 г. была проведена масштабная работа по восстановлению суверенитета страны и формированию новой армии. «Но у нас не было

оружия. А что это за армия без оружия? – сказала М. Койара, – ...Президент республики контактировал с различными странами по поводу поставок [оружия], все отказывались, и единственная, кто откликнулась, была Россия» [30].

4 декабря 2020 г. в Москве состоялась встреча посла ЦАР с замминистра обороны России генерал-полковником Александром Фоминым. Обсуждались вопросы о взаимодействии в военно-технической сфере. На встрече обе стороны согласились, что и Москва, и Банги заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве в оборонной сфере. Особый интерес вызвало обучение офицерского корпуса ЦАР и участие в международных мероприятиях под руководством российского военного ведомства. Посол Леон Додону-Пунагаз выразил благодарность главе Минобороны России С.К. Шойгу за укрепление армии ЦАР [31].

В соответствии с достигнутыми договоренностями между Москвой и Банги по вопросам укрепления обороноспособности ЦАР в конце декабря 2020 г. Россия направила в эту страну 300 военных инструкторов «для обучения военнослужащих национальной армии» в связи с дестабилизацией обстановки из-за активизации незаконных вооруженных формирований накануне национальных выборов. Об этом был уведомлен комитет Совбеза ООН [32].

24 октября 2020 г. на территории африканской страны было открыто представительство Министерства обороны РФ, которое возглавил генерал О.О. Польгуев [33].

Другой наглядный пример – Судан. 9 мая 2019 г. вступило в силу Межправительственное соглашение о содействии этой африканской стране в вопросах строительства Вооруженных сил, обучению эксплуатации, ремонту и применению военной техники и вооружения, а также открытию представительств при ведомствах в Судане. Кроме того, руководитель представительства Минобороны РФ по согласованию с суданской стороной может посещать воинские части, на оснащении

которых находятся российские вооружение и техника. В представительство войдут руководитель и его заместитель, помощник по контрактной работе и референт-переводчик [15].

Россией принято стратегически важное решение, касающееся Военно-морского флота и отражения угроз на морских направлениях. В африканской стране Судан будет создан пункт базирования российских боевых кораблей. 16 ноября 2020 г. В.В. Путин как Верховный главнокомандующий ВС России подписал распоряжение, согласно которому предложение правительства РФ от 11 ноября 2020 г. о подписании Соглашения о создании в Судане пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) для кораблей ВМФ России принимается. Согласно данному соглашению, Россия сможет одновременно держать в Судане до четырех кораблей, включая корабли с атомной энергоустановкой. Безопасность на территории ПМТО будут обеспечивать российские военные. Россия сможет использовать воздушное пространство Судана для доставки грузов в ПМТО. Максимальная численность гарнизона составит 300 человек. В качестве помощи Судану Россия поставит средства ПВО. Срок соглашения о нашем присутствии в Судане – 25 лет с возможностью продления [34]. О возможном строительстве российской военной базы на Красном море еще в 2017 г. заявлял тогдашний президент страны Омар аль-Башир во время визита в российский город Сочи. Он связывал необходимость строительства с «защитой от агрессивных действий США» [35].

«Стратегическое значение присутствия российских военных кораблей в этом районе Мирового океана очевидно. Мы сможем при необходимости пресечь там жизненно важные коммуникации почти любого потенциального противника» [34], – заметил военный эксперт Александр Тимохин. Он выразил предположение, что если, например, у России возникнет конфликт со страной, которая имеет локальное превосходство в военно-морских силах и мощные ВВС, то «нахождение российских кораблей (даже в небольшом количестве)

в Аравийском море и Персидском заливе позволяет просто задушить такую страну, даже не приближаясь к ее берегам. Даже если она на другой стороне планеты. К ней просто перестанет поступать топливо – и все... По большому счету, наличие в том регионе нашего флота – это более серьезная гарантия отсутствия проблем с некоторыми нашими соседями, чем даже ядерное оружие» [34].

Африканские СМИ широко комментировали подписание этого важно стратегического договора. Так, конголезский еженедельник «Ла Либр Африк» отмечала, что «это отвечает целям поддержания мира в регионе, не носит угрожающего характера и не направлено против других государств» [27].

Заключение

Африканские партнеры России на деле доказали свою политическую зрелость и самостоятельность в выборе решений. Испытанные временем партнеры Россия и Африка обладают мощным потенциалом сотрудничества, и не только в военной сфере. Военная сфера взаимодействия – это лишь один компонент сотрудничества нашей страны с Африканским континентом. У России много планов на будущее. Главное – обеспечить безопасность национальных интересов, снизить интенсивность конфликтов в мире и противодействовать новым угрозам.

Литература

1. Ollivier Jean-Yves. Jeune Afrique. 1 mars 2022. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1335183/politique/lafrique-face-a-lukraine-sengager-oui-saligner-non/> (дата обращения: 09.05.2022).

2. Почему африканские лидеры не поддержат Запад в украинском вопросе? URL: <https://inosmi.ru/20220414/afrikanskie-253810187.html> (дата обращения: 09.05.2022).

3. Quelle est la posture africaine dans le conflit ukrainien? URL: <https://www.bbc.com/afrique/monde-60791431>

4. Африканские и арабские государства решительно отвергают инициативу Зеленского. 11.03.2022. URL: https://vk.com/wall-191210405_39960 (дата обращения: 09.05.2022).

5. Detsch Jack and Gramer Robbie. Western Allies Pressure African Countries to Condemn Russia. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/05/western-allies-pressure-african-countries-to-condemn-russia/> (accessed: 09.05.2022).

6. Посол в Анголе Тараров: Запад угрозами требует от Африки осудить Россию. 03.05.2022. – URL: <https://life.ru/p/1491395> (дата обращения: 09.05.2022).

7. БЫВШИЙ премьер Бенина: Африка помнит, что Россия несет добро. 27 марта 2022. Минск /Корр. БЕЛТА/. URL: <https://www.belta.by/world/view/byvshij-premjer-benina-afrika-pomnit-cto-rossija-neset-dobro-492694-2022/> (дата обращения: 09.05.2022).

8. *Sharifulin Valery*. TASS News Agency. By Rédaction Africanews 11.03.22. Guerre en Ukraine: entretien entre Cyril Ramaphosa et Vladimir Poutine. URL: <https://fr.africanews.com/2022/03/11/guerre-en-ukraine-entretien-entre-cyril-ramaphosa-et-vladimir-poutine/> (accessed: 09.05.2022).

9. Le président sud-africain rend l'OTAN responsable de la guerre en Ukraine. – URL: <https://www.bbc.com/afrique/monde-60791431> (accessed: 09.05.2022).

10. *Kossimatchi Blaise-Didacien*. Centrafrique: à Bangui, une centaine de manifestants soutiennent l'invasion de l'Ukraine par la Russie. – URL: <https://information.tv5monde.com/afrique/centrafrique-bangui-une-centaine-de-manifestants-soutiennent-l-invasion-de-l-ukraine-par-la> (accessed: 09.05.2022).

11. *Depois V*. Guerre en Ukraine : comment le conflit est-il perçu en Afrique? URL: <https://information.tv5monde.com/afrique/guerre-en-ukraine-comment-le-conflit-est-il-percu-en-afrique-447549> (accessed: 09.05.2022).

12. Африканцы возмущены: «Варварское украинское правительство проявляет расизм». 02.03.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3521651.html> (дата обращения: 09.05.2022).

13. *Дронина Ирина*. Военно-техническое сотрудничество стран Африки и России // Независимое военное обозрение. URL:

https://nvo.ng.ru/nvoevents/2019-10-25/2_1067_meeting.html (дата обращения: 16.01.2022).

14. *Антониу Т.* Ангола и Россия: 45 лет дружбы и сотрудничества // *Международная жизнь*. 2020. № 11. С. 80–87.

15. *Блохин С.* Эксперты рассказали про перспективы сотрудничества России и Африки в военной сфере // *ПолитРоссия*. URL: <https://politros.com/150303-eksperty-rasskazali-pro-perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-afriki-v-voennoi-sfere> (дата обращения: 11.01.2020).

16. *Корендясов Е. Н.* Военно-техническое сотрудничество России с Африкой // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 9. С. 9–18.

17. *Dusoulier A.* Le «retour» de la Russie en Afrique subsaharienne: sécurité et défense au service de la politique étrangère de Vladimir Poutine // *Institut Royal Supérieur de Défense*. Bruxelles FOCUS PAPER 39 Juillet 2019. 64 p.

18. Владимир Путин: Россия готова к конкуренции за сотрудничество с Африкой 21.10.2019 // *Путин сегодня*. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/89391> (дата обращения: 13.01.2022).

19. *Filiu J.-P.* Le pari de Poutine sur les généraux algériens. 08.09.2019 // *Le Monde*. URL: <https://www.lemonde.fr/blog/filiu/2019/09/08/le-pari-de-poutine-sur-les-generaux-algeriens/> (accessed: 10.01.2022).

20. *Eleftheris V.* Le retour militaire de la Russie en Afrique subsaharienne: quels fondements? 20 septembre 2019 // *GRIP*. URL: <https://website.grip.org/le-retour-militaire-de-la-russie-en-afrique-subsaharienne-quels-fondements/> (accessed: 09.01.2022).

21. Минобороны РФ оценило экспорт оружия за 2019 год // *Bankodrom*. 23.03.2020. URL: <https://www.bankodrom.ru/novosti/273961/> (дата обращения: 13.01.2022).

22. *Шугаев Д.* Директор ФСВТС: Российское оружие возвращается в Африку. Интервью 20 сентября 2018 г. // *Интерфакс*. 20.09.2018. – URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (дата обращения: 13.01.2022).

23. *Dumas, L.R.* La Russie, principal fournisseur d'armes des pays africains. // *Franceinfo: Afrique*. 03.06.2020. URL: <https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/economie-africaine/la-russie->

principal-fournisseur-darmes-des-pays-africains_3992245.html (accessed: 13.01.2022).

24. Agence congolaise de presse: Vote au Sénat du projet de loi portant ratification de la convention de coopération militaire entre la RDC et la Russie // Agence congolaise de presse. 13 juin 2018. (accessed: 14.01.2022).

25. Россия может обойти Китай в поставках вооружения на африканский континент // Экономика сегодня. 18 октября 2018. URL: <https://rueconomics.ru/356195-rossiya-mozhet-oboiti-kitai-v-postavkakh-vooruzheniya-na-afrikanskii-kontinent> (дата обращения: 16.01.2022).

26. *Тетёкин В.* Зеленый свет африканскому экспрессу. Военно-промышленный курьер ВПК // Общероссийская еженедельная газета. 10 декабря 2018. № 48 (761). URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/46914> (дата обращения: 08.01.2022)

27. La Libre Afrique La Russie a finalisé un accord sur la création d'une base navale au Soudan // La Libre Afrique. 9 décembre 2020. URL: <https://afrique.lalibre.be/56472/la-russie-a-finalise-un-accord-sur-la-creation-dune-base-navale-au-soudan/> (accessed: 08.01.2022).

28. *Кошчев О.* Россия и Африка. 70 лет военного сотрудничества во имя мира. 19 октября 2020 // Пресс-служба Кремля. URL: <https://riafan.ru/1321518-rossiya-i-afrika-70-let-voennogo-sotrudnichestva-vo-imya-mira> (дата обращения: 07.01.2022)

29. *Фахрутдинов Р.* Россия отправит в ЦАР военных и оружие // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2018/03/22/11692615.shtml> (дата обращения: 22.01.2021)

30. Министр обороны ЦАР оценила вклад России в перевооружение страны // РБК. 24 октября 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5db17ea89a79472fd24f9437> (дата обращения: 04.01.2022)

31. Представители России и ЦАР обсудили военное сотрудничество // ПолитЭксперт. Министерство обороны Российской Федерации. 05.12.2020. URL: https://politexpert.net/224525-predstaviteli-rossii-i-car-obsudili-voennoe-sotrudnichestvo?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1607371520000 (дата обращения: 09.01.2022)

32. Россия направила 300 военных инструкторов в ЦАР на фоне попытки мятежа // РБК. 22.12.2020. URL:

<https://www.rbc.ru/politics/22/12/2020/5fe20f139a794718e0c41bca>
(дата обращения: 10.01.2022).

33. *Гусев В.* В столице ЦАР торжественно открылось представительство Минобороны РФ // Экономика. URL: https://rueconomics.ru/473980-v-stolice-car-torzhestvenno-otkrylos-predstavitelstvo-minoborony-rf?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 22.01.2021).

34. *Тимохин А.* Безопасность России будет обеспечивать Африка. 17 ноября 2020 // Взгляд. Деловая газета. URL: <https://m.vz.ru/society/2020/11/17/1070914.html> (дата обращения: 13.01.2022).

35. В Сочи состоялись переговоры президентов России и Судана Владимира Путина и Омара аль-Башира // Путин сегодня. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/54742> (дата обращения: 13.01.2022).

G.M. Sidorova

ON THE POLITICAL MATURITY OF SUB-SAHARAN AFRICAN STATES AND THEIR RELATIONS WITH RUSSIA

Abstract. In the 21st century the sub-Saharan African states have made significant progress towards democracy. Their political elites have strengthened, their governments have started to build national security and identity. The countries of the continent have started to choose themselves their partners for cooperation. The geopolitical cooperation becomes broader. The leaders of many African countries aim to strengthen ties with Russia, especially in military and technical cooperation, information technologies and business.

Key words: Africa, Russia, Ukraine, conflicts, security, military and technical cooperation, “Russia – Africa” summit

Ndongo N.J. Martial

THE MULTILATERALIST AND BILATERALIST TRADITION IN CAMEROONIAN FOREIGN POLICY: PRIORITIES AND NEW FEATURES

Abstract. Cameroon's foreign policy, from the outset, has focused on establishing a new sovereign state and combating colonialism, military alliances, apartheid, the arms race, and has largely correlated with the concepts of independence, non-alignment and African unity. This policy has also been directed against the establishment of foreign military bases on its own territory and on the territories of OAU member states. At the present stage, the state's foreign policy is primarily focused on the ideas of peace and security, sustainable development, African integration and South-South cooperation. Since gaining independence (1960), Cameroon has remained a diplomatically closed state, which gives reason to conclude that there is some kind of isolationism in the country's state policy. Modernization and promotion of national interests in accordance with the new principles have become a reality of Cameroon's modern foreign policy. In preparation for the country's transition to a new strategy for long-term and sustainable development until 2035 [1], Cameroon's public policy was formed on the basis of the principle of pragmatism.

Key words: Cameroon, diplomacy, foreign policy, African Union, integration, sustainable cooperation, modernization, Central Africa

Introduction

Cameroon's foreign policy, from the outset, has focused on establishing a new sovereign state and combating colonialism, military alliances, apartheid, the arms race, and has largely correlated with the concepts of independence, non-alignment and African unity. This policy has also been directed against the establishment of foreign military bases on its own territory and on the territories of OAU member states. At the present stage, the state's foreign policy is primarily focused on the ideas of peace and

security, sustainable development, African integration and South-South cooperation.

As from the 1st of January 1960, Cameroon was not initially open at the diplomatic level to all other countries, which made it possible to speak of a kind of isolationism in the state course of the country. In the realities of the modern world, the foreign policy of the Republic of Cameroon required modernization and promotion of national interests in accordance with new principles. As a result of the completion of preparations for the country's transition to a new strategy for long-term and sustainable development until 2035 [1], a state policy was formed based on the principle of pragmatism.

The main directions and priorities of the foreign policy of the Republic of Cameroon at the present stage are determined in accordance with the goals and objectives set by the President of the Republic of Cameroon in his speech on September 12, 2012 "Cameroon Vision – 2035: a new emergence agenda of the state" [2]. In this keynote address, the Head of State defined the main principles, priorities, and objectives of the foreign policy of the Republic of Cameroon. In fact, the Prosperous Cameroon Strategic Plan, proposed by the President of Cameroon, Paul Biya, formulated the main prospects for the development of the State and determined the long-term tasks of the country's foreign policy.

In the Strategic Plan, the main directions of the strategic development of Cameroon were defined under the slogans: "Cameroon an Emerging, Democratic and United country in diversity" [3]:

- sustainable development – which is a new paradigm and defines the methodology and structure of the overall strategy for a prosperous Cameroon. The new development model is designed to ensure human well-being, social justice, sustainable economic growth and environmental protection;

- management – the system of legal, institutional and economic regulation being created is completely determined and

should provide solution of the tasks set in the plan of strategic development of the country;

- infrastructure – a significant increase in the level of development of economic infrastructure (transport, energy, digital infrastructure) is required;

- human capital – is recognized as the most valuable for Cameroon, and the personnel necessary for the implementation of the country's strategic development plan must receive a special level of training and meet the high requirements of the strategic plan.

1. Principles and decision-making process in the field of foreign policy

The foreign policy of Cameroon is traditionally based on the principles of multipolarity, balance of interests, pragmatism, mutual benefit and firm defense of the country's national interests [4]. This approach preserves the continuity of foreign policy, defining a new stage in the development of Cameroon's foreign policy as pragmatic and active. International activity reflects the strengthening of the role and international authority of the state, and also increases its influence in the region and its importance in the global economy and the activities of financial organizations.

On the other hand, given the reality today's world, the foreign policy of the Republic of Cameroon requires modernization and promotion of national interests in accordance with the principles of pragmatism [5]. Pragmatism in foreign policy is expressed in a focus on protecting national interests. Pragmatism is based on an objective assessment of one's own resources, the priority of systemic and peripheral goals, and the determination of ways to achieve them. Activity is expressed in the planning and implementation of foreign policy, the promotion of ideas and initiatives [6].

Cameroon calls on all states of the world to equality, taking into account common interests and non-interference in internal affairs, and stands for the peaceful settlement of disputes and

conflicts, in accordance with the UN Charter and international law. The foreign policy of Cameroon is also built taking into account the principle of a differentiated approach and several levels of interaction with foreign countries and international organizations. The application of this principle makes it possible to ensure:

1) development priorities, concentrating the main efforts and resources on their achievement;

2) compliance of the distributed human and financial resources with the political and economic interests implemented in practice [7].

In addition, the application of a differentiated approach in the field of external cooperation includes the expansion of Cameroon's diplomatic presence abroad. Due to the emphasis on active participation in international affairs, Cameroon is interested in constantly improving its foreign policy. Conscious of its responsibility and role in the region, Cameroon considers its priority task here to be ensuring regional stability. Wherein Cameroon plans to focus its policy on the development of integration in Africa in order to reduce the risk of conflicts and solve socio-economic problems, turn the Republic of Cameroon into a full-fledged a player pursuing a comprehensive foreign policy.

2. A Bilateralist gamble

Cameroon's foreign policy is based theoretically on the establishment of relations with every country on the basis of equality, reciprocity, mutual respect of sovereignty, and non interference. Such a policy is designed to contribute to harmonizing international relations and creating a truly and fully human international community [8]. According to President Paul Biya, this policy leads toward a more interdependent mankind, which ensures the autonomy of weak nations and protects their freedom through peaceful coexistence. In fact, Cameroon remains closely aligned with and dependent on France. Economic relations

with the United States and China have taken on new importance recently. It is the head of state who determines the foreign policy of Cameroon. The implementation of this policy is done with the help of a Ministry of Foreign Affairs headed by a minister.

As part of its diplomacy, Cameroon belongs to a variety of international organizations at the regional, continental, and world levels. According to a Cameroon government statement, Cameroon makes the Charter of the United Nations the base of its foreign policy. This support was made manifest when Cameroon occupied the seat of a nonpermanent member at the Security Council and held the chairmanship of this important institution at a time of extreme tension on the international arena. This attachment to peace and international solidarity is exercised as a matter of priority in the relations Cameroon has with its immediate neighbors.

2.1. Cameroon – Great Britain: Historical and contemporary relations

Cameroon's most famous feature is that it includes territory formerly ruled by the French and a smaller part formerly ruled by the British. Given this dual Franco-British colonial heritage and the country's declared commitment to non-alignment, it would be reasonable to expect an even-handed policy towards France and Britain [9]. In practice, however, Cameroon's foreign policy has traditionally leaned in favor of France. This asymmetric foreign policy is partly a reflection of domestic pressures, as well as the different reactions that Cameroon is generating in Paris and London. British efforts in aid, trade and culture were very weak compared to the active policies pursued by Paris.

Several factors are responsible for the relatively weak British economic influence in Cameroon. It should be remembered that Britain's links with the Cameroonian co-ownership were limited to the English-speaking sector (ex-Southern Cameroon, ex-Western Cameroon). With reunification, these ties ended when English-speaking Cameroon left the Commonwealth and the sterling area

to enter the franc area – a move that resulted in the loss of ‘imperial preferences’ for western Cameroonian products, especially bananas, which were traditionally exported to the UK. But even before Commonwealth preferences were abolished in 1966, the UK’s share of imports from Western Cameroon steadily declined from 77 % in 1951 to around 45 % during federation [4]. This share fell further to less than 20 % in 1964, although the pound sterling collectively continued to supply about 43 % of Western Cameroon’s imports. The transition to the franc area that followed the reunification disrupted trade in western Cameroon to the point that a number of large British companies were forced to withdraw entirely from the Cameroonian market.

Since the establishment of diplomatic relations, the Cameroonian-British bilateral relationship has been filled with multidimensional content in the political, diplomatic, defence, economic and social fields. In 1960, the first constitution of Cameroon was written, affirming the status of full independence of the state. The 1960 constitution defines certain aspects of freedom, such as Cameroon’s enforcement of treaties. For example, section Art 39 and 40 of the constitution provides that, on the implementation of treaties, among other things, Parliament may make laws for Cameroon or any part thereof relating to matters not included in the legislative lists for the purposes of the implementation of any treaty, convention or agreement between the Federation and any other country or any agreement or decision of an international organization of which the Federation is a member [11]. But notwithstanding this republican status of Cameroon, the country has remained a member of the Commonwealth Nations of which the Queen of England is the head.

2.2. Cameroon and France in a Bilateral Format of Partnership

Cameroon is cited as being among the former French colonies that sought to reduce their ties with Paris. The perspective of

Neo-Colonialism, of which Kwame Nkrumah was one of the main critics, was opposed to the vision of gradual disengagement. Nkrumah defined this perspective in *The Last Stage of Imperialism*: “The essence of neo-colonialism is that the state which is subject to it is, in theory, independent and has all the outward trappings of international sovereignty. In reality its economic system and thus its political policy are directed from outside... <...> The only effective way to challenge this economic empire and to recover possession of our heritage, is for us also to act on a Pan-African basis, through a Union Government” [12]. Kwame Nkrumah argued that any changes in the structure of Euro-African relations are merely minor adjustments designed to guarantee the preservation of the larger framework [13]. Again, Cameroon’s ties to the former metropolis are generally cited as evidence of an ongoing neo-colonialist relationship [14].

France’s privileged position in Cameroon stems from historical ties forged over time and maintained by a complex web of emotional, psychological and legal ties. Let us consider the legal ties.

The legal framework for France’s participation in her former African colonies in general and Cameroon in particular is contained in a series of cooperation agreements signed on the eve of independence. A series of agreements was concluded by France with each of the 14 states when they gained independence.

Relations between Cameroon and France are based on a bilateral dialogue and on a mutually beneficial cooperation between the parties concerned. A range of agreements and conventions in all fields form political and legal basis of Franco-Cameroonian relations. Cameroon and France unite in the diplomatic, economic, cultural and technological fields. The role of France in the context of Cameroonian politics is decisive. France is a key player in the country due to her historical influence. That is why France is still present in Cameroon.

3. Cameroon's Multilateralist Approach

Cameroon's multilateral action is also deployed on the regional stage in Africa and Europe. It is a multilateralism whose action framework is made up of international organizations with a regional vocation. We can therefore speak of a Cameroonian regional multilateralism referring to the country's participation to the life of regional international organizations.

3.1. Cameroon's Participation in the United Nations

Cameroon has maintained excellent and cordial ties with the UN since its admission into the organization on 20 September 1960. Historic and privileged ties bind Cameroon to the UN. Our country is considered "a UN pupil," because of the essential role played by this organization towards Cameroon's attainment of international sovereignty, from 1945 to 1960. This cooperation witnessed a high point in recent years, with the peaceful settlement (one such model) of the Bakassi conflict between Cameroon and Nigeria under the auspices of the United Nations.

Participation of Cameroon in UN peacekeeping operations.

Cameroon has always taken an active part in PeaceKeeping Operations (PKO) initiated by both the United Nations (UN) and the African Union (AU) [15]. The different Cameroonian contingents were often made up of military, police, military observers and others. The participation of Cameroon's Defense Forces (CDF) in Peace Keeping Operations (PKO) at times takes the individual form, at times the collective form, with respect to the strategic, operational and / or tactical level of (PKO) [16].

3.2. Cameroon and The African Union: The Main Vectors of Cooperation

Since the middle of the 20th century, "a political discussion has been held between supporters of the concept of African nationalism about the nature of inter-African relations, about ways

of rapprochement and forms of cooperation between African countries after they achieve independence” [17].

The growth of nationalistic tendencies led to the evolution of Pan-Africanism. “If initially it was Pan-African nationalism, then gradually there was a transition to state nationalism” [18]. Julius Nyerere emphasized: “The role of African nationalism is different and must be different from the nationalism of the past. We must use nation-states as a means to unite Africa and prevent our enemies from using them as a tool to divide Africa. African nationalism is meaningless and anachronistic and dangerous if it is not at the same time Pan-Africanism” [19].

As a result, a confrontation was formed between two leading trends: the concept of “Africa of the Fatherlands” and the federal structure of Africa, officially they are Monrovia and Casablanca groups [20].

Africa is emerging from a structurally weak, politically nascent colonization whose voice cannot be heard on the international stage. States therefore realize that their development can only be possible in unity and solidarity. It is in this wake that the OAU was born in 1963 and was replaced by the AU in 2002. Following its independence, Cameroon defined the principles of its foreign policy which would enable it to maintain relations with its immediate neighbors in particular and Africa in general.

Security Threats. Agreements introduced by the African Union are applicable in Cameroon as the country is a member state and has ratified these laws. The main legal source is the Constitutive Act of the African Union; all other laws proceed from this act.

Conclusion

During the history the principles of Cameroon’s foreign policy were largely correlated with the concepts of independence, non-alignment and African unity, but at the present stage, the state’s foreign policy focuses primarily on the ideas of peace and

security, sustainable development, African integration and South-South cooperation. In this light, the study of the peculiarities of the development of Cameroonian foreign policy is an important research task that has both scientific and practical dimensions.

It has been proven that the issues of peace, security and integration in Africa are central to Cameroon's foreign policy. At the same time, the priority goals of foreign policy activity in the modern stage includes: strengthening national security at the sub-regional, African and global levels; creating a favorable international environment around the state and achieving friendly, equal and mutually beneficial relations with all partners; ensuring a high level of integration into the international community and the world economy; expansion of scientific, educational and humanitarian cooperation, including at the sub-regional level. Thus, since independence, Cameroon's foreign policy has generally not changed in its fundamental guiding principles, regardless of which political party was in power.

Thus, it must be concluded that peace, security and integration in Africa are of great importance for Cameroon's foreign policy. The country's current priorities are to strengthen national security at the subregional, African and global levels; to create a favourable international environment around the State and achieve equitable and mutually beneficial relations with all partners; to ensure a high level of integration into the international community and the world economy; to expand scientific, educational and humanitarian cooperation, including at the subregional level. A study of the history of the establishment and development of the foreign policy of the Republic of Cameroon shows the continuity of its basic principles at various stages, irrespective of changes of political power.

References

1. *Lo-oh J. L.* "Le Cameroun des Grands Ambitions": The Place for the Youth in Cameroon's «Vision 2035» to become an Emerging

Economy in 2035 // Journal of Educational Policy and Entrepreneurial Research. 2014. Vol. 1, no. 4. P. 117–127.

2. *Mouity P. M.* Le Gabon à l'épreuve de la politique de l'émergence. Paris, 2012. P. 38–60.

3. *World Bank Group.* Country Partnership Framework for the Republic of Cameroon for the Period FY17-FY21. World Bank. 2017.

4. *Kofele-Kale N.* Cameroon and its foreign relations // African Affairs. 1981. Vol. 80, no. 319. P. 197–217.

5. Маценко И. Б. Африка: реализация «Целей развития тысячелетия» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8–9.

6. *Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е.* Международные отношения в XXI веке. М., 2011. С. 158–160.

7. *Merle M.* Politique intérieure et politique extérieure // Politique étrangère. 1976. Vol. 41, no. 5. P. 409–421.

8. Diplomacy and Nation-Building in Africa: Franco-British relations and Cameroon at the end of empire // Bloomsbury Publishing. 2012. Vol. 59, no. 2. P. 94–98.

9. *Ardener E.* The political history of Cameroon // The world today. 1962. Vol. 18, no. 8. P. 341–350.

10. The 1960 Constitution. URL: <https://Mjp.Univ-Perp.Fr/Constit/Cm1960.Htm> (accessed: 25.09.2022).

11. Nkrumah K., Nkrumah K. Neo-colonialism: The last stage of imperialism. 1965.

12. *Zartman I. W.* Europe and Africa: decolonization or dependency? // Foreign Affairs. 1976. Vol. 54, no. 2. P. 325–343.

13. *Ake C.* Explanatory notes on the political economy of Africa // The Journal of Modern African Studies. 1976. Vol. 14, no. 1. P. 1–23.

14. United Nations. Basic Facts About the UN. 1992 // ISSUU. – URL: <https://issuu.com/unpublications/docs/basicfacts> (accessed: 15.12.2021).

15. *Agyemang-Bioh N. P. E.* Preparing for United Nations International Peacekeeping Operations in the Third Millennium. Accra: Imagine Consult, 2000. P. 73.

16. *Громыко А. А.* Африка в мировой политике. М.: Наука, 1986.

17. *Thompson V. B., Gupta A., Nyerere J. K.* Africa and unity: The evolution of Pan-Africanism // Science and Society. 1971. Vol. 35, no. 3.

18. *Денисова Т. С.* Джулиус Камбараре Ньерере-Первый Президент Свободной Танзании / отв. ред. Ю. Н. Винокуров. М.: Институт Африки РАН, 2010. 94 с.

19. *Gagliano A.* Recovering and recovering from an African past: four women's quest narratives // *Journal of Transatlantic Studies*. 2019. Vol. 17, no. 3. P. 269–289.

20. *Ebang M.* The Legal Framework of Mining in Cameroon. Yaoundé: L'Harmattan Cameroun, 2005.

Ндонго Н.Ж. Мартьяль

МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМ И БИЛАТЕРАЛИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАМЕРУНА: ПРИОРИТЕТЫ И НОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Внешняя политика Камеруна с самого начала была сосредоточена на создании нового суверенного государства и борьбе с колониализмом, военными союзами, апартеидом, гонкой вооружений и во многом соотносится с понятиями «независимость», «неприсоединение» и «Африканское единство». Эта политика также была направлена против создания иностранных военных баз на своей территории и на территории государств – членов ОАЕ. На современном этапе внешняя политика государства ориентирована прежде всего на идеи мира и безопасности, устойчивого развития, африканской интеграции и сотрудничества по линии Юг–Юг. С момента получения независимости (1960 г.) Камерун оставался закрытым в дипломатическом отношении государством, что дает основания для вывода о своего рода изоляционизме в государственном курсе страны. Модернизация и продвижение национальных интересов в соответствии с новыми принципами стали реальностью современной внешней политики Камеруна. В ходе подготовки к переходу страны к новой стратегии долгосрочного и устойчивого развития до 2035 года [1] государственная политика Камеруна формировалась на основе принципа прагматизма.

Ключевые слова: Камерун, дипломатия, внешняя политика, Африканский союз, интеграция, устойчивое сотрудничество, модернизация, Центральная Африка

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.22363/11665-2022-89-112

*В.И. Белов,
Мохамед Ибрахим Мохамед Эльсергани*

ЕГИПЕТ И РОССИЯ: ПРИОРИТЕТЫ ПАРТНЕРСТВА В РАМКАХ БРИКС

Аннотация. В статье рассмотрены основные приоритеты развития отношений стратегического партнерства между Египтом и Россией в контексте реализации целей Стратегии – 2030 и потенциала сотрудничества в рамках международного объединения БРИКС. Рассмотрены основные направления российско-египетского сотрудничества в сфере торгово-экономических отношений в соотнесении с потребностями устойчивого национального развития в XXI веке и задачами формирования новой архитектуры экономического взаимодействия в Афро-Евразии.

Ключевые слова: Египет, Россия, БРИКС, Стратегия Египта – 2030, Пекинская декларация БРИКС, устойчивое развитие, стратегическое партнерство

В глобальной повестке дня для стран Африки и Евразии стоит задача выработки стратегических афро-евразийских проектов, реализация которых и определит конфигурацию афро-евразийского мира. Остро стоит проблема цивилизационного транзита, формирования нового контекста [1]. Участие Египта в формировании новой архитектуры афро-евразийского сотрудничества закономерно ставит вопрос о его взаимодействии с Россией, которая, в свою очередь, активно содействует развитию интеграционных процессов в Евразии и проводит активную африканскую и восточную политику. Египет и Россия являются наследниками великих цивилизаций,

египетской и русской соответственно. Уникальные характеристики государств складывались на протяжении многих столетий под влиянием совокупности исторических, геополитических и цивилизационных факторов, мировых войн и блокового противостояния в XX в.

Египет входит в число ведущих политических, экономических и культурных центров Ближнего Востока и Северной Африки, являясь одним из лидеров мира ислама [2, с. 4]. Стратегическая роль Египта определяется также и его географическим положением – через Египет пролегают морские, наземные и воздушные коммуникации международного значения, благодаря которым Египет играет роль важного логистического и инвестиционного хаба в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, в целом на Африканском континенте.

Россия, выступившая с международной инициативой «Большое Евразийское партнерство» (2015 г.), готова сотрудничать с Египтом как с одним из ключевых центров продвижения масштабных инфраструктурных проектов развития в Аффо-Евразии. Одним из перспективных направлений развития египетско-российских отношений может стать сотрудничество в рамках международного объединения БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

Египет и Россия

Стабильность является главной чертой российско-египетских отношений, а объективный подход и взаимопонимание по различным региональным проблемам – гарантом взаимовыгодного двустороннего сотрудничества. Экономика традиционно играет ключевую роль во взаимодействии России и Египта, при доминировании в структуре двусторонней торговле несырьевых неэнергетических товаров. В мае 1992 г. между Египтом и Россией было подписано Соглашение о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве

[3], в котором стороны договорились способствовать дальнейшему развитию научно-технического сотрудничества в целях более эффективного использования возможностей обеих стран для решения научных и технических проблем на принципах взаимной выгоды и на основе конкретизируемых программ. 18 апреля 1994 г. было заключено рамочное Соглашение по научно-техническому сотрудничеству между РАН и Академией научных исследований и технологий АРЕ. В апреле 2001 г. была утверждена Долгосрочная программа развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества [4]. В январе 2004 г. в Каире состоялось первое заседание Российско-арабского делового совета [5].

15 марта 2008 г. Россия и Египет заключили «Соглашение о сотрудничестве в сфере туризма», в котором стороны «укрепляют и развивают сотрудничество в области туризма на основе равноправия и взаимной выгоды» [6]. Уже через два года число российских туристов, посетивших Египет, превысило 2 млн человек [7]. В 2019 г. Министерство туризма Египта представило новую стратегию развития этой отрасли, в которой предусмотрено несколько направлений:

1) административная и кадровая реформа, реализацию которой уже начали в министерстве. Впервые в истории на 15 рабочих мест в отраслевом ведомстве объявлен открытый конкурс;

2) ребрендинг Египта как туристического направления. Как подчеркнула министр туризма Рания Аль-Машат, министерство хочет сделать страну «ответственным выбором» для туристов, которым интересны культурно-познавательный, экскурсионный, природный и активный туризм. Достичь этого планируется за счет серии глобальных промокампаний, участия в выставках и широкого продвижения через социальные сети;

3) выход на новые рынки. Основной акцент будет делаться на «нетрадиционные рынки в Азии и Восточной

Европе», в частности на Украину, Китай и Индию, а также на расширение маркетинга в странах Персидского залива;

4) запуск фонда прямых инвестиций, чтобы модернизировать инфраструктуру гостеприимства страны и помочь в реструктуризации проблемных отелей и курортов. При этом г-жа Р. Машат вновь заявила, что ее ведомство не будет вмешиваться в процесс ценообразования отелей, так что вопрос о законодательном регулировании стоимости проживания в объектах размещения на повестке дня не стоит;

5) радикальная модернизация законодательной базы отрасли. Как сообщают местные СМИ, действующее законодательство не обновлялось почти четыре десятилетия, и Минтуризма Египта намерено привести его в соответствие с текущими мировыми тенденциями, в том числе для облегчения инвестирования в отрасль [8].

Ключевыми пунктами новой стратегии можно считать внедрение принципа «ответственного выбора» туриста и позиционирование Египта как «безусловно безопасного» туристического направления, ставку на развитие культурно-познавательного, экскурсионного, природного и активного туризма.

Египет стал третьей страной Африки (после Алжира и ЮАР), с которой у России декларировано «стратегическое партнерство». 23 июня 2009 г. в Каире был подписан Договор о стратегическом партнерстве, содействовавший активному росту торгово-экономического сотрудничества в промышленной и технологической кооперации, мирному использованию атомной энергии и продовольственной безопасности. В ходе визита президента России В.В. Путина в Египет 10 февраля 2015 г. были подписаны три важнейших документа: Соглашение о развитии проекта по строительству АЭС на территории Арабской Республики Египет, меморандум о взаимопонимании в области привлечения инвестиций и участия в строительстве объектов на территории Египта и Меморан-

дум о взаимопонимании о развитии инвестиционного сотрудничества. Подписание этих соглашений подтвердило, что Египет и Россия вышли «на новые рубежи сотрудничества», включая вопросы экономического взаимодействия [9].

Как было отмечено в ходе встречи президента Египта Абдель Фаттаха Аль-Сиси и президента России В.В. Путина в 2016 г. в Китае в рамках саммита G20, продолжающееся взаимодействие по всем направлениям приносит «особо плодотворные результаты», и «особенно в центре нашего внимания всегда вопросы экономического взаимодействия» [10]. С момента вступления в должность действующего президента Египта Абдель Фаттаха ас-Сиси в 2014 г. состоялось 12 российско-египетских встреч на высшем уровне, с началом пандемии главы государств регулярно (раз в полгода) разговаривают по телефону.

В марте 2018 г. было подписано соглашение о создании и обеспечении деятельности Российской промышленной зоны в Египте как пилотного проекта на Африканском континенте. Цель проекта – появление платформы для деятельности российских компаний в регионе [11]. На первом этапе проекта Правительство России планирует инвестировать 12 млрд руб. через Российский фонд прямых инвестиций в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт». По данным сайта Российской промышленной зоны, интерес к проекту уже проявили 29 российских компаний [12].

В развитие достигнутых договоренностей 17 октября 2018 г. страны подписали Договор о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, который вступил в силу в январе 2021 г. В реализации договоров участвуют Совместная Российско-Египетская комиссия по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству, Российско-Египетский деловой совет и другие организации [12; 13].

Египет занимает важное место в российской внешнеэкономической повестке, в том числе как направление несырьевого неэнергетического экспорта (11-е место в 2020 г.): поставки продовольствия, продукции машиностроения, вооружения и военной техники.

Среди приоритетных областей экономического сотрудничества между Египтом и Россией необходимо выделить следующие: сфера туризма; сельское хозяйство; атомная энергетика (реализация египетской программы развития мирного атома – строительство АЭС, подготовка специалистов из числа египтян и т.д.); нефтегазовая сфера (поставки СПГ в Египет, налаживание взаимодействия и координации в рамках Форума стран – экспортеров газа, где позиции Москвы и Каира во многом схожи, совместное участие в реализации международных и региональных проектов, в своп-поставках газа в Европу, разработке нефтегазовых месторождений на территории Египта, модернизации крупных промышленных объектов, построенных при содействии СССР, например Асуанского гидроэнергетического комплекса, алюминиевого комплекса в Наг-Хаммади и др.); инфраструктура и транспорт (сооружение жилищных, транспортно-логистических объектов, осуществление воздушных перевозок, налаживание прямого морского сообщения между двумя странами, модернизация египетской шоссейной и железнодорожной инфраструктуры, создание «безопасных маршрутов» поездов российских туристов по Египту и т.д.); сфера телекоммуникаций (прежде всего включение Египта в проект развития навигационной системы ГЛОНАСС); военно-техническая сфера (поставки из России бронетехники, систем ПВО и т.п.) [12, с. 11].

Оборот торговли услугами между Россией и Египтом в 2021 г. после возобновления авиасообщения существенно увеличился и, по данным ЦБ РФ, за 2021 г. составил 7,888 млрд долл. США (против 160 млн за весь 2020 г., 215 млн за 2019 г.). Традиционно Египет занимает второе место среди стран Африки по объемам российского импорта (после ЮАР).

В ходе 25-го Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ, Россия, 15-18 июня 2022 г.) отмечалось, что Египет – ключевой для России партнер как в Африке, так и на Ближнем Востоке, с которым налажены одновременно и тесные политические контакты, и взаимовыгодное торгово-экономическое взаимодействие [14, с. 16]. Впервые в истории форума состоялся бизнес-диалог Россия–Египет, который было предложено сделать традицией ПМЭФ и проводить ежегодно и представлен доклад «Россия и Египет: траектория сотрудничества» [12].

Советник Президента Российской Федерации, ответственный секретарь Оргкомитета ПМЭФ – 2022 Антон Кобяков на встрече с Министром торговли и промышленности Египта госпожой Нивин Гаменя заявил: «Масштабное участие Вашей страны в крупнейшем российском деловом мероприятии в очередной раз продемонстрировало особый характер российско-египетских связей, закрепленный в Договоре о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, который был подписан президентами двух стран и вступил в силу в январе прошлого года». Министр торговли и промышленности Египта Н. Гаменя, в свою очередь, назвала отношения между Египтом и Россией «историческими» и «выдающимися», подчеркнув: «Многое связывает наши страны. Мы с радостью принимаем туристов из России, рады российским предпринимателям. Нам приятно выступать в качестве страны-гостя на 25-ом юбилейном Петербургском международном экономическом форуме – 2022» [15].

Особое внимание на переговорах с участием России и Египта в рамках 25-го ПМЭФ было уделено таким актуальным вопросам, как киберпреступность, криминальный оборот криптовалюты, отмывание преступных доходов, терроризм, экстремизм, организация незаконной миграции, контрабанда наркотиков, оружия, коррупция.

Политические позиции стран по кризисным ситуациям на Ближнем Востоке и в Африке «совпадают или близки».

Следует отметить и «осевую роль» российско-египетских отношений для сотрудничества в формате Евразийский экономический союз – Африканский союз [2].

Как представляется, потенциал развития и расширения российско-египетских экономических отношений далек от исчерпания. В среднесрочной перспективе важнейшим драйвером развития торговли и инвестиций должно стать развитие транспортного сообщения и формирование устойчивых логистических коридоров из России и ЕАЭС в Египет, в том числе с выходом на рынки Восточной и Южной Африки [12, с. 10, 11]. Российская промышленная зона (РПЗ), создаваемая в Экономической зоне Суэцкого канала, позволит придать мощный импульс для расширения торгово-экономических связей и углубления индустриальной кооперации между двумя странами [16]. Как ожидается, РПЗ станет порталом (gate) для входа России на рынок Египта и стран Африканского континента.

В целом в канун 2020-х гг., опираясь на обширный опыт эффективного взаимодействия, Египет и Россия приступили к формированию системных многоуровневых отношений, что призвано создать благоприятные условия для комплексного, взаимовыгодного и равноправного участия стран в реализации статусных евразийских технологических, инфраструктурных и торговых проектов.

Египет: Стратегия – 2030

Современная Арабская Республика Египет является одним из ведущих государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке и претендует на признание ее значительной роли в мировой политике. Во многом такое позиционирование Египта достигнуто благодаря принятой в 2016 г. национальной повестке «Стратегия устойчивого развития: видение Египта до 2030 года» (Стратегия – 2030).

В Стратегии – 2030 в соответствии с принципами Концепции устойчивого развития и Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. провозглашены следующие 8 целей национального развития, взятых во взаимосвязанности трех измерений – экономическом, социальном и экологическом: 1) Качество жизни; 2) Равенство и инклюзивность; 3) Надежная экономика; 4) Знания и инновации; 5) Устойчивая окружающая среда; 6) Управление; 7) Мир и безопасность; 8) Авторитет лидера [17].

«Видение – 2030» Египта было соотнесено со Стратегией устойчивого развития Африки до 2063 г. и было направлено на достижение следующих стратегических целей (рис. 1) [17].

Рис. 1. Стратегические цели устойчивого развития Африки

Как было специально подчеркнуто в Преамбуле Стратегии – 2030, особую роль в достижении заявленных целей должны сыграть принципы «инклюзивного устойчивого

развития» и «сбалансированного регионального развития» [17, р. 3].

Главными задачами развития Египта в рамках целостного подхода определены движение к цифровым преобразованиям во всех областях, «цифровая трансформация людей и правительства» [18]. Предполагается, что к 2030 г. Египет войдет в топ-30 стран по уровню развития экономики (на 2015 г. по ВВП – 41-е место в мире), конкурентоспособности рынка (на 2015 г. – 116-е место), человеческому развитию (на 2015 г. – 110-е место), качеству жизни (на 2015 г. – 113-е место), антикоррупционности (на 2015 г. – 110-е место).

Важно отметить, что эти планы успешно выполняются. Так, к 2022 г. по показателю ВВП Египет вошел в число 30 крупнейших экономик мира, заняв 8-е место в списке самых развитых стран Африки (на 2021 г.); ВВП на душу населения (всего проживает 101 млн человек) составил 3058 долл. США; минимальная заработная плата за 2020 г. – 127,41 долл. США, а золотовалютные резервы к концу 2021 г. – 42 млрд долл. США [19].

В Преамбуле к Стратегии – 2030 подчеркивается, что особую роль в достижении заявленных целей должны сыграть принципы «инклюзивного устойчивого развития» и «сбалансированного регионального развития». В этой связи определены десять «столпов развития»: рост экономики; энергия и энергетика; знания, инновации и научные исследования; прозрачность и эффективность государственных институтов; социальная справедливость; здоровье; образование и обучение; культура; окружающая среда; городское развитие.

Всего в период до 2030 г. планируется реализация 77 программ и проектов, среди которых превращение Египта в глобальный цифровой центр; строительство новой административной столицы; освоение Северо-Западного побережья; строительство миллиона единиц социального жилья; создание агропромышленных кластеров и Центра модернизации сельского хозяйства; развитие зеленой экономики; создание

египетской торговой сети (Egytrader); развитие района пирамид; создание зеленых курортов в западной пустыне; строительство новых городов на новой оси развития; развитие национальных железнодорожных сетей, сектора морских перевозок и речного транспорта.

Социальное измерение Стратегии – 2030 определено ее нацеленностью на достижение социальной справедливости и социальной интеграции, поощрение активной гражданской позиции и позитивного участия представителей всех слоев египетского общества. Стратегия также рассматривает равные возможности для всех, устранение пробелов в развитии и эффективное использование ресурсов для обеспечения прав будущих поколений жителей страны. В социальной сфере Египет в 2021 г. начал реализацию двух мегапроектов – «Хайя Карима» (Hayah Karima, «Достойная жизнь») и «Вайи» (Waii, «Информированность») [20]. «Хайя Карима» – это обеспечение качественными жильем, медицинскими и образовательными услугами, а также базовой инфраструктурой для достойной жизни 60 млн египтян, проживающих в сельской местности. «Вайи» направлен на повышение информированности местных общин.

Таким образом, руководство Египта прилагает комплексные усилия к ускорению перехода к «экономике знаний», фокусируя усилия на поощрении инноваций, развитии технологичной промышленности, достижении справедливости на всех уровнях, расширяя права и возможности женщин и молодежи.

Инновационность социальной направленности Стратегии видится и в том, что она апеллирует к «молодежному» составу египетского общества, провозглашая необходимость развития способностей и потенциала молодых людей как будущих лидеров страны. В «Докладе 2022 года о состоянии добровольчества в мире: создание равноправного общества для всех» в части действий Египта подчеркивается, что молодежь – это «ценный капитал Египта, на развитие которого мы не должны

жалеть сил и средств. Более того, нам необходимо чаще использовать идеи и энергию молодежи при решении существующих социальных проблем». Далее в документе говорится, что Министерство социальной солидарности Египта реализует разнообразные программы, направленные на раскрытие потенциала молодых людей, и использует многочисленные способы коммуникации с ними для привлечения к участию в качестве волонтеров в творческом решении задач развития страны. В последние годы молодежь на добровольных началах активно вовлечена во все президентские инициативы и крупные проекты развития египетского государства. С точки зрения руководства страны, «подобные инициативы укрепляют ведущую роль молодежи в обществе и гуманитарной деятельности, повышая мотивацию, жизнестойкость и потенциал развития молодых людей в качестве активных граждан – будущих ответственных лидеров страны, которые станут примером для подражания для младших поколений населения Египта» [21].

Благодаря уверенному продвижению по пути устойчивого и сбалансированного развития инвестиционная привлекательность Египта для многих государств возрастает. Успехи, достигнутые Египтом, делают его желательным участником крупных международных проектов и инициатив.

Египет и БРИКС

Международное объединение БРИКС (BRICS) возникло 18 февраля 2011 г., когда к группе БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) присоединилась Южно-Африканская Республика. БРИКС можно определить как межрегиональную союзную группу «больших экономик» с потенциалом открытого «терминала» («Gate») для четырех регионов (Африка, Азия, Европа и Латинская Америка). Появление БРИКС, прежде всего, «стало ответом на недостаточность традиционных для XX века экономических и геополитических обоснований и

мотиваций при определении приоритетов развития человечества». На глобальном уровне БРИКС выступает в трех измерениях: международном (традиционном), интерконтинентальном и межрегиональном. В рамках интерконтинентального партнерства страны БРИКС являются порталами (Gate) для включения в глобальное международное сотрудничество экономик регионов и сопряженных субрегионов, что нашло свое выражение в форматах сотрудничества – «БРИКС-плюс» и «БРИКС-аутрич» [22, с. 37]. Включение в число объединяющих приоритетов деятельности БРИКС таких направлений, как «образование», «наука» и «инновации», закономерно отразило глубокие гуманитарные изменения, происходящие в мировой цивилизации.

Лидеры стран БРИКС исходят из своего общего стремления к миру, безопасности, развитию и сотрудничеству. Достоинством и неисчерпаемым источником силы для углубления сотрудничества в рамках БРИКС был назван «дух БРИКС», в основе которого «взаимное уважение и взаимопонимание, равенство, солидарность, открытость, инклюзивность и консенсус, страны БРИКС укрепляют взаимное доверие, углубляют взаимовыгодное сотрудничество и способствуют более тесным гуманитарным обменам» [26, п. 2]. Особенно подчеркивалось, что каждая из стран БРИКС «следует собственному пути развития с учетом своих национальных особенностей и уделяет особое внимание росту экономики и улучшению условий жизни людей ... Поддерживая принципы развития и многосторонности, мы работаем вместе в интересах создания более справедливого, равноправного, честного, демократического и представительного международного политического и экономического порядка» [23, п. 2]. В экономической сфере деятельность БРИКС характеризует нацеленность на становление многопрофильного интеррегионального партнерства («регионы – континенты», «пять пальцев», пять «зон мира»); особое внимание к развитию субрегионального равноправного партнерства (или – сотрудничество во

«включенных регионах»); стремление к формированию «континентальных рынков», подчеркнутое провозглашением международной инициативы «Пояс и путь».

В 2021 г. созданный странами БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР)¹ Новый банк развития (НБР) одобрил включение Египта в состав этого финансового учреждения. В заявлении, сделанном по этому поводу, президент банка Маркус Тройх сказал: «Мы рады приветствовать Египет в семье НБР. Египет является одной из самых быстроразвивающихся стран мира, крупной экономикой на Африканском континенте и в регионе Ближнего Востока, а также ключевым игроком в финансовых институтах развития. Мы с нетерпением ожидаем поддержки его инвестиционных потребностей в инфраструктуре и устойчивом развитии» [24]. Эксперты прогнозируют, что в 2023 г. на следующем саммите БРИКС, который планируется провести на Африканском континенте в ЮАР, в ряды этого международного объединения вступят такие ведущие страны, как Аргентина, Египет, Иран, Саудовская Аравия и Турция [25].

На XIV Саммите БРИКС (Пекин, 23 июня 2022 г.) состоялся Диалог высокого уровня по вопросам глобального развития, в рамках которого вновь был подтвержден открытый и инклюзивный характер партнерства БРИКС, включая сотрудничество в формате «БРИКС аутрич»/«БРИКС плюс». Саммит прошел под девизом «Укрепление высококачественного партнерства БРИКС, вступающего в новую эру глобального развития» (п. 1).

Страны БРИКС предложили создать Форум БРИКС высокого уровня по вопросам устойчивого развития, что должно

¹ БРИКС – международное объединение (группа), в которое входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. Организация была образована в 2006 г. в рамках Петербургского международного экономического форума. В формат БРИКС-плюс входят Алжир, Аргентина, Египет, Индонезия, Иран, Казахстан, Камбоджа, Малайзия, Сенегал, Таиланд, Узбекистан, Фиджи и Эфиопия.

содействовать углублению сотрудничества в области борьбы с COVID-19, цифровой трансформации, устойчивости и стабильности промышленных цепочек и цепочек поставок и низкоуглеродного развития (п. 59).

Среди возможных площадок партнерства следует выделить создание Совместного комитета БРИКС по космическому сотрудничеству в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли (п. 58), деятельность Форума БРИКС по большим данным для устойчивого развития.

Важно отметить также, что страны БРИКС производят около 1/3 мирового продовольствия и привержены «дальнейшему сотрудничеству в сфере сельского хозяйства и активизации устойчивого развития сельского хозяйства и сельских районов стран БРИКС, направленного на обеспечение продовольственной безопасности наших стран и мира в целом» (п. 56). Действуя также в целях обеспечения глобальной продовольственной безопасности, по итогам XIV Саммита был принят План действий по сотрудничеству стран БРИКС в области сельского хозяйства на 2021–2024 гг. и одобрена Стратегия сотрудничества стран БРИКС в области продовольственной безопасности.

В декларациях XIV и предыдущих Саммитов БРИКС подчеркивалась значимость работы следующих форматах сотрудничества:

1) *экономического* – Деловой форум БРИКС, Форум Партнерства БРИКС по Новой промышленной революции, Площадка запуска инноваций БРИКС, Форум стартапов БРИКС, Женский деловой альянс, Конкурс «Молодые инноваторы стран БРИКС» и др.;

2) *гуманитарного* – Кинофестиваль, Медиафорум, Форум породненных городов и муниципальных образований, Молодежный форум, Форум молодых дипломатов, Форум молодых ученых БРИКС, Форум стран БРИКС по урбанизации, Форум породненных городов и муниципальных образований стран

БРИКС и Международный муниципальный форум БРИКС, направленный на содействие налаживанию связей между породненными городами стран БРИКС направленный на осуществление Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и др. [26].

В 2022 г. на XIV Саммите БРИКС был подписан План действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры (2022–2026 гг.), нацеленный на развитие цифровизации в области культуры, углубление сотрудничества в сферах искусства, культуры, культурного наследия. Принципами формирования креативных индустрий и альянсов стран БРИКС в области культуры в рамках Плана действий объявлены инклюзивность и взаимное обогащение культур (п. 63).

Специальное внимание страны БРИКС уделили развитию сферы туризма: «Мы признаем насущную необходимость восстановления индустрии туризма и важность увеличения взаимных туристических потоков и будем работать над дальнейшим укреплением Альянса БРИКС в области “зеленого” туризма в целях принятия мер, которые могут способствовать повышению жизнестойкости, устойчивости и инклюзивности туристического сектора» (п. 64).

В области образования особая роль принадлежит Сетевому университету БРИКС (СУ БРИКС). Миссия СУ БРИКС состоит в объединении ресурсов стран БРИКС по обеспечению национальных экономик высокопрофессиональными кадрами, способными решать актуальные задачи развития своих стран на уровне лучшего мирового опыта и с учетом национальных традиций.

БРИКС открыт для широкого взаимодействия со странами Африки в рамках Повестки дня до 2063 года Африканского союза. В Пекинской декларации сказано, что страны БРИКС приветствуют усилия Африки в достижении интеграции посредством развития Африканской континентальной зоны свободной торговли и других механизмов: «Мы

подчеркиваем важность вопросов, включая индустриализацию, инфраструктурное развитие, продовольственную безопасность, здравоохранение и противодействие изменению климата для устойчивого развития Африки. Мы поддерживаем континент в его усилиях по восстановлению экономики и устойчивому развитию в период после пандемии» (п. 61).

Говоря о целесообразности вступления Египта в БРИКС, необходимо подчеркнуть, что стратегия развития БРИКС в целом совпадает с целеполаганием Египта и ресурсы являются взаимодополняющими, как это показано в табл. 1.

Таблица 1

«Столп развития» (Египет)	Действующие форматы (БРИКС)
<p><i>Первый</i> – экономическое развитие. К 2030 году рыночная экономика Египта станет сбалансированной, наукоемкой, конкурентоспособной, диверсифицированной, обладающей макроэкономической стабильностью и потенциалом устойчивого инклюзивного роста, активно представленной на глобальном рынке</p>	<p><i>Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года</i> (целеполагание + принципы). Новый банк развития. Механизм межбанковского сотрудничества БРИКС. Рабочая группа центральных банков стран БРИКС по сотрудничеству в платежной сфере. Научно-исследовательская сеть БРИКС по финансам. Встреча министров финансов и управляющих центральных банков стран БРИКС. Встреча Управляющего совета Пула условных валютных резервов стран БРИКС. Деловой совет БРИКС. Женский деловой альянс. Партнерство стран БРИКС по Новой промышленной революции. Центр промышленных компетенций стран БРИКС. Рамочное соглашение о партнерстве БРИКС в цифровой экономике. Встреча министров промышленности стран БРИКС. Совместный комитет БРИКС по космическому сотрудничеству. Встреча глав космических ведомств стран БРИКС. Форум БРИКС по большим данным для устойчивого развития</p>

«Столп развития» (Египет)	Действующие форматы (БРИКС)
	Инициатива БРИКС по торговле и инвестициям в целях устойчивого развития. Инициатива БРИКС по расширению сотрудничества в области цепочек поставок. Рабочая группа по цифровой экономике. Рамочная программа БРИКС по обеспечению защиты прав потребителей в электронной торговле. Рамочное соглашение стран БРИКС о сотрудничестве в сфере торговли услугами. Рамочное соглашение о сотрудничестве стран БРИКС в сфере профессиональных услуг. Мероприятия по продвижению товаров и услуг «Покупай БРИКС». Встреча министров торговли стран БРИКС
<i>Второй</i> – энергия. Энергетический сектор, отвечающий национальным требованиям устойчивого развития и максимизирующий эффективное использование различных традиционных и возобновляемых ресурсов, способствующих экономическому росту, конкурентоспособности, достижению социальной справедливости и сохранению окружающей среды. Лидерство в области возобновляемых источников энергии и эффективного управления ресурсами, а также в инновационном секторе	Платформа энергетических исследований БРИКС. Молодежный энергетический саммит БРИКС. Встреча министров энергетики стран БРИКС
<i>Третий</i> – знания, инновации и научные исследования. Творческое и инновационное общество, использующее науку, технологии и знание для решения проблем и достижения национальных целей.	Управляющий комитет БРИКС по науке, технологиям и инновации. Инновационная сеть iBRICS. Форум молодых ученых стран БРИКС. Конкурс «Молодые инноваторы стран БРИКС». Целевая рабочая группа

«Столп развития» (Египет)	Действующие форматы (БРИКС)
	БРИКС по вопросам цифровизации. Цифровой форум БРИКС. Институт БРИКС по изучению сетей будущего
<i>Четвертый</i> – прозрачность и эффективность государственных институтов. Эффективный и действенный сектор государственного управления, отвечающий за использование государственных ресурсов на принципах прозрачности, справедливости и гибкости	Медиафорум БРИКС. Целевая группа БРИКС по государственно-частному партнерству и инфраструктуре. Встреча министров труда и занятости стран БРИКС
<i>Пятый</i> – социальная справедливость. К 2030 г. Египет станет справедливым взаимозависимым обществом с равными экономическими, социальными, политическими правами и возможностями, обеспечивающими социальную интеграцию	Рабочая группа стран БРИКС по вопросам занятости. Молодежный саммит БРИКС. Площадка запуска инноваций БРИКС. Форум стартапов БРИКС. Сеть научно-исследовательских институтов в области занятости стран БРИКС. Женский инновационный конкурс БРИКС. Встреча министров и руководителей ведомств стран БРИКС, курирующих молодежную политику
<i>Шестой</i> – здоровье. Все египтяне должны иметь доступ к здоровой, безопасной и надежной жизни. Реализация комплексного подхода к созданию качественной и универсальной системы здравоохранения, способной улучшить состояние здоровья населения за счет раннего вмешательства и профилактического охвата. Это путь к процветанию, благополучию, счастью, а также социальному и экономическому развитию, которое позволит Египту стать лидером в области медицинских услуг и исследований в арабском мире и в Африке	Саммит БРИКС по цифровизации здравоохранения. Сеть БРИКС по исследованию туберкулеза. Встреча министров спорта стран БРИКС. Встречи министров здравоохранения стран БРИКС. Симпозиум БРИКС по традиционной медицине. Рабочая группа БРИКС по биотехнологиям и биомедицине, в том числе по вопросам здоровья человека и нейробиологии

«Столп развития» (Египет)	Действующие форматы (БРИКС)
<p><i>Седьмой</i> – образование и обучение. Высококачественная система образования и обучения, доступная для всех, без дискриминации, эффективная, справедливая, устойчивая и гибкая институциональная структура, вносящая свой вклад в развитие гордого, творческого, ответственного и конкурентоспособного гражданина, который принимает разнообразие и различия и гордится своей страной, ее историей</p>	<p>Альянс БРИКС в области сотрудничества в сфере технического и профессионального образования и подготовки. Конкурс по профессиональным навыкам БРИКС. Сетевой университет БРИКС. Лига университетов БРИКС. Встреча министров образования стран БРИКС</p>
<p><i>Восьмой</i> – культура. Система позитивных культурных ценностей, предполагающих включенность граждан во взаимодействие с современными разработками при сохранении приверженности ценностям истории и культурного наследия, основанном на уважении к разнообразию и различию, что дает мудрость свободы выбора и культурного творчества. Это также – добавленная стоимость в национальной экономике, ее «мягкая сила» на региональном и международном уровнях</p>	<p>Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры (2022–2026 годы). Альянс БРИКС в области зеленого туризма. Кинофестиваль БРИКС. Встреча министров культуры стран БРИКС. Встреча министров туризма стран БРИКС</p>
<p><i>Девятый</i> – окружающая среда. Окружающая среда интегрирована во все секторы экономики для сохранения природных ресурсов в интересах будущих поколений, чистая, безопасная и здоровая окружающая среда, ведущая к диверсификации производственных ресурсов и экономической деятельности, созданию новых</p>	<p>Встреча министров окружающей среды стран БРИКС. План действий по сотрудничеству стран БРИКС в области сельского хозяйства на 2021–2024 гг. Стратегия сотрудничества стран БРИКС в области продовольственной безопасности</p>

«Столп развития» (Египет)	Действующие форматы (БРИКС)
рабочих мест, искоренению бедности и достижению социальной справедливости	
Десятый – городское развитие. Сбалансированное управление пространственным развитием земли и ресурсов Египта для размещения населения и улучшения качества их жизни	Форум стран БРИКС по урбанизации. Форум породненных городов и муниципальных образований стран БРИКС. Международный муниципальный форум БРИКС

Источник: Декларации I–XIV саммитов БРИКС.

Становясь участником БРИКС, Египет получает доступ к объединенным ресурсам, технологиям и рынкам стран-участниц, что открывает новые перспективы для реализации заявленных целей национального развития. В результате отношения между Россией и Египтом получают новый импульс развития, соединяя гуманитарно-экономические потенциалы в рамках БРИКС.

Литература

1. Юртаев В.И. Афро-Евразия: вызовы участия в формировании полицентричного мира // Африка в условиях формирования полицентричного мира. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 10–17.
2. Васильев А.М. Сотрудничество Российской Федерации с Арабской Республикой Египет: возможности и ограничения. № 22/2015 / [А.М. Васильев и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015.
3. Соглашение между правительством РФ и АРЕ о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве, 14.05.1992. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900728> (дата обращения: 08.09.2022).
4. Долгосрочная программа развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества,

27.04.2001. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901793584> (дата обращения: 08.09.2022).

5. Российско-арабский Деловой совет / Официальный сайт. URL: http://www.russarabbc.ru/events/index.php?ELEMENT_ID=15152 (дата обращения: 08.09.2022).

6. Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египта о сотрудничестве в сфере туризма / Национальное деловое партнерство Альянс-Медиа. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_143277.html (дата обращения: 08.09.2022).

7. Информационное агентство РИА Новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20110201/329005836.html#ixzz2ybEFoPW0> (дата обращения: 08.09.2022).

8. Египет объявил о новой стратегии развития туризма. 09.01.2019. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/45621.html> (дата обращения: 08.09.2022).

9. Сотрудничество Российской Федерации с Арабской Республикой Египет: возможности и ограничения. № 22/2015 / [А.М. Васильев и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. 22 с.

10. Встреча с Президентом Египта Абдельфаттахом Сиси // Официальный сетевой ресурс президента России. URL: <http://5.09.2016/www.kremlin.ru/events/president/news/52832> (дата обращения: 08.09.2022).

11. Дмитриева Е. Л. Направления внешнеэкономической политики Египта и перспективы сотрудничества с Россией. (Сводный реферат) DOI: 10.31249/rimm/2022.01.09

12. Россия – Египет: траектория сотрудничества. 26 с. 15.06.2022. URL: <https://roscongress.org/materials/rossiya-egipet-traektoriya-sotrudnichestva/> (дата обращения: 08.09.2022).

13. Путин и ас-Сиси подписали Договор о партнерстве и стратегическом сотрудничестве. 17.10.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5685284> (дата обращения: 08.09.2022).

14. Белов В.И., Эльсеграни М.И.М. Стратегия развития Египта на период до 2030 года и значение партнерства с Россией // Информация и инновации. 2022. Vol. 17, № 2. С. 16.

15. Встреча Россия – Египет состоялась в рамках ПМЭФ – 2022. 18.06.2022. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/

2022/06/20/vstrecha-rossiya--egipet-sostoyalas-v-ramkah-pmef--2022 (дата обращения: 08.09.2022).

16. Денис Мантуров принял участие в 13-ом заседании в российско-египетском МПК. 25.06.2021 // https://www.vedomosti.ru/press_releases/2021/06/25/denis-manturov-prinyal-uchastie-v-13-om-zasedanii-rossiisko-egipetskoj-mpk (дата обращения: 08.09.2022).

17. Sustainable Development Strategy: Egypt vision 2030. May 2016. URL: <https://www.greengrowthknowledge.org/national-documents/sustainable-development-strategy-egypt-vision-2030> (дата обращения: 08.09.2022).

18. ИТ-эксперт: Египет движется в правильном направлении к цифровой трансформации. 02.01.2021. URL: <https://www.almasyalyoum.com/news/details/2224888> (дата обращения: 08.09.2022). (на араб. яз.)

19. Место Египта по значению ВВП в сравнении с другими странами. 6 июня 2022 г. URL: <https://www.sularu.com/vvp/EGY> (дата обращения: 08.09.2022).

20. Инициатива Хайи Каримы по развитию сельской местности Египта крупнейший проект по достижению ЦУР ООН 17.07.2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fl.e5a2c4-62b16e6f-705b3d72-74722d776562/https/www.egypttoday.com/Article/1/106148/Naya-Karima-initiative-to-develop-Egyptian-countryside-biggest-project-to (дата обращения: 08.09.2022).

21. Мнение Ее Превосходительства д-ра Нивин Эль-Каббаг (Nivine El-Kabbag), министра социальной солидарности Египта // Доклад 2022 года о состоянии добровольчества в мире: создание равноправного общества для всех. 2021, декабрь. URL: <https://swvr2022.unv.org/wp-content/uploads/2022/04/UNVSWVR2022RU.pdf> (дата обращения: 08.09.2022).

22. Андреева О.В., Юртаев В.И. БРИКС: высшее образование и стратегия развития. М.: РУДН, 2019.

23. Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС. Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 года. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 08.09.2022).

24. Банк БРИКС одобрил принятие Египта в состав финансового учреждения. 29.12.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13322819> (дата обращения: 08.09.2022).

25. В БРИКС сообщили о возможном вступлении Египта, Турции и Саудовской Аравии. 14.07.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5459782>; Эксперт: давление США не повлияет на решение Египта присоединиться к БРИКС. 14.07.2022. URL: <https://ria.ru/20220714/ssha-1802540297.html> (дата обращения: 08.09.2022).

26. Декларация XIV саммита БРИКС – Пекин. URL: [https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_Пекинская_декларация_\(г._Пекин_Китай_23_июня_2022_года\).pdf?1666870770](https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_Пекинская_декларация_(г._Пекин_Китай_23_июня_2022_года).pdf?1666870770) (дата обращения: 08.09.2022).

*V.I. Belov,
Mohamed Ibrahim Mohamed ElSergani*

EGYPT AND RUSSIA: PRIORITIES FOR PARTNERSHIP WITHIN THE BRICS GROUP

Abstract. The article considers the main priorities for the development of strategic partnership relations between Egypt and Russia in the context of the implementation of the goals of the Strategy – 2030 and the potential for cooperation within the framework of the international association BRICS. The main directions of Russian-Egyptian cooperation in the field of trade and economic relations are considered in relation to the needs of sustainable national development in the 21st century and the tasks of forming a new architecture of economic interaction in Afro-Eurasia.

Key words: Egypt, Russia, BRICS Group, Egypt 2030 Strategy, BRICS Beijing Declaration, sustainable development, strategic partnership

*М.А. Шпаковская,
Сидарус Абануб Махер Фахми Салиб*

ИТАЛИЯ И ЕГИПЕТ В XXI ВЕКЕ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Средиземноморье является одним из ключевых регионов мировой политики. Среди стран региона исторически поддерживают и развивают свои отношения Италия и Египет, взаимодействие между которыми занимают особое место в системе международных отношений стран бассейна Средиземного моря, которое развивается в различных направлениях: поддерживают регулярный политический диалог в сфере безопасности и обороны, а также в экономическом и гуманитарном аспектах.

Ключевые слова: Италия, Египет, Северная Африка, Барселонское соглашение, Средиземноморский диалог

Средиземноморье является одним из ключевых регионов мировой политики. В этом регионе реализуются политические, экономические и другие интересы не только стран региона, но и других государств мира. Здесь также пересекаются потоки христианства, ислама и иудаизма, формирующие цивилизационный облик региона.

Отношения между Италией и Египтом занимают особое место в системе международных отношений Италии со странами бассейна Средиземного моря.

Взаимоотношения двух стран уходят своими корнями в давнее прошлое и имеют многовековую историю. Впервые контакты между государствами были установлены в период Римской Республики, а именно в период царства династии Птолемеев, к которой относились такие представители, как Птолемей XIII, царь Египта из династии Птолемеев, младший брат Клеопатры VII (правил в 51–47 гг. до н.э.) и Клеопатра

(правила в 69–30 гг. до н. э.) – последняя царица эллинистического Египта из македонской династии Птолемеев. Отношения относительного равенства между Египтом и Римом существовали лишь до 204 г. Установление римской опеки над египетским царем стало важным рубежом, в корне изменившим сам характер римско-египетских отношений – Египет попал в зависимость от Рима. После распада Западной Римской империи в 476 г. нашей эры Египет превратился в провинцию Византии вплоть до завоевания Египта арабами и образования Арабского халифата в 642 г. Впоследствии, на долгие годы и даже столетия, отношения между двумя странами, прежде всего в культурной области, не развивались столь интенсивно, что во многом было связано с процессами проникновения ислама. С одной стороны шел процесс исламизации Египта, а с другой – в Италии Католическая церковь усиливала свое влияние [1, с. 75].

После окончания Первой мировой войны в результате обретения Египтом независимости от Британской империи в феврале 1922 г. отношения между Италией и Египтом были возобновлены. С приходом к власти в Италии Бенито Муссолини и Национальной фашистской партии в конце 1922 г. отношения между Италией и Египтом становятся напряженными. Стремясь возродить античную Римскую империю и освободить Египет от английских войск, Б. Муссолини во время Второй мировой войны предпринял Египетскую операцию в октябре 1940 г. – в результате победа итальянских войск была одержана только благодаря высадке А. Гитлером немецкого Африканского корпуса. После окончания Второй мировой войны между странами начали складываться позитивные отношения в сфере политики, экономики, торговли, образования, гостиничного бизнеса и туризма.

Начиная со второй половины XX в. Европа, имея исторически тесные отношения со странами Северной Африки, начала проводить политику, направленную на предотвращение разрывов в экономических и социальных сферах с этими

странами. Бывшие колонии – Египет, Алжир, Тунис, Ливия, Марокко – в 50-е годы XX в. вступили в привилегированные деловые отношения с шестью членами ЕЭС. В 1995 г. был дан старт масштабному проекту, который получил название Средиземноморского диалога. На встрече на высшем уровне в Барселоне 1995 г. был принят документ, определяющий три основных направления взаимодействия: экономическое, культурное, политическое. Перед государствами Северной Африки стояла задача преодолеть разрыв в демократических свободах и гражданских правах, а также политическое и экономическое отставание от стран Европы. Одной из основных была поставлена задача создания зоны свободной торговли и преодоление цивилизационных противоречий.

Таким образом, был сформирован многосторонний подход, согласно которому демократические ценности должны были развиваться в трех направлениях: в правовом поле – некоторые законодательные нормы должны быть привязаны к стандартам демократии согласно требованиям ЕС и направлены на создание соответствующих политических и общественных институтов; в экономическом пространстве изменения должны быть направлены на создание, прежде всего, институциональных основ, и в культурном аспекте – распространение ценностей гуманизма.

Страны Северной Африки заинтересованы в активном взаимодействии со странами Европы по разным направлениям – политическим, экономическим, культурным, гуманитарным. В этом отношении особенно плотным является взаимодействие Италии с Египтом. Именно Италия была в числе тех государств, которые инициировали Барселонское соглашение [2]. В рамках подписанной Барселонской декларации 1995 г. между странами Евросоюза и странами Южного Средиземноморья было инициировано стратегическое партнерство, целью которого являлись мир и стабильность в Средиземноморском регионе [3].

Италия развивает средиземноморский внешнеполитический вектор своей внешней политики и активно взаимодействует с теми государствами ЕС, которые выступают со схожих позиций, прежде всего с Испанией и Францией [2]. Важным партнером Италии по Средиземноморскому диалогу со стороны североафриканских стран является Египет.

Египет традиционно проводил свою многовекторную внешнюю политику, развивая отношения и со странами Африки, и со странами Персидского Залива, и с европейскими странами. Однако угрозы национальной безопасности, наряду с социально-экономическими проблемами, привели Египет к вынужденным внешнеполитическим уступкам и потере своих лидирующих позиций в регионе [4]. В этой сложившейся непростой ситуации именно Италия протянула руку помощи Египту. Итальянское правительство продало Египту большое количество фрегатов, военно-морских патрульных катеров, учебных самолетов и истребителей. Данная помощь и поддержка Италии имела для Египта исключительно важное значение не только для решения внутренних проблем страны, но и укрепления позиций страны в регионе [5].

Италия и Египет поддерживают регулярный политический диалог в сфере безопасности и обороны. Президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси в 2015 г. смог начать масштабную модернизацию военно-морского флота страны, опираясь, прежде всего, на содействие Италии. Несмотря на то, что в перевооружении Египта участвовали такие страны, как Франция, Россия, Китай, Германия, Южная Корея, тем не менее Италия оставалась основной страной, которая оказывала содействие в перевооружении, а также в переподготовке квалифицированных военных кадров, в организации и проведении совместных учений и обмена опытом в борьбе с международным терроризмом [6, р. 1–15].

Это содействие было очень важным для Египта, имеющего морскую границу более 1 тыс. 242,74 миль, которая включает в себя береговую линию Средиземного и Красного

морей. Кроме того, Египет должен обеспечивать безопасность Суэцкого канала, а также разрешать локальные межплеменные конфликты [7, р. 86].

Египет представляет интерес как крупный и значимый партнер арабского мира по Средиземноморскому диалогу. Укрепление отношений Рима и Каира имеет важное значение для обеих сторон, как в экономическом, так и в политическом аспекте. Кроме того, в экономической сфере две страны имеют хорошо налаженные торговые партнерские отношения. Более 160 итальянских фирм являются партнером египетских компаний в различных сферах экономики и входят в число первых инвесторов и торговых партнеров Египта [8, с. 75].

Развитие взаимоотношений между Египтом и Италией способствует формированию и постепенному переходу от отношений сотрудничества к интеграционным процессам в рамках евро-средиземноморского диалога.

Сотрудничество в области культуры, науки и образования также является важной составляющей взаимодействия двух стран.

Одним из значимых направлений во взаимоотношениях двух стран является сфера туризма, в которой Италия является основным партнером. Около 60 % всех курортов, клубов, отелей и ресторанов Египта принадлежат итальянским бизнесменам и меценатам. Египет для Италии является традиционным местом туристического отдыха. На территории страны существуют христианские общины и церкви, что, безусловно, является положительным моментом для итальянцев.

Современная Италия является одним из крупнейших торговых партнеров Египта в Евросоюзе и третьим по величине партнером в мире после США и Китая. Кроме того, инвестиции Италии в Египет оцениваются на сумму 2,6 млрд долл. США и в основном сосредоточены в транспортных и банковских услугах среди других секторов, что делает ее пятым по величине европейским инвестором в Египте [9, с. 35–40].

Прямые инвестиции Италии в экономику Египта оцениваются в 3 млрд. долл. США. Несмотря на тесные связи страны с Италией в сфере политики, торговли и бизнеса, Италия занимает лишь 5-е место в инвестициях, уступая место в первую очередь Великобритании и Франции [9, с. 35–40].

Так, в декабре 2019 г. в Египте прошла Неделя итальянской кухни – одной из самых известных в мире, которая прошла под лозунгом «Пищевое образование: культура вкуса», и все мероприятия программы были встречены с большим общественным одобрением. Эта программа была подготовлена посольством Италии в Каире при участии итальянского культурного института, итальянского торгового агентства ICE, почетных консульств, а также местной итальянской общины [14].

Мероприятия проходили в столице страны Каире, а также в регионах Александрия, Луксор, Хургада и Шарм-эш-Шейх. Мероприятия программы подчеркивали общие черты итальянской и египетской кухни, а именно что обе они относятся к «средиземноморской диете».

Удостоенный звезды Мишлен шеф-повар Питер Брюнель поделился секретами приготовления риса – типичной еды как итальянской, так и египетской традиции – с египетскими и международными шеф-поварами и любителями риса.

Профессор Стефано Предьери и Роберто Гольпе из Национального исследовательского совета Департамента продовольственных наук и биомедицинских наук Болоньи прочитали лекцию под названием «Эксперименты с дегустацией оливкового масла». Мероприятие было направлено на популяризацию культуры масла с помощью «экспериментального» метода, основанного на преимуществах оливкового масла и его вкладе в создание вкусового и кулинарного баланса. Эксперты Национального исследовательского совета познакомили присутствующих с миром оливкового масла, объясняя их отличительные свойства, такие как «первое холодное прессование», или значение термина «монокультура», а также

взаимосвязь между ароматами масла и их биохимическими компонентами [15].

Профессор Бонуччи из ARTOI, исследовательской ассоциации по комплексному лечению онкологических заболеваний, провел два семинара, посвященных средиземноморской диете и ее пользе для здоровья. Им были проведены образовательные семинары в Итальянском институте культуры (Istituto Italiano di Cultura), а также специальный семинар для врачей итальянской больницы Умберто I (Поликлиника Умберто I), самой крупной больницы в Риме. В этих семинарах приняли участие более 50 египетских врачей и специалистов. Семинар дал возможность проиллюстрировать последние данные научных исследований по взаимодействию диетотерапии и онкологической терапии, предоставив важные рекомендации для «целостного» ухода за пациентами, уделяя особое внимание всем аспектам жизни с целью максимизации эффективности лечения [15].

В июле 2017 г. был принят двусторонний проект «Приоритеты партнерства», который ориентирован на сотрудничество Италии и Египта в области социально-экономического развития Египта. Этот Проект позволит определить необходимые административные структуры и процедуры, включая стратегию финансового контроля, аудит, взаимодействие с налогоплательщиками [13]. Это соглашение направлено на поддержание усилий со стороны двух стран, направленных на завершение сети двусторонних соглашений между Египтом и Италией об избежание двойного налогообложения, включая повышение прозрачности и обмен информацией в соответствии с международными стандартами.

Также Италия принимает активное участие в укреплении административного и оперативного потенциала египетского таможенного управления. Египет сталкивается со многими проблемами в трансграничной торговле. Условия, в которых работает египетский бизнес, сложны, особенно для малых и средних предприятий, которые сталкиваются с фрагментированной таможенной структурой, а также громоздкими,

устаревшими и малоавтоматизированными трансграничными процедурами. Все это вынуждает таможенные службы привлекать специалистов для дополнительных проверок, требуемых египетскими регулирующими органами. Это приводит к значительным нагрузкам, замедлению движения товаров и вызывает дорогостоящие задержки в портах и различных пунктах въезда / выезда [13].

Программа нацелена на то, чтобы содействовать постепенной гармонизации египетского таможенного законодательства, регулирования и практики с соответствующими стандартами, нормами и передовым опытом ЕС, а также поддерживать текущие меры по институциональной реформе. Также Программа направлена на улучшение условий для упрощения процедур торговли и создание основы для современной таможни. Целью данного проекта является укрепление административного и оперативного потенциала египетского таможенного управления, направленного на более эффективное выполнение своих основных функций, более оперативно реагируя на нужды торгового сообщества.

В рамках соглашения о свободной торговле предусмотрены следующие обязательства сторон [14]:

- а) упростить контроль и процедуры, касающиеся таможенных органов;
- б) ввести единый административный документ;
- в) разработать систему, позволяющую увязать транзитные соглашения Италии и Египта.

Одним из важных направлений является научно-техническое сотрудничество по линии Италия – Египет. Так, 31 мая 2019 года в рамках соглашения о научно-техническом сотрудничестве Генеральный директорат содействия развитию страны (экономика, культура и наука) – управление IX итальянского правительства, Министерство иностранных дел и международного сотрудничества и Министерство научных исследований Египта инициировали Программу научно-технического сотрудничества на 2019–2021 гг. [15].

С этой целью стороны направили меморандум о представлении совместных проектных предложений для обмена исследователями и для представления совместных проектных предложений, имеющих особую актуальность.

В связи с настоящим меморандумом определились две схемы финансирования: 1. «Обмен исследователями» – это совместные научно-исследовательские проекты; 2. «Особая актуальность» – совместные исследовательские проекты, где научно-исследовательская работа финансируется в форме обязательного значительного финансового взноса со стороны государства [15].

Проекты могут быть представлены в одном из следующих приоритетных направлений исследований:

1) наука и технологии, применяемые к культурному и природному наследию (достижения в области неразрушающего контроля испытания и исследования; внутренний экологический мониторинг; 3D-съемка; эксплуатация и валоризация; инновационные методы консервации и реставрации; геофизические исследования; междисциплинарные подходы; предотвращение стихийных бедствий);

2) энергия из возобновляемых источников (новые тенденции в области возобновляемых источников энергии; достижения в области накопления энергии; производство биотоплива / биогаза; энергоэффективность в производстве и в конечном использовании – промышленность, гражданские и жилые помещения, транспорт);

3) умные города и умное Средиземноморье (Управление отходами и производство биотоплива; голубая экономика; устойчивая мобильность; оживление городов, деурбанизация и «умные» деревни);

4) доступное и инклюзивное здравоохранение (телемедицина; борьба с раком; трансляционная медицина; хронические заболевания; гериатрическая медицина);

5) управление питьевой водой и сточными водами (технология санитарии; достижения в области опреснения воды);

проникновение соленой воды в пресноводные водоносные горизонты: мониторинг и смягчение последствий);

6) устойчивое сельское хозяйство и производство продовольствия (климатические и экстроклиматические факторы, влияющие на животноводство, водное рыболовство и устойчивое растениеводство; инновационные решения для борьбы с возникающими проблемами; инфекционные болезни животноводства; передовые тенденции повышения продуктивности животноводства; инновации для сокращения потерь плодородия почв, опустынивания, эрозии и засоления почв);

7) фундаментальные науки (аквакультура; биохимия; биология; химия; геология; математика; микробиология; минеральные ресурсы; океанография; физика).

8) материаловедение и нанотехнологии;

9) космические и связанные с ними области применения (мониторинг деформаций грунта и инфраструктуры; радиолокация, интерферометрия; изменение климата; наземный, морской и атмосферный мониторинг).

Италия активно сотрудничает с Египтом в экономической сфере, являясь одним из крупнейших иностранных инвесторов Египта. В этой связи между двумя странами поддерживаются отношения в сфере экономического контроля, таможенного дела и налогообложения. Стратегия устойчивого развития (SDS), определенная в программе «Видение 2030», касается экономических отношений с Египтом [11].

Запущенная в марте 2016 г. программа «Видение 2030 SDS» представляет собой стратегию, направленную на достижение долгосрочной социально-экономической устойчивости путем, в частности, создания более благоприятных условий для инклюзивного роста, создание рабочих мест, особенно для молодежи и женщин, путем поощрения интеграции неформального сектора экономики [14].

Италия принимает также участие в проекте по реформированию налоговой службы Республики Египет. В рамках Соглашения об ассоциации между Европейским сообществом

и Арабской Республикой Египет этот проект предназначен для того, чтобы внести свой вклад в совершенствование египетского налогового администрирования, содействовать постепенной гармонизации египетской налоговой практики с законодательством Европейского союза, его стандартами и нормами, способствовать продолжающейся реформе в налоговой сфере, оказывать поддержку налоговой стратегии по модернизации и упрощению налогового администрирования.

Египет является страной с доходами ниже среднего и относительно диверсифицированной экономикой, которая все еще сталкивается с фискальными проблемами [12, р. 18]. Для страны характерно ограниченное количество крупных и большое количество мелких предприятий, полностью или частично работающих в неформальном секторе, экономический рост которых невелик.

Сложившаяся в 2020 г. ситуация, связанная со вспышкой COVID-19 в мире и соответствующими ограничениями, значительно пошатнула позиции Италии в сфере экономики и туризма.

Итальянские бизнесмены вынуждены были сворачивать туристический бизнес ввиду отсутствия большого потока туристов в Египет, а местное население не могло покрыть все затраты на содержание и расходы гостиничных комплексов [10, с. 128].

В политическом взаимодействии обе страны имели тесные дипломатические контакты в период ливийского кризиса. Также Италия и Египет контактировали в вопросах, связанных с делом молодого итальянского ученого Джулио Реджени, убитого в Каире при обстоятельствах, вызвавших подозрение об участии в этом преступлении египетских спецслужб. Этот вопрос стал болезненной темой в двусторонних отношениях. Тем не менее обе стороны преодолели этот кризис. Южное, или «неевропейское», Средиземноморье – регион, которому свойственно перманентное состояние

кризиса, а также народных волнений, переворотов и внутренних конфликтов.

Средиземноморский регион для Италии, в том числе Египет, в целом является весьма значимым направлением, в развитии которого заинтересованы обе страны.

Литература

1. *Крашенинников Павел*. Времена и право. М.: Статут, 2016.
2. Economic Integration in the Mediterranean: Beyond the 2010 Free Trade Area / European Institute of the Mediterranean. Barcelona, 2010. URL: <https://www.iemed.org/publication/economic-integration-in-the-mediterranean-beyond-the-2010-free-trade-area/>
3. Economic Crisis: Effects on the Mediterranean. The Role of the Euro-Mediterranean Relations Facing the Economic Crisis / European Institute of the Mediterranean. Barcelona, 2009. URL: <https://www.iemed.org/publication/the-role-of-the-euro-mediterranean-relations-facing-the-economic-crisis/>
4. EUROMED Migration. URL: [https:// icmpd.org/our-work/migration.euromed-migration-iv/](https://icmpd.org/our-work/migration.euromed-migration-iv/) (дата обращения: 15.03.2022).
5. Femise Report on the Euro-Mediterranean Partnership. Mediterranean Partner Countries Facing the Crisis. August 2009. Marseille, 2009. URL: https://www.academia.edu/2221093/_2009_Report_on_the_Euro_Mediterranean_Partnership_Status_and_Progress_2009
6. *Fini Gianfranco*. Italy's Role in Mediterranean Security and the Fight Against Terrorism // Mediterranean Quarterly. 2006. Vol. 17, no. 1. P. 1–15.
7. *Haldun I*. Mukadimetu Ibni Haldun. Kairo, 2004.
8. *Ушакова Н. В.* Торгово-экономические связи Италии со странами Северной Африки в конце XX – начале XXI века: дис. ... канд. экон. наук, М., 2005.
9. *Бирюкова О. В.* Торговля услугами как локомотив интеграции // Азия и Африка сегодня. 2014. № 5 (682).
10. *Майорец Максим, Симонов Константин*. Сжиженный газ – будущее мировой энергетики. М.: Альпина Паблишер, 2013.

11. I progetti di sostenibilità di Eni in Libia. Enipedia. URL: https://www.eni.com/enipedia/it_IT/presenza-internazionale/africa/i-progetti-di-sostenibilita-di-eni-in-libia.page (дата обращения: 12.03.2022).

12. L'Italia e il dialogo Euromediterraneo / ed. by Mauro Aprile. EDIZIONI Via F.lli Bronzetti, 21 – 20129 MILANO, 2006. 44 p.

13. Tocci N. Italian Foreign Policy: A Message in the Bottle to the Next Italian Government // IAI Commentaries. 2018. No. 18 (09). P. 1–4.

14. Правительство Итальянской Республики. URL: <https://www.governo.it/GovernoItaliano/Presidenza/del/Consiglio>

15. Социально-экономические аспекты политики Италии в Западном Средиземноморье. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/Gpнти_ekonomicheskie-aspekty

*M.A. Shpakovskaya,
Sidarus Abanub Maher Fahmi Salib*

ITALY AND EGYPT IN THE 21st CENTURY: FEATURES OF INTERACTION AND COOPERATION

Abstract. The Mediterranean is one of the key regions of world politics. Among the countries of the region, Italy and Egypt have historically maintained and developed their relations, the interaction between which occupies a special place in the system of international relations of the countries of the Mediterranean basin, which develops in various directions: they maintain regular political dialogue in the field of security and defense, as well as in economic and humanitarian aspects.

Key words: Italy, Egypt, North Africa, Barcelona Agreement, Mediterranean Dialogue

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

DOI: 10.22363/11665-2022-126-142

Ныгусие В.М. Кассе

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АФРИКЕ: ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей региональной интеграции в Восточной Африке. В фокусе внимания находится проблема формирования экономической целостности Африканского континента, что стало ключевым направлением в межгосударственных отношениях в Африке в начале XXI в. Специальное внимание уделено рассмотрению различных аспектов интеграционного процесса в регионе, базовых принципов общеафриканской интеграции в соотнесении с ролью в этом процессе субрегиональных международных организаций (ИГАД и др.).

Ключевые слова: Восточная Африка, интеграционные процессы, ИГАД, экономическая целостность Африканского континента, субрегиональные международные организации

С 1950–1960-х гг. – периода получения политической независимости африканские страны стремились к объединению. Именно в те годы стали создаваться первые интеграционные группировки как инструмент реформирования и интеграции национальных экономик в мировое хозяйство.

Важную роль в инициировании интеграционных соглашений сыграла Экономическая комиссия ООН для Африки (ЭКА), призвавшая страны проводить «политику импортозамещения» в целях сокращения зависимости от внешнего мира и «опоры на собственные силы», ускорения экономического развития. С учетом рекомендаций ЭКА в основу Устава Организации африканского единства (1963 г.) был положен принцип регионализма и определена стратегическая цель создания

общего африканского союза. Если до конца 1980-х гг. интеграция носила политический характер, то начиная с 1990-х гг. африканцы создают ряд экономических союзов с целью продвижения экономической интеграции государств на уровне региона, а затем целого континента. В ходе процесса были периоды, когда интеграция «зависала» или «топталась на месте», это 1970–1980-е гг. С начала 1990-х гг. процесс интеграции обрел второе дыхание. Именно тогда начался перезапуск многих субрегиональных объединений, а также были созданы новые, наиболее мощные интеграционные объединения.

Региональная интеграция, целью которой является создание экономической целостности континента, стала ключевым направлением в межгосударственных отношениях в Африке XX – начале XXI в. К началу нового тысячелетия все африканские страны находятся в процессе укрепления тех или иных объединений в рамках региона или субрегиона. Интеграционные процессы коснулись не только экономической и политической, но и военной областей. Значительных успехов в этом достигли восточный и южный регионы континента. В настоящее время в регионе представлено значительное количество интеграционных объединений, среди которых Межправительственная организация по развитию (ИГАД) / Inter-Governmental Authority on Development (IGAD), Восточноафриканское Сообщество (ВАС) / Eastern African Community (EAC), Южноафриканский таможенный союз (ЮАТС) / South African Customs Union (SACU), Комиссия по Индийскому океану (КИО) / Indian Ocean Commission (IOC), Сообщество развития Южной Африки (СПЮА) / Southern African Development Community (SADC), Общий рынок Востока и Юга Африки (ОПВЮА) / Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA).

Дальше всех продвинулись на пути экономической интеграции Восточноафриканское Сообщество, Сообщество развития Южной Африки и Общий рынок Юго-Восточной

Африки. Каждое из этих объединений является зоной свободной торговли (ЗСТ). Общий рынок Востока и Юга Африки и Восточноафриканское Сообщество уже вступили на следующую ступень интеграции (создание таможенных союзов).

Межправительственная организация по развитию

Межправительственный орган по развитию (ИГАД) (Inter-Governmental Authority on Development – IGAD) – региональная организация на Африканском Роге, которая поддерживает семь своих государств-членов – Джибути, Эфиопию, Кению, Сомали, Южный Судан, Судан и Уганду, а также Эритрею (в настоящее время членство приостановлено) – в укреплении мира и продвижении регионального развития и интеграции.

Межправительственный орган по развитию (ИГАД) (до марта 1996 г. – Межправительственная организация по борьбе с засухой и развитию (МПОБЗР)) был создан в 1986 г. в целях координации усилий стран Африканского Рога по обеспечению продовольственной безопасности, борьбе с последствиями засухи и опустыниванием и защите окружающей среды.

В апреле 1995 г. в Аддис-Абебе Ассамблея глав государств и правительств сделала заявление об активизации (МПОБЗР) и расширении сотрудничества между государствами-членами. 21 марта 1996 г. в Найроби Ассамблея подписала документ о внесении изменений в Устав (МПОБЗР), в котором была создана обновленная региональная организация с новым названием – Межправительственный орган по развитию (ИГАД) [1].

На встрече глав государств и правительств 25 ноября 1996 г. в Джибути было принято решение о реструктуризации и расширении мандата ИГАД. Следовательно, миссией ИГАД является содействие и дополнение усилий государств-членов

путем расширения сотрудничества для достижения продовольственной безопасности и охраны окружающей среды; поощрения и поддержания мира и безопасности; а также экономического сотрудничества и интеграции.

Были определены следующие цели ИГАД по работе с государствами-членами и партнерами по развитию: содействовать совместным стратегиям развития и постепенно согласовывать макроэкономическую политику и программы в социальной, технологической и научной областях, гармонизировать политику в отношении торговли, таможи, транспорта, связи, сельского хозяйства и природных ресурсов и содействовать свободному перемещению товаров, услуг и людей в регионе; создавать благоприятные условия для иностранной, трансграничной и внутренней торговли и инвестиций; обеспечивать региональную продовольственную безопасность, а также содействовать усилиям по коллективной борьбе с засухой и другими природными и техногенными бедствиями и их естественными последствиями; инициировать и продвигать программы и проекты для обеспечения региональной продовольственной безопасности, устойчивого развития и охраны окружающей среды; разрабатывать и совершенствовать скоординированную инфраструктуру в области транспорта, телекоммуникаций и энергетики в регионе; поощрять мир и стабильность, а также создавать механизмы для предотвращения, управления и разрешения межгосударственных и внутригосударственных конфликтов в регионе посредством диалога; мобилизовывать ресурсы для осуществления чрезвычайных, краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных программ в рамках регионального сотрудничества; содействовать, поощрять и укреплять сотрудничество в области разработки и применения научных исследований в области науки и техники, а также содействовать и реализовывать цели Африканского экономического сообщества [2].

ИГАД поддерживает партнерские отношения с рядом региональных и субрегиональных организаций, в том числе с

Общим рынком Востока и Юга Африки (ОРВЮА) / *Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA)*.

С ИГАД тесно взаимодействуют государства, входящие в Форум партнеров ИГАД, созданный в январе 1997 г. на базе Комитета «Друзей ИГАД». Членами Форума являются Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Канада, Германия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Япония, Индия, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Россия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Европейский союз и Лига арабских государств [3; 4].

Главные органы ИГАД: Ассамблея глав государств и правительств, Секретариат, совет министров и комитет послов. Саммит глав государств является высшим органом, определяющим политику организаций. Председатель избирается из числа государств-членов на основе ротации. Исполнительный совет состоит из министров иностранных дел и одного координационного министра, назначенного каждым государством-членом. Совет формулирует политику, утверждает программу работы и годовой бюджет Секретариата. Исполнительный секретарь назначается Ассамблеей глав государств и правительств сроком на четыре года. Комитет послов состоит из послов или полномочных представителей стран-участниц, аккредитованных в стране штаб-квартиры ИГАД, то есть в Джибути.

Исполнительному секретарю помогают четыре директора, возглавляющие директораты: сельского хозяйства и окружающей среды; экономического сотрудничества и социального развития; мира и безопасности, а также администрации и финансов.

Помимо четырех отделений в штаб-квартире в Джибути ИГАД имеет ряд специализированных учреждений и программ, организуемых государствами-членами, включая [3; 4]:

- Механизм раннего предупреждения и реагирования на конфликты (Conflict Early Warning and Response Mechanism);
- Центр климатических прогнозов и их применения ИГАД (IGAD Climate Prediction and Application Center);
- Центр развития скотоводства и животноводства ИГАД (IGAD Center for Pastoral Areas and Livestock Development);
- Шейхская техническая ветеринарная школа ИГАД (IGAD Sheikh Technical Veterinary School);
- Центр передового опыта ИГАД по предупреждению и борьбе с насильственным экстремизмом (IGAD Center of Excellence in Preventing and Countering Violent Extremism).

Основные программы ИГАД [5]

Среди основных программ ИГАД: Инициатива ИГАД по повышению сопротивляемости и устойчивости к воздействию бедствий, вызванных засухой (IGAD Drought Disaster Resilience and Sustainability Initiative, IDDRSI); Миграционная программа (Migration Program); Программа Здоровья (Health Program); Программа сектора безопасности ИГАД (IGAD Security Sector Program); Портал управления земельными ресурсами (Land Governance Portal); Офис специального посланника для Южного Судана (The Office of the Special Envoys for South Sudan, OSESS) и Механизм мониторинга и оценки были созданы с целью возвращения Южного Судана к нормальной жизни после политического кризиса в декабре 2013 г. [6; 7].

Практическая деятельность ИГАД в сфере экономической интеграции осложняется политическими и территориальными разногласиями между отдельными странами-членами, приведшими, в частности, к возникновению вооруженного конфликта между Эфиопией и Эритреей, напряженной внутривнутриполитической обстановки в ряде государств региона (Сомали, Судан, Южный Судан), различий в уровнях экономического развития стран – членов организации. Осуществление конкретных экономических проектов в значительной

степени ориентировано на получение внешней помощи, прежде всего, от стран – членов форума Евросоюза и США. 21 февраля 2004 г. был создан Межпарламентский союз ИГАД, который состоит из 28 членов: по четыре парламентария из каждой из семи стран – членов ИГАД.

Африканский Рог сталкивается с многочисленными вызовами, связанными с хрупкостью государственности, внутренними и трансграничными конфликтами и последствиями изменения климата. Многие из этих государств являются одновременно странами происхождения мигрантов и транзита, и в 2021 году они также приняли более 4,1 миллиона беженцев и около 11 миллионов внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). Более того, миграционные потоки на Африканском Роге в основном остаются внутри региона. Эта сложная обстановка требует целостных региональных ответных мер для скоординированного решения общих проблем.

В 2018 г. по заказу Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии был начат проект под названием «Укрепление потенциала ИГАД и его государств-членов для поддержки региональной миграционной политики на Африканском Роге (Strengthening the Capacities of IGAD and its Member States to Support Regional Migration Policies in the Horn of Africa, SIMPI), и ИГАД стал ведущим учреждением-исполнителем сроком до 2022 г.

Проект поддерживает усилия ИГАД по поиску долговременных решений для мигрантов и беженцев, сосредоточив внимание на трех направлениях деятельности таких как:

1) политика в области миграции и перемещения: проект консультирует ИГАД и его государства-члены по вопросам реализации региональной политики в области миграции и перемещения;

2) трансграничное сотрудничество: проект поддерживает ИГАД в укреплении потенциала местных администраций для улучшения предоставления основных услуг мигрантам, беженцам и принимающим сообществам;

3) процессы обучения и данные: проект поддерживает IGAD в совершенствовании процессов обучения и согласования региональных данных о миграции для разработки политики, основанной на фактических данных [8].

Проект SIMPI поддерживает трансграничное сотрудничество ИГАД в Мойале (Эфиопия)/Мояле (Кения) на эфиопско-кенийской границе и Метемме (Эфиопия/Галлабате (Судан)) на эфиопско-суданской границе и дает возможность местным администрациям привлекать мигрантов к получению базовых услуг. Совместное участие в мобильности населения и принимающих сообществ стимулируется целевыми денежными выплатами для укрепления социальной сплоченности в приграничных районах в регионе [9].

ИГАД разработал пятилетнюю стратегию «синей экономики» (2021–2025 гг.) и план реализации (Blue Economy strategy (2021–2025) and Implementation Plan (BESIP)), согласованные со стратегией «голубой экономики» Африки при финансовой поддержке Европейского союза.

Поддержка стратегии была предоставлена правительством Швеции в виде гранта для проекта под названием «Развитие синей экономики в прибрежных государствах – членах ИГАД для сохранения биоразнообразия и диверсификации средств к существованию» с целью содействия устойчивому развитию синей экономики и защите биоразнообразия [10].

Восточноафриканское Сообщество (ВАС)

Восточноафриканское Сообщество (ВАС) / (Eastern African Community – EAC) – Межправительственная организация, в состав которой входят семь стран: Демократическая Республика Конго, Республика Бурунди, Республика Кения, Республика Руанда, Республика Южный Судан, Республика Уганда и Объединенная Республика Танзания.

Процесс интеграции в регионе берет свое начало еще в годы британского колониализма с создания в двух административных территориях – Кения и Уганда – институциональных структур. Так, в 1902 г. был создан Апелляционный суд с юрисдикцией в отношении обеих территорий, в 1911 г. был организован Почтовый союз, в 1917 г. – Таможенный союз, в 1920 г. – Восточноафриканский валютный совет. После поражения Германии в 1-й Мировой войны ее колония Танганьика перешла также под британское правление, и в 1927 г. после ее присоединения к Таможенному союзу начался процесс ее интеграции в институциональные структуры, куда входили Кения и Уганда. Кроме того, созданный в 1948 г. Восточноафриканский Верховный комиссариат для управления общими службами трех территорий, в чью компетенцию входило управление железными дорогами, портами, почтой, гражданской авиацией и другими наиболее важными службами, служил основой для процесса интеграции.

В 1961 г. после упразднения Верховного комиссариата была создана Организация общих служб Восточной Африки. На конференции, проведенной организацией Панафриканского движения стран Центральной, Восточной и Южной Африки (ПАФМЕКСА), которое объединяло партии регионов, боровшиеся за достижение независимости в 1961–1962 гг., впервые возникла идея создания федерации трех территорий – Кении, Уганды и Занзибара – на основе уже существующей к тому времени Организации общих служб Восточной Африки. Согласно этому проекту, осуществление идей по созданию федерации должно было начаться сразу после достижения тремя странами независимости [11].

После серии встреч 6 июня 1967 г. руководителями трех государств – Кении, Танзании и Уганды – было создано

Восточноафриканское Экономическое Сообщество (ВАЭС) – предшественник Восточноафриканского сообщества¹.

Основные цели определены Договором о сотрудничестве в рамках ВАЭС и включают активизацию взаимного торгового и промышленного сотрудничества, содействие гармоничному и устойчивому развитию; равноправное распределение преимуществ экономической деятельности между странами на основе гармонизации экономической политики, строительства совместных производственных объектов, проведения консультаций при разработке и выполнении планов в сельском хозяйстве, образовании, развитии людских ресурсов, электроэнергетике, промышленности, туризме, транспорте и связи.

Стратегическая задача стран – членов Сообщества – постепенное формирование Восточноафриканского общего рынка на основе введения общего таможенного тарифа, достижения свободного перемещения товаров, устранения транзитных пошлин, контроля за потоками товаров из стран – не членов.

Главным препятствием на пути реализации определенных выше целей стали экономические и политические факторы, общие для многих развивающихся стран, в том числе членов ВАЭС. В первый год существования сообщества распался Восточноафриканский валютный совет, выполнявший функции общего банка и эмиссионного центра, что привело к созданию национальных валютных систем с центральными банками в каждой из стран. В итоге – исчезла надежда на создание валютного союза. Среди других причин распада сообщества можно назвать ухудшение экономической ситуации в регионе в начале 1970-х гг., последствия энергетического кризиса 1973-1974 гг.; обоснованное опасение стран в отношении получения максимальных преимуществ от интеграции с

¹ Договор о создании Восточноафриканского Экономического Сообщества. 6 июня 1967 г.

наиболее экономически развитой страной – Кенией. Страны неоднократно предпринимали попытки сбалансированного распределения интеграционных преимуществ. В частности, был создан Восточноафриканский банк развития (ВАБР) в целях содействия промышленному развитию.

Негативно сказались и политическая дифференциация, сложности в выработке общего решения, различные политические системы – «капиталистическая» Кения и «социалистическая» Танзания, что вело к дифференциации в управлении экономикой. Кроме того, смена политической власти в Уганде в результате военного переворота в 1971 г. еще больше обострила отношения в рамках ВАЭС, а руководство Танзании отказалось признать новый режим, закрыло границу с Угандой и фактически вышло из сообщества. В качестве еще одной причины тяжелой ситуации в группировке можно назвать сложность определения объема взносов, когда страны отказались вносить их в бюджет ВАЭС. В итоге спустя 10 лет после создания – в 1977 г. – сообщество распалось.

В мае 1984 г. на встрече в г. Аруша (Танзания) лидеры Кении, Уганды и Танзании приняли решение о консолидации усилий по поиску новых путей интеграции в надежде, что последующий шаг будет более удачным. Несмотря на оптимизм лидеров долгое время решение так и не было реализовано. Причиной этому являлись оставшиеся нерешенными проблемы после распада первой организации.

В 1990-е гг. страны предприняли ряд шагов по возрождению сообщества. Начальным этапом стало создание в 1993 г. Постоянной трехсторонней комиссии по восточноафриканскому сотрудничеству. Позднее был организован Форум министров, а также секретариат со штаб-квартирой в Аруше. Была подписана Декларация об укреплении экономического сотрудничества между странами Восточной Африки в области промышленности, науки и техники, торговли, транспорта, связи, безопасности, миграции, туризма, образования и культуры.

Главным итогом совместных усилий на пути интеграционного сближения стала разработка цели поэтапной интеграции от таможенного союза и общего рынка к валютному союзу и политической федерации на основе гармонизации политики, достижения макроэкономической стабильности и содействия развитию инфраструктуры.

В ноябре 1999 г. в Аруше был подписан Договор о формировании Восточноафриканского Сообщества [12]. В его основу положены такие направления, как ликвидация таможенных пошлин; свободный транзит товаров; гармонизация стандартов и сертификатов качества; разработка общего восточноафриканского паспорта и др.

В 2000 г. по Арушскому соглашению (1999 г.) ВАС преобразовано в полноценную организацию. 15 января 2001 г. в Аруше состоялась церемония инаугурации ВАС, на которой присутствовали президенты Бурунди, Кении, Руанды, Танзании и Уганды [13]. Саммитом были подтверждены временные параметры становления ВАС. В соответствии с программой, рассчитанной на 20 лет, планируется проведение переговоров по созданию в течение 4 лет Таможенного союза, формированию общего рынка, валютного союза и образованию политической федерации.

В 2007 г. в состав ВАС приняты Бурунди и Руанда, в 2016 г. – Южный Судан. В рамках ВАС подписаны соглашения о создании Таможенного союза (2004 г.; вступило в силу с 2005 г.), Общего рынка (2009 г.; вступило в силу с 2010 г.) и о введении единой валюты (2013 г.; в силу не вступило).

Еще одна важная задача ВАС – это расширение субрегионального экономического сотрудничества в сферах транспорта, энергетики и финансов. Страны пришли к договоренности о координации и гармонизации политики в области транспорта и связи в целях улучшения действующих и строительства новых объектов инфраструктуры, что в конечном счете должно содействовать свободному перемещению това-

ров и факторов производства. Намечено интегрировать национальные транспортные системы в общую восточноафриканскую транспортную сеть, адаптированную к требованиям экспортоориентированной политики, а также предоставить специальный режим континентальным странам.

С 2005 г. в ВАС действует Таможенный союз. Он стал первым шагом на пути к созданию единого рынка для стран ВАС.

Руководящие органы ВАС – Саммит глав государств; Совет министров; Координационный комитет; Секторальные комитеты; Восточноафриканский суд; Законодательная ассамблея Восточной Африки; Секретариат и персонал Сообщества [14]. С 1996 г. работает постоянный Секретариат, который координирует деятельность Советов по экономическим вопросам, вопросам интеграции, здоровья, развития молодежи и др. С 2001 г. при ВАС действуют Парламентская ассамблея и Суд, призванные решать межгосударственные споры.

Четвертый этап интеграции после Таможенного союза, Общего рынка и валютного союза – политическая федерация, которая является конечной целью региональной интеграции ВАС [15]. На специальном саммите глав государств, состоявшемся в Найроби 27-29 августа 2004 г., был создан Комитет по ускоренной работе Политической федерации ВАС, получивший название *Комитета Вако*, для проведения широких консультаций и завершения работы над Политической федерацией. Комитет представил свой доклад на Встрече на высшем уровне 29 ноября 2004 г. Завершить формирование Федерации планировалось к 2018–2019 гг., что не произошло.

Очередной и юбилейный 20-й саммит глав государств – членов ВАС в феврале 2019 г. едва не стал «похоронами» сообщества: сохраняются противоречия между партнерами по интеграции, у них возникает апатия, наблюдаются нестыковки по ряду вопросов объединения, действует политика

протекционизма. Непростые отношения связывают, например, Руанду и Бурунди, Уганду и Руанду, Руанду и Танзанию, Кению и Танзанию, Кению и Уганду. В регионе разворачиваются «торговые войны» между странами: повторные досмотры, задержки грузов на пунктах пропуска в нарушение оговоренного в документах сообщества принципа свободного движения граждан и товаров через границы в пределах ВАС [16].

Заключение

ИГАД занимается региональной интеграцией с 1996 г. и принял план интеграции, охватывающий транспорт, промышленность, информационные и коммуникационные технологии, мир и безопасность, сельское хозяйство, животноводство и продовольственную безопасность, окружающую среду и природные ресурсы. Несмотря на это, ИГАД остается самым низкоэффективным региональным экономическим сообществом в стратегии африканской интеграции, особенно в плане экономической/торговой интеграции. Отчасти это связано с постоянными межгосударственными и внутрисоюзными конфликтами в регионе Африканского Рога.

Из-за того, что большая часть экспорта государств-членов приходится на страны за пределами региона, даже начальный этап интеграции – создание Таможенного союза – реализован не был. Кроме того, ИГАД практически не занимается вопросами мира, безопасности и развития в своем регионе. Одной из причин прекращения Эритреей членства в ИГАД было подозрение со стороны Асмэры в нейтральности и беспристрастности этого сообщества во время рассмотрения конфликта этой страны с Эфиопией. После сближения Эритреи и Эфиопии в 2018 г. дверь для Эритреи открыта для возобновления своего членства, которое она не очень спешит восстанавливать.

Образ ИГАД сильно испорчен и из-за того, что у населения в регионе сложилось очень низкое мнение об организации. Хотя ИГАД, как региональная организация, имеет правовые нормы и институциональные механизмы, которые наделяют ее полномочиями решать политические вопросы, вопросы мира и безопасности, ее способность справляться и разрешать вновь возникающие внутригосударственные и межгосударственные конфликты вызывает сомнения. Определенные проблемы возникают и в связи с тем, что государства – члены ВАС все еще являются членами других субрегиональных группировок (таких как ИГАД, КОМЕСА и САДК).

А главное, и ИГАД и ВАС возникающие межгосударственные и внутригосударственные, а также экономические проблемы по привычке предпочитают решать не сами, а с помощью внешних сил европейских государств и США. Доказательством этого является финансирование внешними игроками многих программ и проектов стран Африки.

Литература

1. Agreement Establishing the Inter-Governmental Authority on Development (IGAD) Assembly of Heads of State and Government. Nairobi, 21 March 1996. URL: <file:///G:/%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA/IGAD/Agreement%20on%20IGAD.pdf> (accessed: 18.11.2021).

2. Intergovernmental authority on development (IGAD). URL: https://www.igad.int/index.php?option=com_content&view=article&id=93&Itemid=124 (accessed: 17.11.2021).

3. IGAD Partners Forum (IPF) Statement on the High – Level Revitalization Forum on the Agreement on the Resolution of the Conflict in the Republic of South Sudan Addis Ababa. 14 December 2017. URL: http://ambaddisabeba.esteri.it/Ambasciata_AddisAbeba/resource/doc/2017/12/ipf_statement_on_the_hlrf.14.12.17.pdf (accessed: 17.11.2021).

4. Африканские организации. URL: http://www.mid.ru/afrikanskie-organizacii/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/289730 (accessed: 17.11.2021).

5. Areas of Work. URL: <https://igad.int/>

6. IGAD State of the Region Report Intergovernment Authority on Development a Popular Version. URL: file:///G:/%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA/IGAD/-%20IGAD%20State%20of%20the%20region_v9.pdf

7. IGAD Regional Strategy. Volume 2: Implementation Plan 2016. URL: 2020file:///G:/%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA/IGAD/-%20IGAD%20RS_implementationplan_final_v6.pdf (accessed: 18.11.2021).

8. Improving migration and displacement policies in the Horn of Africa. URL: <https://www.giz.de/en/worldwide/97073.html> (accessed: 18.09.2022).

9. Strengthening the Capacities of IGAD and its Member States to Support Regional Migration Policies in the Horn of Africa (SIMPI). URL: <https://migrationnetwork.un.org/projects/strengthening-capacities-igad-and-its-member-states-support-regional-migration-policies> (accessed: 18.09.2022).

10. Ministers Endow IGAD With A Blue Economy Strategy. URL: <https://igad.int/ministers-endow-igad-with-a-blue-economy-strategy/> (accessed: 18.09.2022).

11. *Поликанова Д. В.* Интеграционные процессы в восточной Африке: история и современность восточноафриканского сообщества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/intergatsionnye-protsessy-v-vostochnoy-afrike-istoriya-i-sovremennost-vostochnoafrikanskogo-soobschestva> (дата обращения: 17.09.2022).

12. The Treaty for the Establishment of the East African Community Signed on 30th November 1999 Entered into force on 7th July 2000 (Amended on 14th December 2006 and on 20th August, 2007). URL: http://www.eala.org/uploads/The_Treaty_for_the_Establishment_of_the_East_Africa_Community_2006_1999.pdf

13. Россия – Восточноафриканское сообщество (ВАС). URL: http://www.mid.ru/afrikanskie-organizacii/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/289738 (дата обращения: 27.11.2021).

14. Important Aspects of The Treaty for the Establishment of the East African Community. URL: file:///C:/Users/%D0%9D%D1%8B%D0%B3%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%B5/Downloads/Important%20Aspects%20of%20EAC%20Treaty.pdf (accessed: 27.11.2021).

15. Political Federation. URL: <https://www.eac.int/political-federation> (accessed: 27.11.2021).

16. *Туринаская Х. М.* «Согласны не соглашаться»: федерализм vs конфедерализм в Восточной Африке. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750007018-1-1/> (дата обращения: 18.09.2022).

Nigusie W.M. Kassaye

INTEGRATION PROCESSES IN AFRICA: EAST AFRICA

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of regional integration in East Africa. The focus of attention is on the problem of the formation of the economic integrity of the African continent, which became a key direction in interstate relations in Africa at the beginning of the 21st century. Special attention is paid to the consideration of various aspects of the integration process in the region, the basic principles of pan-African integration in relation to the role of sub-regional international organizations (IGAD, etc.) in this process.

Key words: East Africa, integration processes, IGAD, economic integrity of the African continent, sub-regional international organizations

АФРИКА КАК УЧАСТНИЦА КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Аннотация. Статья посвящена роли и месту Африки в глобальной китайской внешнеполитической инициативе «Один пояс, один путь» (BRI). Одной из главных задач китайской экономики был объявлен в начале 2000-х гг. «выход за рубеж», призванный упрочить как экономические связи Китая, так и его международные позиции в противодействии попыткам США руководить миром. А в 2013 г. стратегический арсенал Пекина пополнился провозглашенной китайским лидером Си Цзиньпином инициативой Пояс и путь (Пояс), в которую стали включать и страны Африки. На 2022 г. к инициативе примкнули уже 49 государств континента. Участие в этой Инициативе дает импульс развитию африканской инфраструктуры, отвечая задачам, поставленным в Программе инфраструктурного развития Африки (PIDA), разработанной в 2012 г. Комиссией Африканского союза, НЕПАД и Африканским банком развития. Оно также способствует росту промышленности, появлению новых рабочих мест. Пекин ратует за объединение Инициативы с Соглашением об Африканской континентальной зоне свободной торговли (AfCFTA), считая целесообразным интеграцию двух многонациональных торговых режимов. Присоединяясь к китайской инициативе, африканские страны рассчитывают на увеличение притока финансовых ресурсов в регион, надеясь использовать эти ресурсы для достижения целей устойчивого развития. Автор оценивает плюсы и минусы участия в проектах Пояса и пути стран континента.

Ключевые слова: Китай, Африка, Пояс и путь, морской шелковый путь, инфраструктура, промышленность, безопасность

Впервые о необходимости для Китая «выхода за рубеж» заявил в 1998 г. тогдашний Председатель КНР Цзян Цзэминь [1, с. 11–17]. А в 2001 г. тогдашний премьер-министр Китая Чжу Жунцзи назвал реализацию стратегии «выхода за рубеж» одной из главных задач экономики КНР [2]. В начале 2000-х гг. выход китайской стратегии «вовне» объясняли необходимостью поиска рынков сбыта и источников сырья

для бурно растущей экономики страны, что, безусловно, имело место. Однако применительно к Африке этого недостаточно, поскольку на китайскую торговлю с африканскими странами приходилось не более 5 % внешнеторгового оборота Китая с миром в целом.

Проект должен был иметь стратегическое обоснование, которым стала разработанная к моменту прихода к власти Председателя КНР Си Цзиньпина и взятая им на вооружение концепция «ответственной державы», принявшая форму внешнеполитической доктрины, где Китай именуется «ответственной крупной развивающейся страной» [3, с. 6]. В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) подчеркивалось, что Китай пока не достиг уровня «общества среднего достатка», а поэтому остается в силе его международный статус как самой большой в мире развивающейся страны¹. Руководство страны считает, что, поскольку как самая крупная развивающаяся страна Китай имеет большие достижения в реализации программ реформ и открытости, «это дает импульс другим развивающимся странам» [4, с. 21]. В соответствии со своей позицией Китай стремится выступать в роли лидера развивающихся стран, декларируя общность с ними политических и экономических интересов.

С приходом к власти в КНР Си Цзиньпина стратегический арсенал Пекина пополнился глобальной инициативой Пояс и путь (BRI). Инициатива направлена на содействие развитию инфраструктуры, стимулирование торгово-экономических связей путем либерализации торговли, интенсификацию инвестиционного и финансового сотрудничества со странами-участницами, а также углубление политического сотрудничества и гуманитарных связей [5]. В 2021 г. 140 стран мира подписали свыше 200 соглашений, касающихся их участия в BRI; в основном – с китайскими компаниями, занятыми

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // Xinhua. Russian News Com. Russian China.org.cn. 4.11.2017.

в реализации инфраструктурных проектов (порты, железные и шоссейные дороги, энергетика, телекоммуникационные сети), на которые выделялись низкопроцентные китайские кредиты и займы [6].

Инициатива «Один пояс, один путь» была озвучена председателем Си Цзиньпином осенью 2013 г., а в 2015 г. Джастин Юфу Лиин, бывший главный экономист Всемирного банка, призвал включить в нее Африку. Согласно китайским экспертам, включение в проект обеспечивает Африке два главных преимущества: первое – получит развитие африканская инфраструктура, второе – Африка сможет использовать переданные ей китайские промышленные предприятия интенсивного труда, что будет способствовать росту производства, числа рабочих мест и оплаты труда на континенте [7].

По словам министра иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоаны Машабане, инициатива Пояс и путь, предполагающая интенсивное развитие региональной инфраструктуры, а также проект «Морского шелкового пути», соединяющего Китай и прибрежные африканские страны через Индийский океан, отвечают задачам, поставленным в Программе инфраструктурного развития Африки (PIDA), разработанной в 2012 г. Комиссией Африканского союза, НЕПАД и Африканским банком развития. «Мы надеемся, что эти планы материализуются и африканские компании получат возможность партнерства с китайскими компаниями, работающими над проектами», – заявила она [8, р. 2]. «В рамках инициативы Пояс и путь и Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) Китай и страны Африки будут работать совместно, решая проблемы регионального и даже глобального значения. Соблюдая “пять принципов мирного сосуществования”, они будут способствовать развитию гармоничных и инклюзивных связей», – считает китайский ученый Б. Янг [4, р. 23].

В документе Китайской национальной комиссии развития и реформ, опубликованном в 2015 г., целью проекта

названо обеспечить связи между Азией, Европой и Африканским континентом с прилегающими к ним морями, укрепить партнерство между странами вдоль пути и обеспечить их сбалансированное и устойчивое развитие. Проект призван сократить барьеры в торговле между включенными в проект странами с помощью расширения транспортной инфраструктуры, создания зон свободной торговли. Он создает возможность для африканских компаний работать с китайскими компаниями в реализации проектов вдоль Пояса и пути. Воплощая в жизнь эту инициативу, Пекин обещает внести вклад в борьбу с терроризмом, сотрудничество между народами и религиями – христианством, иудаизмом и мусульманством.

Пояс и путь, особенно Морской Шелковый путь, включает страны Северной Африки (Египет, Марокко, Алжир). Глава Банка Китая Чэнь Сыцин подчеркнул значимость Средиземноморского бассейна, расположенного на перекрестке сухопутного и морского Шелковых путей, заявив, что этот регион станет ключевым в инфраструктурной взаимосвязанности проекта [9]. 2 февраля 2022 г. министр иностранных дел Марокко Насер Бурита подписал соглашение об интеграции страны в BRI. Почву для соглашения создали подписанные ранее двумя странами документы, в частности Меморандум о взаимопонимании в вопросах BRI, который был подписан еще в 2017 г. [10] На 2022 г. ПИИ Китая в Марокко составили 380 млн долл. США. Большая их часть направлена в инфраструктуру, мобильную связь, телекоммуникации и рыболовство. Двусторонняя торговля составила в 2020 г. 4,7 млрд долл. США, на 2 % больше, чем в 2019 г. Предполагают, что в 2022 г. товарооборот между Марокко и Китаем составит 6 млрд долл. США [10].

Последние годы стали свидетелями реализации в странах Северной Африки – участницах инициативы с помощью китайских инвестиций и силами китайских компаний масштабных мегапроектов. Так, в 2016 г. было завершено строительство моста имени короля Мохаммеда VI, соединившего

столицу Марокко Рабат с г. Сале и представляющего собой часть инфраструктурного проекта крупнейшей в Марокко сети автомобильных дорог – от средиземноморского Танжера до финансовой столицы Касабланки. В совместных планах – строительство высокоскоростной железной дороги между Марракешем и Агадиром. А в 2021 г. была достигнута договоренность между странами о том, что марокканская компания Sothema произведет 5 млн доз китайской вакцины Sinopharm SARS-COVID-2 на своей фабрике в Касабланке.

Мегапроектом в Северной Африке станет и строительство НАС (Новой административной столицы) в Египте, где будет создана промышленная зона, построены школы и университет, рекреационные центры. Реализация проекта прогрессирует, и уже в 2022 г. в новом городе должны заработать посольства. Строительство потребует 45 млрд долл. США, которые частично покроет Пекин с помощью займов и гранта в 500 млн долл. США. Финансирует Китай и проект расширения египетской сети железных дорог между севером и югом страны [11].

В фокусе китайской инициативы – также страны Восточной и Юго-Восточной Африки (Эфиопия, Кения, Танзания, Мозамбик, Мадагаскар, Ангола, ЮАР), на базе которых Пекин планирует сформировать часть Морского шелкового пути. Участниками проекта станут и некоторые африканские страны, не имеющие выхода к морю (ДРК, Замбия, Зимбабве). В странах Тропической Африки, ставших участницами китайской инициативы, также реализуются с помощью Пекина масштабные проекты. В 2017 г. было завершено строительство в Уганде шоссе, связавшего столицу Кампалу с международным аэропортом Энтеббе. По крайней мере, пять стран получили финансирование строительства железных дорог: Кения, Эфиопия, Ангола, Джибути и Нигерия. Железная дорога в Кении связала порт Момбаса со столицей Найроби. Момбаса-Найроби – ведущий проект Пояса и пути в Восточной Африке, часть проекта Северного коридора, самого

дорогого транспортного проекта в Африке, завершение которого позволит соединить сеть железных дорог всю Восточную Африку. Электрифицированная железная дорога, идущая из Аддис-Абебы в Джибути, где Китай создал свою первую морскую базу и соорудил глубоководный порт, – еще один крупный проект, связанный планируемыми и действующими морскими портами, нефтепроводами, железными и шоссейными дорогами, финансируемыми Китаем и построенными китайскими компаниями. По мысли Пекина, Восточноафриканский регион превратится в центр Морского шелкового пути.

Значимость Африки для китайского проекта обусловлена в том числе и тем, что она располагается в морском пространстве, где Пекин надеется расширить свое присутствие. Из Джибути Морской шелковый путь пойдет дальше и свяжет планируемые и завершенные кластеры китайских портов в Судане, Мавритании, Сенегале, Гане, Нигерии, Гамбии, Гвинее, Сан-Томе и Принсипи, Камеруне, Анголе и Намибии. Еще один путь протянется из Джибути в морские порты других стран, а последняя дуга этого коридора свяжет Уолфиш-Бей с кластером портов в Мозамбике, Танзании и Кении. Китай намерен модернизировать порты Момбаса и Ламу в Кении; в Багамо (Танзания) он строит самый крупный порт в Восточной Африке. Эти возрожденные торговые пути помогут Китаю проложить «голубой» экономический путь Китай – Индийский океан – Африка – Средиземное море, связывающий Африку с новыми морскими коридорами в Пакистане, Бангладеш, Шри-Ланке. Нельзя не учитывать важность для Китая Индийского океана, где существует его острое соперничество с Индией.

На 2022 г. о присоединении к инициативе заявили 49 стран континента. В течение первых шести месяцев 2019 г. соглашения с Китаем об участии в BRI подписали Африканский союз, Нигерия, Либерия. В начале января 2022 г. министр иностранных дел КНР Ван И совершил традиционный

визит в Африку, с которой он уже 31 год подряд начинает серию своих ежегодных зарубежных визитов. На этот раз он побывал в странах Восточной Африки и Индийского океана: Эритрее, Эфиопии, Кении, Коморских островах. Профессор Лина Бенабдаллах, специалист по китайско-африканским отношениям из Северной Каролины, рассматривает визит в Эритрею как свидетельство стремления Пекина сфокусироваться на морской дипломатии, учитывая стратегическую важность доступа к Красному морю для реализации его глобальной инициативы Пояс и путь [12]. Визит призван укрепить присутствие Китая в Красном море, расширить морские пути и базу в Джибути [13].

Незадолго до визита Ван И в ноябре 2021 г. Эритрея присоединилась к китайской инициативе Пояс и путь. Пекин стремится сблизиться с этой страной и вовлечь ее в свою орбиту влияния. Подписанное двумя странами соглашение предусматривает стратегическое партнерство между Китаем и Эритреей. После Эритреи Ван И отправился в Кению, которую китайская «Глобал Таймс» назвала «моделью для совместной реализации инициативы “Пояс-путь” и важным игроком в ситуации на Африканском Роге». В Кении Ван И пообещал, что Китай выделит 353 млн долл. США на нефтяной терминал, который строит в Момбасе China Communication Construction Corporation [10].

Пекин ратует за объединение BRI с Соглашением об Африканской континентальной зоне свободной торговли (AfCFTA), планируя беспрошленно продвигать китайские товары потребителям в государствах – участниках проекта через африканские страны благодаря AfCFTA. При этом сам он рассчитывает играть в этой схеме центральную роль, обеспечивая логистику, технологии и установленные стандарты. Так, Чан Хао, официальный представитель Национальной комиссии развития и реформ (NDRC), заявил на китайско-африканском «мозговом» форуме в декабре 2020 г. о целесообразности интеграции двух многонациональных торговых

режимов. Идея связать BRI и AfCFTA муссировалась и в китайских СМИ [14]. Рахамталла М. Осман, постоянный представитель Африканского союза в Китае, назвал AfCFTA одним из крупнейших рынков для Китая, в который можно инвестировать. После полной реализации зона охватит 1,3 млрд жителей, и этот обширный рынок будет крайне полезен частному сектору, инвесторам и китайским компаниям, работающим в Африке [15]. Активизировать торговлю со странами – участницами BRI Китай надеется также с помощью соглашения с Южноафриканским таможенным союзом [11].

В условиях пандемии Пекин вызвался помочь китайским предприятиям вернуться в Африку и восстановить производство, вдохнуть новую энергию в инициативу Пояс и путь, работать вместе с африканцами в строительстве промышленных парков и СЭЗ, наращивать торговлю и инвестиции, развивать цифровую экономику, строить удобные города. Уже в первые четыре месяца 2020 г. китайские предприятия инвестировали 4,2 млрд долл. США в 52 страны – участницы инициативы, а общий объем китайских ПИИ странам, вовлеченным в проект, в 2020 г. должен был превысить 25 млрд долл. США, вдвое больше, чем в 2014 г. [16].

В апреле 2019 г. Китай учредил Международную коалицию зеленого развития BRI. В конце 2021 г. коалиция осуществляла сотрудничество в области охраны окружающей среды с более чем 100 странами [18]. «Китайские дипломаты и медиа много говорят о так называемом “зеленом BRI” и устойчивом энергетическом развитии на континенте. Однако одновременно Китай финансирует угольную энергетику и строит гидроэнергетические плотины в засушливых странах», – пишет Эрик Оландер [19]. Между тем в 2021 г. Китай вложил в горнодобывающую промышленность Африки 21 %, что меньше средств, вложенных Великобританией (45 %), Францией (43 %) и США (37 %) [20]. В то же время инвестиции Китая в возобновляемые источники энергии (солнечные, ветряные и т.д.) растут. Как пишет директор Центра зеленых

финансов и развития, профессор международной школы финансов Фанхай (FISF) Фуданьского университета в Шанхае, являющийся также членом Зеленой коалиции инициативы Пояс и путь (BRIGS) Китайского министерства экологии и окружающей среды, Кристоф Недопил Ван, в 2020 г. они составили большую часть китайских зарубежных энергетических инвестиций. Доля этих инвестиций выросла по сравнению с 2019 г. на 38 % при общем сокращении инвестиций в BRI на 54 %, составив 47 млрд. долл. США. Главный инвестор в BRI – государственные предприятия Китая (SOE). Самую крупную долю инвестиций в 2020 г. продолжали получать азиатские страны (около 54 %), на долю Африки приходилось 27 %. Инвестиции в такие регионы, как Субсахарская Африка, Арабская Африка, особенно тяжело пострадали от COVID-19 и сократились с 2019 по 2020 г., до 69 и 66 % соответственно. Лишь Зимбабве и Замбия увидели рост инвестиций, несмотря на пандемию. В фокусе инвестиций в реализацию проектов BRI – инфраструктура, транспорт и энергетика [21].

Один из главных получателей китайских инвестиций – Южная Африка. Важная отрасль промышленности в стране – приборостроение, в частности производство приборов, необходимых для выхода страны на международный авторынок. Для производства таких приборов необходима платина. Готовность инвестировать в добычу платины 400 млн долл. США выразила китайская компания China Minmetals; еще 350 млн долл. США обещал China Development Bank. Как часть расходов на BRI Китай инвестирует в южноафриканскую энергетическую инфраструктуру. China Development Bank выразил готовность предоставить низкопроцентный заем (2,5 %) в 300 млн долл. США, в помощь усилиям правительства ЮАР по активизации электрификации страны [11].

На Западе часто критикуют китайскую инициативу BRI и распространение ее на Африку как так называемую «дипломатию долговых ловушек» для стран континента [21]. Однако, согласно оценкам Центра китайских исследований

Университета Джона Хопкинса (SAIS CARI), 67 % внешнего долга африканских правительств приходится на частный сектор (который может включать и китайские компании) и многосторонние институты, и только 20 % – на займы китайского правительства. Таким образом, считают специалисты Центра, китайские займы не главный источник африканских долгов [22]. Долги африканских стран Китаю составляют 1/3 их долгов некитайским частным кредиторам, при этом свыше половины их приходится на беспроцентные займы. Согласно данным Всемирного банка, на долю китайских государственных и частных кредиторов приходились в 2020 г. 12 % всех внешних долгов стран континента на сумму 696 млрд долл. США, тогда как 35 % Африка была должна другим частным кредиторам [23].

Критику вызывают и некоторые другие аспекты сотрудничества Китая со странами Африки. В африканских проектах Пояса и пути используется китайская промышленная продукция (уголь, цемент, сталь, стекло, алюминий). При строительстве дороги Найроби–Момбаса экспорт Китаем цемента в Кению вырос в 10 раз. Однако Кения сама экспортировала цемент в Танзанию и Уганду, куда также вырос экспорт китайского цемента. В итоге Всемирный банк заявил в 2019 г., что конкурентоспособность кенийской экономики снизилась. Кенийские производители заявляют, что теряют рынок промышленного производства, который завоевывают китайские фирмы. Китай обвиняют и в том, что его фирмы используют свою рабочую силу в ущерб интересам африканских стран. Однако в последние годы внимание китайских компаний, реализующих проекты в Африке, к проблеме занятости африканцев выросло. По данным Гонконгского университета науки и технологий, на 2021 г. африканские рабочие составили 85 % рабочей силы китайских компаний в Африке. Так, в Эфиопии 90 %, а в Анголе 74 % рабочих в китайских компаниях составили африканцы [17]. Хотя в этом отношении в последние годы многое делается, большое число работников из

Китай по-прежнему вызывает недовольство африканцев, считающих, что китайцы занимают их места.

Высказываются опасения и по поводу того, что Пекин использует проект для расширения своего военного присутствия в Африке. Как заявляют некоторые эксперты, система портов строится с дальним прицелом. В случае территориальных споров Китая в «ближних морях», которые могут создать риски блокировки прохода судов, «Морской шелковый путь» сможет изменить трафик в построенные Китаем кластеры в портах Судана, Джибути и др., чтобы обойти узкие места в Южно-Китайском море.

Хотя китайские официальные лица подчеркивают, что данная инициатива имеет исключительно экономическую повестку, и отклоняют все геостратегические и военные мотивы проекта, ряд западных ученых выражают сомнения на этот счет. Так, Даниэль Рассел и Блейк Баргер из Нью-Йоркского Института политики азиатского общества (Asia Society Policy Institute) в опубликованном в 2020 г. докладе пишут, что параметры конструкции сооружаемых Пекином портов в стратегически важных для него странах говорят о том, что эти сооружения могут быть использованы как в гражданских, так и в военных целях [24].

Военное присутствие китайцев на Африканском континенте в последние годы заметно выросло, и в этом, несомненно, сыграл роль реализуемый Пекином проект Пояс и путь. На сегодняшний день в Африке более 1 млн китайцев, и пекинское руководство стремится обеспечить их безопасность в условиях террористической деятельности таких группировок, как Аль-Каида, Боко харам² и др. Растут китайские инвестиции в проект, которые Пекин также стремится обезопасить. Уже имели место случаи эвакуации китайских гражд-

² Обе организации запрещены на территории РФ.

дан из Ливии, Южного Судана и Йемена, инциденты, сопровождавшиеся насилием и ущербом для собственности китайских компаний в ряде стран.

Как угрозу своей деятельности в Африке рассматривает Китай и набеги пиратов. Пекин активно участвует в антипиратских рейдах в Аденском заливе. Его присутствие выросло до 50 кораблей, размещенных в порту Джибути. С 2008 по 2015 г. в конвоях участвовало около 16 тыс. китайских моряков и 1300 морских пехотинцев и бойцов спецподразделений. В 2018 г. антипиратский эскорт военно-морских сил НОАК посетил порты в Камеруне, Габоне, Гане, Нигерии, а силы НОАК провели учения в этих странах; медицинские бригады НОАК работали в Эфиопии, Сьерра-Леоне, Судане и Замбии.

В 2017 г. начала свою деятельность первая китайская военная база в Африке. Она расположена в Джибути где Пекин взял в аренду на 10 лет 36 га, с оплатой 20 млн долл. США ежегодно. Назначением базы названа поддержка морских антипиратских операций в Аденском заливе, миротворческих операций в Южном Судане, гуманитарных и других операций на Африканском Роге, а также проведение военных учений. Военная база в Джибути также позволяет Китаю защищать своих граждан и свои интересы в странах Африки вдоль «Морского шелкового пути» и в зоне Индийского океана. В мае 2018 г. было начато строительство в Джибути многоцелевого порта Доралекс. США, Франция и Япония уже давно имеют базы в Джибути, Саудовская Аравия также планирует создание базы в этом районе; интерес к созданию портов в Красном море проявляют Катар и Турция.

По словам министра иностранных КНР Ван И, база «отражает стремление Китая играть конструктивную роль в политическом решении международных и региональных проблем, создать более безопасные и стабильные условия для своей деятельности за рубежом» [25]. Однако в западной печати расценили размещение китайской базы в Джибути как признак растущего превращения Китая в крупную морскую

державу и показатель его стремления наращивать численность своих вооруженных сил в Африке и на Ближнем Востоке, а саму базу называли символом китайской агрессии вдоль Пояса и пути [24].

Для защиты проекта BRI Китай обращается к контракторам в сфере безопасности, работающим для китайских государственных предприятий (SOE) с африканскими силами безопасности и компаниями. Контракторы охраняют нефтегазовые установки, железные дороги, горнодобычу, строительство и даже китайские посольства. В 2018 г. реализацией проектов BRI занимались 200 тыс. китайских рабочих; проекты, связанные с китайской инициативой, осуществляли более 19 тыс. китайских компаний. За один только 2017 г. китайские государственные предприятия (SOE) получили около 51 млрд долл. США прибыли от проектов инициативы, по данным Китайского национального бюро статистики. В 2020 г. Китай отвечал уже за большее число проектов в Африке, чем Франция, Италия и США вместе взятые.

Однако увеличение числа проектов влечет за собой увеличение рисков. Китайская академия социальных наук сообщила, что в 2020 г. 84 % китайских инвестиций в BRI пришлись на страны среднего и высокого риска. Чтобы защитить свои инвестиции, Китай ввозит и обучает своих контрактников в сфере безопасности. В 2013 г. он уже зарегистрировал 4 тыс. фирм с 4,3 млн занятых, в основном из числа демобилизованных военных и полицейского персонала. В то же время на июнь 2020 г. число китайских миротворцев составляло 2,534 военных и полицейских. Одна из наиболее известных групп контрактников – DEWE секьюрити сервис групп создана в 2011 г. бывшими офицерами Народно-освободительной армии Китая (НОАК) – PLA и военной полиции – PAP. Она работает в таких странах, как Камерун, Чад, ДРК, Конго, Джибути, Эфиопия, Габон и Нигерия. В частности, DEWE была призвана защищать 4-миллиардный газовый проект в Эфиопии. В Кении она обучала местных охранников

железной дороги, связывающей Момбасу и Найроби, которую строила Китайская корпорация дорог и мостов. DEWE действовала в поддержку Китайского министерства общественной безопасности, которое координировало обучение китайских элитных сил, защищающих дорогу в Южном Судане и охрану Китайской Национальной нефтяной компании (CNPC). В 2016 г. эта компания эвакуировала 330 китайских рабочих. Помощь эвакуации оказали угандийские силы безопасности.

Вместе с тем имели место обвинения контрактников в нелегальной деятельности. Так, в 2017 г. были арестованы два китайских контрактника в Зимбабве, ранившие сына бывшего парламентария. В 2018 г. двое китайских контрактников были арестованы в Замбии за нелегальное обучение и предоставление униформы и военного оборудования местной компании в Ливингстоуне, где китайские государственные компании осуществляли проект в горнодобывающем секторе [26].

Реализация глобальной китайской инициативы Пояс и путь ставит на повестку дня проблемы защиты Пекином своего бизнеса и своих граждан. Ряд аналитиков рассматривают инвестиционные соглашения африканских стран с BRI как способ расширения сотрудничества этих стран с Китаем в сфере безопасности. Принятый на 8-м форуме сотрудничества «Китай – Африка» – Дакарской международной конференции ФОКАК «План действий» на 2022–2024 гг. предусматривает укрепление сотрудничества в этой сфере вдоль маршрута Пояса и пути. Мерами по укреплению такого сотрудничества станут военное обучение, обмен разведанными, контртерроризм. Сотрудничество в области безопасности включает также поддержку организаций, помогающих вовлеченным в конфликты странам. Китай, в частности, оказывает финансовую помощь G5 Сахель в борьбе с экстремизмом в Западной Сахаре в дополнение к сотрудничеству с ООН, АС и ЭКОВАС, занимающимися проблемами безопасности в регионе [6].

Несмотря на критику в адрес китайской инициативы Пояс и путь, прежде всего на Западе, африканские страны присоединяются к проекту, рассчитывая, что участие в BRI будет способствовать их экономическому росту и активизации интеграционных процессов на континенте благодаря развитию межафриканских транспортных, производственных и культурных связей.

Литература

1. *Терентьева Т. Г.* КНР. Дальнейшее развитие стратегии «выхода за рубеж» // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 4. С. 11–17.
2. Премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи выступил с докладом о работе правительства. Генконсульство КНР в Хабаровске. 05.03.2002. URL: <https://ria.ru/20020305/83423.html>; www.mfa.gov.cn
3. *Зеленев Е. И., Солощева М. А.* 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее // *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 5–14.
4. *Yang B.* The Belt and Road Initiative and China-Africa Production. Capacity. Cooperation. Beijing, China Social Science Press, 2018.
5. *Чубаров И. Г.* Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс – один путь» // *Международная политика*. 2018. № 3 (25) С. 45–58. DOI:1046272/ 2587-8476-2018-03-4558.
6. *Herbert Natalie.* China's Belt and Road Initiative invests in African infrastructure and African military and police forces // *Revista de Prensa*. Viernes. 2021 April 30. URL: <https://www.almendron.com/tribuna/chinas-belt-and-road-initiative-invests-in-african-infrastructure-and-african-military-and-police-forces/>
7. *Yun Sun.* Inserting Africa into China's One Belt, One Road Strategy. A new opportunity for jobs and infrastructure // *The Brookings. Africa in Focus*. March 2, 2015.
8. *Nkoana – Mashabane M.* Minister of International Relations and Cooperation, 2015. A win-win synergy: Africa's Agenda 2063 and China's One Belt and One Road Initiative. FOCAC 6. Africa-China Progressing Together. Cape Town. Dec.

9. Председатель Банка Китая: Средиземноморский регион занимает важное место в строительстве «Пояса и пути» // Russian News. Сп. 03.12.2017.

10. Belt and Road Expands in Africa as Morocco Signs Joint Implementation Plan with China // Sputnik International. 06.01.2022.

11. China BRI Africa Outreach 2022. URL: https://www.reddit.com/r/Geosim/comments/ekskfi/diplomacy_china_bri_africa_outreach_2022/

12. *Nyabiage Jevans*. Chinese Foreign Minister set for 3-nation tour of East Africa as Beijing sees to deepen Ties // South China Morning Post. Jan. 3., 2022.

13. *Staden Cobus van*. Africa: What does Chinese foreign minister Wang Yi's tour signify // Africa Report. 12 Jan., 2022. URL: <https://www.theafricareport.com/165553/africa-what-does-chinese-foreign-minister-wang-yis-tour-signify/>

14. *Olander Eric*. Can China integrate Africa's new Free Trade Area with Belt and Road? Comments from a high-ranking official at China's National Development and Reform Commission are the clearest signal so far that Beijing is serious about linking its own multinational trading regime with Africa's // Sup China. 08.12.2020. URL: <https://thechinaproject.com/2020/12/08/can-china-integrate-africas-new-free-trade-area-with-the-belt-and-road/>

15. Послы африканских стран призывают к совместному развитию в рамках BRI и AfCFTA. Зона свободной торговли в Африке способствует совместному развитию Китая и Африки // PRC TODAY, Китай сегодня. Новости Китая. 10.12.2020.

16. *Гао Цяо*. Страны-партнеры вместе строят «Шелковый путь здоровья»: «Один пояс – один путь» стимулирует развитие мировой экономики // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. № 110 (8164).

17. Chinese companies using majority of African workers in Africa // China Daily. 2021-04-08.

18. Китай и Африка: инвестиции в инфраструктуру и зеленое развитие // РИА Новости. 07.12.2021.

19. *Olander Eric*. China-Africa: Top 10 issues going until 2021 // Africa Report. Jan., 2021. URL: <https://www.theafricareport.com/57044/china-africa-top-10-issues-going-into-2021/>

20. *Потеряйко А.* Китай оккупирует африканскую экономику кредитами и инвестициями // Regnum, 17 января 2022.

21. *Wang Christoph N.* China Belt and Road Initiative (BRI) // Investment Report. 2020. Jan. 21. URL: <https://green.fdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2020>

22. *Risberg Pearl.* The Give-and-Take of BRI in Africa // CSIS Center for Strategic and International Studies. 2022. URL: <https://www.csis.org/give-and-take-bri-africa>

23. *Savage Rachel.* African states private debts three times that owed to China // Reuters. July 11, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/Africa/africanstates-private-debts-three-times-that-owed-china.2022-07-11>

24. *Olander Eric.* Is China weaponizing ports built along the Belt Road Initiative // The Africa Report. 14 Sept., 2020. URL: <https://www.theafricareport.com/41643/is-china-weaponizing-ports-built-along-the-belt-road-initiative/>

25. *Pant Harsh V., Haidar Ava M.* China's Expanding Military Footprint in Africa // ORF Issue Brief. 2017. Issue 195.

26. *Nantulya. P.* Chinese Hard Power Supports its Growing Strategic Interests in Africa // Africa Center for Strategic Studies. Jan. 17, 2019.

T.L. Deitch

AFRICA AS A PARTICIPANT OF THE CHINESE INITIATIVE “ONE BELT, ONE ROAD”

Abstract. This article is devoted to Africa's role and place in Chinese foreign policy global initiative “One Belt, One road”. In early 2000s China announces as one of the main tasks of its economy “+going abroad”, which designed to strengthen its both economic ties and international position in counteracting US attempts to lead the whole world. And in 2013 Beijing strategic arsenal was replenished with the “One Belt, One road” (BRI) initiative, proclaimed by Chinese leader Xi Jinping. China began also to include the African countries in this project. For 2022 49 states of the continent have already joined the initiative. The participation in BRI gives impetus to the development

of African infrastructure, responding to the tasks, set by Program Infrastructure Development for Africa (PIDA), worked out by the African Union Commission, NEPAD and African Development Bank in 2012. It also contributes to the growth of industry, the emergence of the new jobs. Beijing advocates the unification of the BRI with the Agreement on the African Free Trade Area (AfCFTA), to integrate two multinational trade regimes. By joining the Chinese initiative African countries are counting on an increasing of financial resources flow to the region, hoping to use these resources to achieve substantial development goals. The author estimates the pros and cons of participation in BRI for African countries.

Key words: China, Africa, belt, road, naval silk road, infrastructure, industry, security

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

DOI: 10.22363/11665-2022-161-209

*С.В. Пичугин,
главный геолог ООО «ОЗГЕО»*

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВАЯ БАЗА РЕСПУБЛИКИ МАДАГАСКАР И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу геологического строения и минерально-сырьевой базы Республики Мадагаскар. Как показано в исследовании экспертов геологоразведочной компании «ОЗГЕО», недра страны содержат богатейшие по разнообразию и объему запасы полезных ископаемых, высокоценного и стратегического сырья: нефть и газ, уголь, уран, железо, хром, титан, олово, медь, никель, алюминий, золото, *редкие металлы и редкие земли* (Li, Be, Ta, Nb, Sc, REE, V, Zr), барит, графит, мусковит. На Мадагаскаре сосредоточены запасы обширного списка драгоценных и поделочных камней. Из них наиболее значимы сапфир, рубин, изумруд, цветные бериллы, аметист, цитрин, гранаты, цветные турмалины, кунцит, лабрадорит, другие поделочные камни. Отмечено, что геолого-экономические характеристики целого ряда полезных ископаемых еще недостаточно выявлены, и перспективным является сотрудничество в области разведки месторождений нефти и газа, угля, урана, железа, хрома, титана, барита и золота, с учетом накопленного опыта сотрудничества с Россией. В целом, по мнению экспертов «ОЗГЕО», Республика Мадагаскар имеет благоприятные экономические предпосылки для развития горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: Республика Мадагаскар, Россия, минерально-сырьевая база, полезные ископаемые, нефтегазоносность, золото, уголь, уран, железо, хром, титан, барит и золото, драгоценные камни

Республика Мадагаскар располагает богатейшими по разнообразию и объему запасами полезных ископаемых, высокоценного и стратегического сырья (рис. 1).

Рис. 1. Основные месторождения полезных ископаемых Мадагаскара

Нефть и природный газ

Прогнозные ресурсы нефтегазовых бассейнов Маджунга в северо-западной и Морондова в западной части Мадагаскара оцениваются в 500 млн т нефти и 250 млрд м³ газа. Здесь ведут геолого-геофизические поисковые работы 25 международных консорциумов и компаний.

Нефтегазопроявления известны во многих районах бассейна Морондова. Наиболее крупные из них сосредоточены в районе Морафенобе-Бемоланге, между реками Мангоки и Онилахи. В стратиграфическом отношении они приурочены к породам системы Карру, свиты Сакамена и Исало. Обычно нефтепроявления представляют собой просачивание нефти по трещинам или насыщенные нефтью пески. На месторождении Бемоланга представляют интерес асфальтовые пески свиты Исало на площади 400 км² с содержанием нефти 5–15 %. Это по существу выведенная на поверхность и разрушенная залежь нефти. Месторождение Цимироро выявлено в пределах одноименного горста размером 5×2 км, амплитудой поднятия около 60 м, углами наклона крыльев от 2 до 4° и простираением оси на ССЗ. На дневной поверхности в пределах основных разломов горста Цимироро отмечается самоизлив тяжелой нефти (рис. 2). Здесь еще в 1936 г. была пробурена скважина, получившая с глубины 470 м из песчаных горизонтов около 400 м³ приток тяжелой нефти с пресной водой. В настоящее время запасы месторождения оцениваются в 300 млн т тяжелой нефти. Наиболее перспективно побережье, где разрез преимущественно сложен мощными морскими осадками юры и мела. Мощность осадочного чехла до 5 км.

Юго-западнее указанного выше месторождения разведано мелкое месторождение природного газа Манамболо с запасами 2 млрд м³.

Рис. 2. Просачивание тяжелой нефти на поверхность по разломам горста Цимироро

Компания Madagascar Oil Ltd. в 2015–2019 гг. добывала сырую нефть на своих установках в рамках экспериментальной добычи тяжелой нефти по проекту Цимироро [1]. Проект расположен в блоке 3104 (рис. 3).

15 апреля 2015 г. правительство Мадагаскара предоставило компании Madagascar Oil Ltd 25-летнюю лицензию на добычу нефти на блоке 3104 Цимироро [2]. Компания Madagascar Oil Ltd в 2019 г. добывала до 20 000 баррелей в сутки и планировала увеличить ее до 45 000 баррелей в сутки к 2020 г. (рис. 4). Запланированный пик добычи тяжелой нефти в объеме 160 000 баррелей в сутки ожидается в 2025 г. [3].

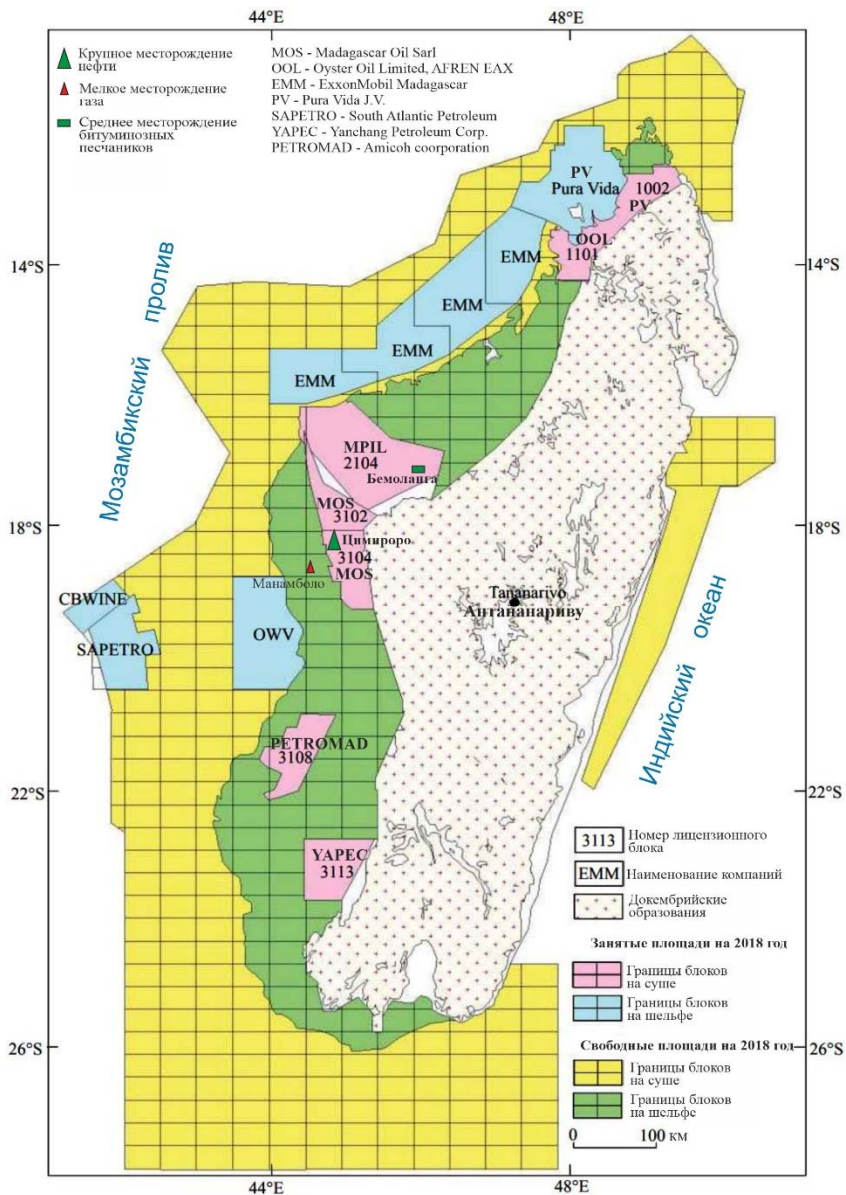

Рис. 3. Карта лицензионных блоков на нефть и газ на 2018 г. (OMNIS)

Рис. 4. Одна из установок по экспериментальной добыче тяжелой нефти на месторождении Цимироро

Компания Madagascar Oil специализируется на разработке, разведке и добыче нефти и владеет крупными месторождениями тяжелой нефти Цимироро и Бемоланга, которые являются основными месторождениями нефти в континентальной части острова.

Компания имеет 100%-ю долю в проекте освоения месторождения тяжелой нефти Цимироро и 60 % в освоении битумного месторождения Бемоланга (партнером является Total SA с долей в 40 %).

Доказанные запасы месторождения Цимироро по категории 2P оценены в 614 млн баррелей, а ресурсы по категории 3C в 1,6 млрд баррелей, которые приурочены к битуминозным пескам на глубине от 100 до 200 м. Помимо лицензионных блоков Цимироро и Бемоланга, компания владеет еще тремя блоками: Манамболо, Морондава и Манандаза. На блоках Madagascar Oil предыдущие стадии разведки включали скважину Manambolo West # 1 (блок 3105 Манамболо), пробуренную в 1987 г., которая давала газ в объеме 15,6 млн фут³

(440 000 м³) в сутки и была закрыта из-за отсутствия инфраструктуры. Строительство газопровода было признано нерентабельным.

Проекты Madagascar Oil регулируются соглашениями о разделе продукции, подписанными с OMNIS, соответствующим малагасийским правительственным агентством, в 2004 году. Эти соглашения предоставляют правительству Мадагаскара значительную долю в будущей добыче. Контролирующим акционером компании Madagascar Oil является сингапурская Benchmark Group. Другими акционерами являются Outrider Management LLC, SEP African Ventures Limited (панея Persistency Capital LLC) и John Paul DeJoria Family Trust.

Уголь

Основной угленосный бассейн Сакуа расположен на юге страны. Здесь выделяются месторождения Сакуа, Сакамена, Ианопера, Ималуту, Вухибури, Вухипутси (см. рис. 1). Прогнозные ресурсы угленосного бассейна оцениваются в 1 млрд т, разведанные запасы каменного угля составляют 212 млн т.

Запасы каменных углей по месторождению Сакуа до глубины 400 м оценены в 170 млн т. Угли связаны с континентальными отложениями системы Карру (верхний карбон – нижняя пермь). Угли длиннопламенные, высокозольные (8,7–30,2 %), влажные (1,7–3,4 %), серы 0,07–1,45 %, летучих веществ 11,3–23,6 %. Теплота сгорания 5400–5800 ккал/кг. Месторождения буроугольного бассейна Анцирабе–Самбена (центральная часть острова) связаны с озерными отложениями неогена. На месторождении Антанифугси площадью 100 км² установлено 5 пластов угля и битуминозных сланцев. Общие запасы оцениваются в 42 млн т бурых углей и 54 млн т битуминозных сланцев. Зольность углей 25–30 %, теплота сгорания 2200–2300 ккал/кг.

В настоящее время угольные месторождения не разрабатываются.

Уран

На начало 2005 г. ресурсы урана на Мадагаскаре оценивались в 10,1 тыс. т. В последние годы статистика по ресурсам урана на Мадагаскаре отсутствует. Уран на острове добывался до 1968 г. Установлено пять типов оруденения:

1. Ураноторианит в пироксен-флогопитовых метасоматитах в районе Транумару (месторождения Амбиндранракемба, Амбуанемба, Андруцабу, Кутивелу и Илапалити) (см. рис. 1). Содержание урана в рудах 5–25 %, тория 50–75 %. В районе Белафа на месторождении Западная Белафа запасы ураноторианита составляли до 5 тыс. т, на месторождении Суафна около 24 тыс. т урана. Здесь в 1953 г. было добыто 148 т руды. Концентрат с 18–23 % U_3O_8 экспортировался во Францию.

2. Урановые тантало-ниобаты (ампангабит, бетафит, эксенит, самарскит) установлены в редкоземельных гранитных пегматитах на месторождениях Ампангабе, Бетафу, Самирези, Амбатуфуци. До 1950 г. добыто около 120 т концентрата с 20 % U_3O_8 .

3. Отенит и ураноциртит – месторождения в плиоценовых озерных глинах района Анцирабе. Здесь добыто 40 т отенитового концентрата, но из-за трудностей обогащения руд работы были остановлены.

4. Урано-ванадаты – месторождение Фулукара приурочено к нижним горизонтам песчано-глинистой серии Карру. Месторождение не разрабатывалось. Перспективы разработки оруденения не определены.

5. Уранинит и отенит – месторождение Бетрука в щелочных гранитах докембрия представлено гидротермальными скоплениями уранинита, циркона, монацита и пирита (первичные руды) и отенита (вторичные руды). Разведанные запасы месторождения – 1,2 млн т руды с 0,106 % U_3O_8 .

В настоящее время требуется оценка остаточных запасов урановых месторождений.

Железо

Общие запасы железных руд Мадагаскара составляют 1350 млн т при содержании железа в рудах 30–65 %. Подтвержденные запасы всех типов руд (железистые кварциты, осадочные руды, латериты) составляют 1025 млн т.

С магнетитовыми кварцитами докембрия связано промышленное оруденение железа в районе Суалала (см. рис. 1): это собственно крупное месторождение Суалала с запасами 800 млн т (при содержании Fe – 60 %); средние месторождения: Кизумбивави с запасами 116 млн т (при содержании Fe – 30–55 %), Кизумбилахи с запасами 45 млн т (при Fe 40–55 %) и Малаинулу-Амбухитантели (при Fe – 50 %). Крутопадающие пласты магнетитовых кварцитов прослеживаются от 0,5–3,5 до 13,0 км, их мощность достигает 10–120 м, скважинами прослежены до глубин 100–250 м. Содержание железа – 30–65 %, P_2O_5 – 0,8–0,12 % S – 0,008 %. Иногда в железистых кварцитах встречается золото (0,5–1,0 г/т).

Определенный интерес представляют латеритные глины по перидотитам массива Антамаумбату, содержащие 46–50 % железа, 0,16 % никеля, 0,3–1,1 % хрома, 1,55–2,07 % титана. Разведанные запасы составляют около 200 млн т. Руды могут использоваться в качестве легирующих добавок.

С железистыми кварцитами системы Вухибури связано семипластовое месторождение Маэватанана, а с железистыми кварцитами «системы» Графит – месторождение Фасинцара. Ресурсы этого типа руд большие, но запасы разведаны лишь частично: месторождение Маэватанана – 0,14 млн т руды (содержание Fe 39 %), Фасинцара – 100 млн т руды (содержание Fe 36 %) [4].

Небольшое месторождение неогеновых гематит-лимонитовых руд Бетиуки выявлено на юго-западе Мадагаскара (см. рис. 1). Месторождение содержит 150 млн т легкообогатимых бедных осадочных и элювиальных руд с 10–24 % железа,

0,32 % – P_2O_5 . Руды этого месторождения предполагалось использовать в качестве железистых добавок при производстве цемента на юге Мадагаскара.

Менее значительны месторождения Бекисупа и Анкилизату. Магматогенное месторождение титаномагнетитовых руд с ванадием Вангуа связано с массивом габброидов.

Хром

Ресурсы хромитовых руд Мадагаскара на начало 2019 г. составляли 56,9 млн т, в том числе подтвержденные запасы – 2,9 млн т, при содержании трехоксида хрома 30–46 %. Обеспеченность действующих рудников по уровню добычи хромита, составляющему около 100 тыс. т в год (2016 г.), более 30 лет. На территории Мадагаскара известно более 800 месторождений и рудопроявлений хромитов. Генетически они связаны преимущественно с небольшими телами пироксенит-гарцбургитовой формации архея или реже с ультраосновными дериватами габбро-норитовых массивов.

Рудный район Андриамена (рис. 5) прослеживается на 120 км при ширине 50 км [5]. В его пределах известно более 300 месторождений и проявлений. В южной части района расположены крупные месторождения Беманевика с разведанными запасами 2,28 млн т руды с 39,4 % Cr_2O_3 и отношением $Cr/Fe = 2,48$), Анказутаулана, Теломита и ряд более мелких объектов. Ресурсы южной зоны – 8,66 млн т, накопленный объем добычи по южной зоне около 4 млн т руд с 35 % Cr_2O_3 . Наиболее крупные рудные тела содержат и наиболее качественные руды и приурочены к крупным линзам гипербазитов в метаморфизованных и деформированных габбро-норитах, мелкие рудные тела с более низким отношением Cr/Fe – к изолированным телам гипербазитов. Предполагается, что основные залежи хромитов связаны с дифференцированным габбро-норитовым массивом бушвельдского типа. Дальнейшее увеличение запасов возможно за счет поисков и разведки

«слепых» тел хромитов в поле развития метагабброноритов. Несколько таких тел уже вскрыто бурением на известных объектах.

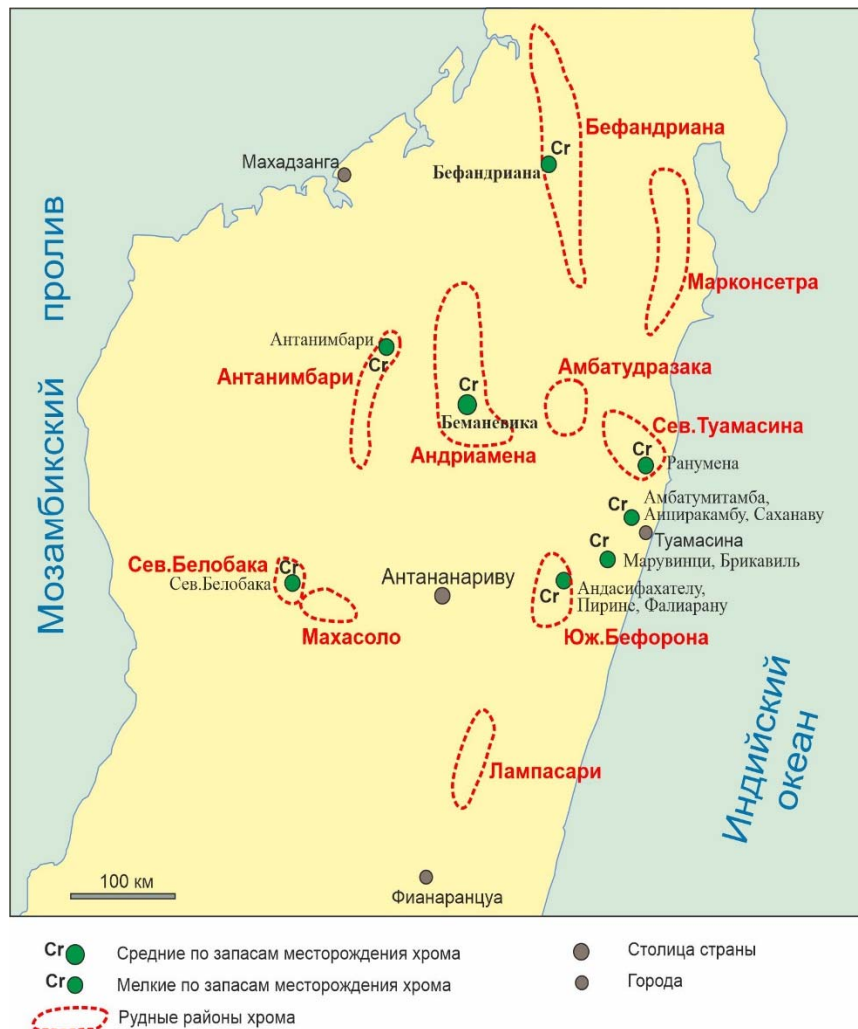

Рис. 5. Размещение основных рудных районов и месторождений хрома

Северная часть рудного района Андриамена содержит серию аналогичных залежей хромитов в метагабброидах и гнейсах основного состава. Подсчитаны общие запасы – 270 тыс. т по телам Андранубе (128 тыс. т $Cr/Fe = 2,4$), Бахромит (69 тыс. т) и др. Ресурсы по этой зоне составляют до 1,4 млн т руды. Перспективы на дальнейшее увеличение запасов также связаны с поисками «слепых» залежей.

Значительное количество интересных (с Cr/Fe до 3,0) проявлений хромитов сосредоточено в полосе развития основных гнейсов в районе Бефандриана. Район труднодоступен и плохо изучен. Месторождения Бефандриана и Аненгитра имели начальными запасы хромовой руды в объеме 0,78 млн т. После отработки самых богатых руд (313 тыс. т руды с $Cr/Fe = 2,6 - 2,9$) на Бефандриане осталось еще 465,5 тыс. хромовых руд с $Cr/Fe = 2,0$, а на Аненгитре – 160 тыс. т руд.

Остальные хромитоносные районы и зоны Мадагаскара содержат проявления хромитов низкого качества, с отношением $Cr/Fe - 1,3 - 1,5$ и даже ниже, до 0,5–1,1 (зоны Сев. Белобака, Антанамбари и др.). Здесь залежи хромитов связаны исключительно с небольшими телами гипербазитов, крупнейшие из которых достигают 1,5 км в длину. Нахождение промышленных объектов с запасами до 200–250 тыс. т в этих зонах все же вероятно.

Единственным эксплуатировавшимся месторождением является Ранумена к северу от города Туамасина, запасы которого первоначально составляли 100 тыс. т хромовых руд в элювии ($Cr/Fe = 1,5$), содержание 41 % Cr_2O_3 и 150 тыс. т в коренном залегании ($Cr/Fe = 1,3$, содержание 33 % Cr_2O_3). В 1960–1964 гг. были полностью выработаны элювиальные руды и затем все остальные.

За пределами известных зон проявлений коренной минерализации определенный интерес представляют поиски хромитов в районе к западу от побережья Анталаха-Ихарана на севере Мадагаскара. Здесь хромит регулярно отмечается

в аллювии и в прибрежных дюнах, а значительная часть района сложена гранитизированным габбро-норитовым массивом бушвельдского типа. Этот район также труднодоступен и слабо изучен.

Разработкой месторождений хрома в последние годы занимала только государственная компания Kraomita Malagasy (Краома Са). Объемы добычи составляли от 88 тыс. т (в 2013 г.) до 197,8 тыс. т (в 2015 г.) хромовой руды. В целом возможности перерабатывающего комплекса компании Краомиа способны перерабатывать до 300 тыс. т хромитовой руды (рис. 6).

Рис. 6. Перерабатывающий комплекс компании Краомиа на руднике месторождения Беманевика

В 2017–2018 гг. госкомпания Краома S.A. работала с перебоями, вплоть до временного закрытия. Ситуация изменилась в конце марта 2019 г. когда было образовано совместное предприятие Краома S.A с российской компанией Ferrum

Mining (при доле последней в 70 %). При этом были урегулированы как задолженности госкомпании Краома S.A. по заработной плате на сумму 198 тыс. долл. США, так и другие финансовые обязательства на сумму 250 тыс. долл. США.

Титан

Ресурсы TiO_2 в стране оцениваются в 140 млн т, в том числе подтвержденные 71,0 млн т (оценка экспертов ОЗГЕО). Все запасы связаны с россыпными месторождениями ильменитовых, циркон-ильменитовых и монацит-циркон-ильменитовых песков в прибрежно-морских дюнных и пляжных отложениях на восточном и западном побережьях Мадагаскара (рис. 7).

В настоящее время на Мадагаскаре существует один производитель тяжелых минералов – QIT Мадагаскарские минералы (QMM) S.A. Горнодобывающая компания располагается в регионе Форт-Дофин на юго-востоке Мадагаскара. После 20 лет разведки, переговоров и предварительных работ компания начала добычу тяжелых песков. Первоначальная мощность добычи тяжелых песков составила 750 тыс. т в год, а впоследствии была увеличена до 2 млн т в год.

Рудник Мадена на 80 % принадлежит QIT-Fer et Titane, дочерней компании горнодобывающего гиганта Rio Tinto Group; остальные 20 % принадлежат правительству Мадагаскара.

Большая часть ильменитового продукта (62,5 % TiO_2) используется для производства титанового шлака для производства пигмента на заводе Rio Tinto Sorel в Квебеке (Канада). Есть два коммерческих побочных продукта: цирсилл, представляющий собой смесь циркона и силлиманита, и монацитовый концентрат.

В настоящее время добыча тяжелых песков ведется на россыпи Мадена площадью 20 км² к северу от форта Дофин и примерно в 14 км к северу от порта Эхоала (рис. 8).

Рис. 7. Расположение основных месторождений титана и олова

Рис. 8. Землесосная станция с рыхлителем для добычи рудных песков на месторождении Мадена

В конце 2009 г. первоначальные ресурсы проекта Форт-Дофин только по россыпи Мадена оценивались в 38,1 млн т тяжелых минералов, включая запасы в 11,9 млн т тяжелых минералов. Исходя из разведанных запасов, срок службы рудника Мадена определен в 20–25 лет.

Рудный песок в Мадене содержит от 4,5 до 5,5 % тяжелых минералов. В составе рудных минералов преобладает ильменит 75-80 %, циркон и рутил – 1 %, силлиманит и монацит – 1,5 %. Производство ильменита, циркона и силлиманита компанией QMM, Мадагаскар, нестабильно. Производство ильменита: максимальное – 582 тыс. т (2012 г.), минимальное – 166 тыс. т (2015 г.), последние данные – 306 тыс. т (2018 г.). Производство циркона и силлиманита: максимальное – 31,3 тыс. т (2013 г.), минимальное – 11,9 тыс. т (2015 г.), последние данные – 25,0 тыс. т (2018 г.) [6].

Другая компания Base Resources Ltd. планирует начать добычу тяжелых минералов в середине 2025 года (Toliara Sands project). Компания Base Resources Ltd. приобрела Проект Toliara от компании Toliara Sands в январе 2018 г. Проект разрабатывался компанией Toliara Sands, дочерней компанией бывшей World Titanium Resources Ltd. (ранее Madagascar Resources NL), в течение многих лет.

Проект Toliara Sands расположен примерно в 40 км к северу от порта Тулиара на юго-западе Мадагаскара. Рудные пески связаны с минерализованной дюной длиной около

16 км, шириной 1–2 км и толщиной рудных песков в среднем 20–30 м (рис. 9). Предполагалось, что ресурсный потенциал тяжелого песка в пределах месторождений Ранобе, Анкилилоаке, Базибаси и Моромбе составит около 4,7 млрд т. По состоянию на 2019 год оцененные ресурсы месторождения Ранобе по критериям JORC составляли 1,29 млрд т рудного песка при среднем содержании 5,1 % тяжелых минералов, что в пересчете составляет 65,9 млн тяжелой фракции, из которых 72 % составляет ильменит, 2,0 % – рутил и лейкоксен, а 5,7 % – циркон. Доказанные запасы подсчитаны в объеме 586 млн трудного песка с содержанием 6,5 % тяжелых минералов, или в пересчете на тяжелую фракцию 38,1 млн т, из которых 74 % составляет ильменит, 1,1 % – рутил, 0,9 % – лейкоксен и 5,9 % – циркон [7].

Согласно ТЭО целесообразности освоения месторождения, опубликованному в марте 2019 г., срок службы рудника Тулиара определен в 33 года. При этом общий объем производства составит 25,8 млн т ильменита, 1,73 млн т циркона и 0,267 млн т рутила. Конечные продукты будут включать три сорта ильменита (сульфат при 48,3 % TiO_2 , шлак при 50,5 % TiO_2 , хлорид при 57,0 % TiO_2), рутил (хлоридный пигмент с 93,5–95 % TiO_2) и продукт из циркона.

Первичные инвестиции для запуска производства с объемом переработки 13 млн т первичных песков составили 442 млн долл. США. Начало производства запланировано на середину 2025 г. На 2-м этапе объем производства увеличится до 19 млн т в год при дополнительных инвестициях в размере 69 млн долл. США. Ожидается, что в течение 33-летнего срока эксплуатации рудник Толиара будет производить в среднем 780 тыс. т/год ильменита, 53 тыс. т/год циркона и еще 7 тыс. т/год рутила, обеспечивая годовую прибыль (до уплаты процентов, налогов, амортизации) в объеме 164,3 млн долл. США.

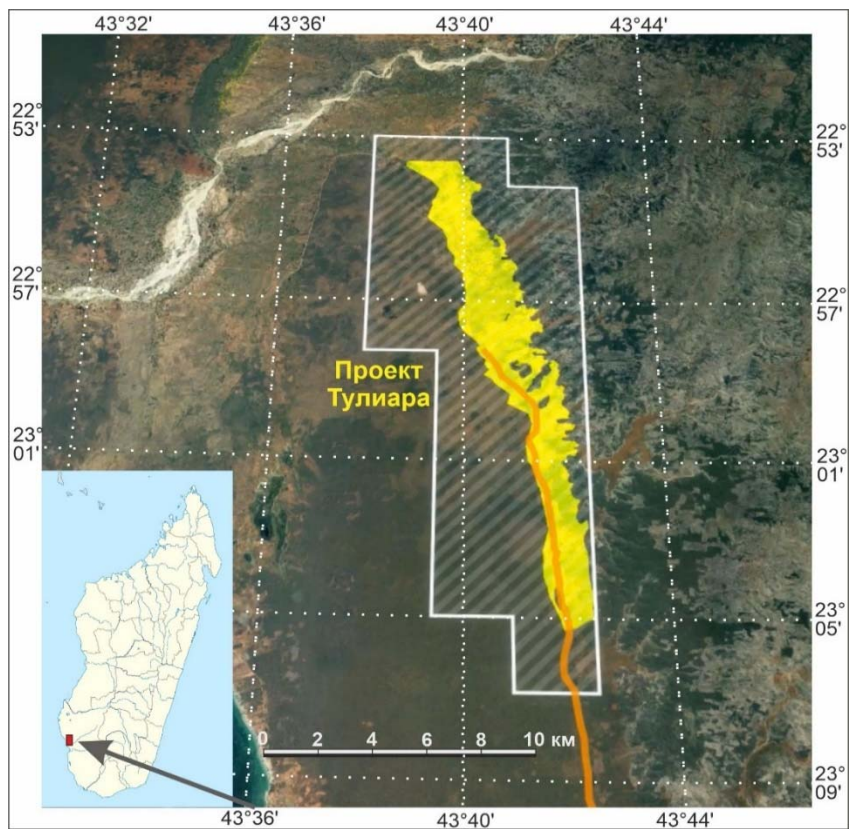

Рис. 9. Расположение дюны с пластом минерализованных песков на проекте Тулиара

Далее приводятся данные по неразрабатываемым месторождениям ильменитовых и циркон-ильменитовых россыпей Мадагаскара (см. рис. 7).

Месторождение Амбундруме расположено к югу от Ихарана. Песчаные дюны протяженностью 13–15 км при ширине 100–200 м и вертикальной мощностью 5–9 м содержат 10,8 % тяжелых минералов (ильменита – 5 %, циркона – 0,15 %, монацита – 0,07 %, рутила – 0,03 % и касситерита), иногда содержание тяжелых минералов достигает 60–90 %. Общие запасы ильменита 20 млн т.

Месторождение Анкарефу обладает запасами песков 155,2 млн т. Мощность пласта – 3,0–4,8 м и ширина 89–541 м. Содержание ильменита – 5,72 %, разведанные запасы ильменита – 8,87 млн т, при среднем содержании в ильмените 48,4 % TiO_2 . Предполагается ежегодно извлекать 260 тыс. т ильменита и 12,8 тыс. т циркона, перерабатывая 7 млн т песка в год. Запасы обеспечивают 15 лет эксплуатации месторождения.

Месторождение Туамасина с разведанными запасами ильменита 2,714 млн т содержит в песках 5,84 % ильменита с 48,2 % TiO_2 . Мощность продуктивного горизонта 2,03–2,77 м, ширина 161–887 м. Освоению месторождения мешают инженерные сооружения (линии электропередач, железная дорога, канал Пангалан, шоссе), за пределами участков которых запасы оцениваются только в 1,2 млн т ильменита.

Месторождение Махавелуна, ранее Фулпуант, обладает разведанными запасами 301 тыс. т ильменита с содержанием TiO_2 в ильмените 44–49 % (среднее 45,6 %). Залежь небольшая, шириной 53–128 м и мощностью 1,85–3,19 м, но с очень высоким содержанием ильменита в песках (в среднем 14,29 %).

Месторождения района Манантенина объединяют сближенные месторождения Манампату, Ифутака, Эсама, Ампасимасаи, Вухибарика, Иавибула, представленные залежами монацит-циркон-ильменитовых песков в древних дюнах. Разведанные запасы ильменита – 1,7 млн т, 753 тыс. т циркона, 324 тыс. т монацита. Содержание ильменита – 13,03–13,48 % в древних дюнах и 5,56 % в молодых.

Для доразведки экспертами ОЗГЕО рекомендуются россыпи района Ихарана – Самбава. Это россыпи Ампасимбату, Самбава, Амбуруналу, Амписикинана и Амбундрумбе (см. рис. 7). Наряду с ильменитом, цирконом, рутилом, монацитом пески этих месторождений содержат касситерит, что положительно влияет на технико-экономические условия разработки месторождений.

По месторождению Самбава имеются данные о содержании в «черных песках» 60–80 % ильменита, 5–10 % касситерита, 4–20 % монацита и 3 % циркона. Обогащенный слой мощностью от 5 до 9 м выявлен в дюнах. На месторождении Амбундрумбе протяженность пласта «черных песков» до 15 км, ширина до 200 м, мощность до 9 м. Содержание черных песков до 10,8 %. Месторождение Амписикинана не опробовано.

По данным экспертов ОЗГЕО, месторождения района Ихарана – Самбава связаны с плейстоценовыми дюнами в прибрежно-морской зоне, которые имеют протяженность до 25 км и ширину от сотен метров до 9 км. Их мощность – 5–9 м. Среднее содержание тяжелых минералов в песках – 195 кг/м³, при локальных концентрациях до 1080–1620 кг/м³, в том числе ильменита – 90; циркона – 2,7; монацита – 1,26; рутила – 0,54; касситерита – 1,0 кг/м³. Общие запасы ильменита в районе Ихарана – Самбава оцениваются в 20 млн т.

Олово

Имеются многочисленные россыпные, реже коренные проявления касситеритовой минерализации. На севере страны знаки касситерита постоянно встречаются в современном аллювии. В древних морских дюнах к югу от г. Самбава концентрации касситерита достигают 5–10 % от массы черных песков. Ресурсный потенциал по олову оценивается весьма скромно – 500 т [4].

Бокситы

Общие запасы на начало 2021 составляли 320 млн т, в том числе подтвержденные – 100 млн т. Бокситы латеритного типа связаны с неогеновыми и послемеловыми поверхностями выравнивания. Все бокситы Мадагаскара сложены гиббситом. Основные запасы бокситов сосредоточены на юго-востоке

страны, где известны крупные месторождения Манантенина и Фарафангана.

Месторождение Манантенина (Manantenina) представлено корой выветривания по лептинитам архея, исходный состав которых благоприятствует образованию слабозелезистых бокситов. Месторождение Манантенина состоит из конкреций гиббсита в матрице, богатой глиной и песком (рис. 10).

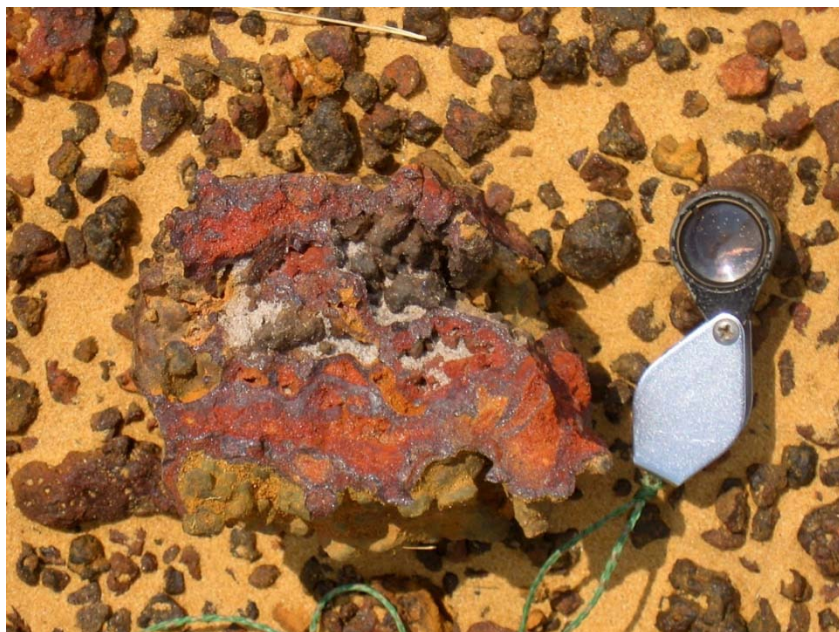

Рис. 10. Конкреция гиббсита в матрице, богатой глиной и песком на месторождении Манантенина. Размер конкреции 8×6 см

Общие запасы 165 млн т (в том числе подтвержденные 83 млн т). Бокситы содержат 41 % Al_2O_3 , 1,4 % SiO_2 , 13,5 % Fe_2O_3 и 1,5 % TiO_2 . Мощность пласта 5-6 м, редко до 10 м и более, общая площадь минерализованной поверхности 151 км². В ноябре 2006 г. Канадская компания Alcan Inc. и малагасийская Access Madagascar Sarl, владеющая правами на разведку бокситовых месторождений в районе Манантенина

на юго-востоке Мадагаскара, подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству бокситового рудника и глиноземного завода первоначальной мощностью 1–1,5 млн т в год. Инвестиции в проект освоения месторождения оценивались в 1,5 млрд долл. США, включая строительство рудника, порта, электростанции для глиноземного завода. Однако проект не был реализован. В дальнейшем права на месторождение получила американская Компания Aziana Limited, которая, проведя минимальную доразведку в 2015 г., безуспешно пыталась продать месторождение индийской Thankys Exports Pvt. Ltd за 2 млн долл. США плюс роялти в 0,5 долл. США за каждую тонну разведанных запасов [8].

Месторождение Фарафангана объединяет 8 участков бокситоносных кор. Общие запасы – 112,2 млн т с содержанием Al_2O_3 – 37,1 %. Средняя мощность продуктивного пласта – 3,7 м, вскрыши – 1,2 м. Площадь минерализованной зоны – 50 км². Бокситы развиты главным образом по меловым базальтам (96,8 млн т), в меньшей степени по гнейсам и мигматитам архея (14,4 млн т). Бокситы конкреционные, среднего качества. Неблагоприятными факторами являются небольшая мощность продуктивного горизонта, необходимость проведения вскрышных работ, разбросанность участков, отсутствие инфраструктуры.

Перспективные проявления бокситов имеются в районе Сент-Люс, на равнине Мидунги в районе Лаварети (проявления Махтенжурану, Равиндаре, Милаила, Береку). Каждое из них имеет площадь 1–1,5 км² при мощности пласта 0,5–2 м, с запасами до 10 млн т и содержанием глинозема в рудах 40,7–54,8 %. В целом следует отметить, что, несмотря на слабую изученность поверхностей выравнивания и отсутствие систематических поисков переотложенных бокситов, в стране известно более 20 месторождений и крупных проявлений. Благоприятные климатические условия для формирования бокситоносных кор существовали на Мадагаскаре с мелового

периода. Это позволяет надеяться на значительный прирост запасов бокситов в будущем.

Медь

Общие запасы оцениваются в 20 тыс. т металла при содержании в рудах 0,5–2,6 % меди. Наиболее известно мелкое по запасам месторождение Амбатуварахина, разрабатывавшееся на медь и свинец в 1915–1918 гг.: рудные тела с рассеянной и прожилковой минерализацией (халькопирит, борнит, кубанит, пентландит, блеклые руды, галенит, сфалерит, валлерит, кобальтин и т.п.) приурочены в карбонатным породам. Содержание меди 0,5 %, реже до 2,8 %. Разведанные запасы меди 17 тыс. т [4].

В районе Вухибури выявлены мелкие месторождения Бесатрана, Бевалаха, Бесакуа (халькопирит, халькозит, ковеллин, сфалерит, пирит). Ресурсы – 6 тыс. т меди при содержании в руде до 5–6 % меди и извлекаемых концентраций золота и серебра.

На севере Мадагаскара известны проявления Дарайна и Амбандранаури, представленные кварц-баритовыми жилами с борнитом, халькопиритом и линнеитом, с содержаниями серебра до 250 г/т и золота до 10 г/т, а также проявлениями Милануа, представленными вкрапленностью сульфидов меди в метавулканитах.

Однако все эти мелкие месторождения и проявления, по видимому, не отражают реального потенциала Мадагаскара, так как на его территории известно несколько перспективных объектов. Это проявление сульфидных медно-никелевых руд Амбудилафа, Ланжанина, Амбатуфитатра в дифференцированных габбро-норитовых массивах, вкрапленная медная минерализация в габбро Аналалава, сульфидное медно-никелевое оруденение зоны Лундукуманана в архейском зеленокаменном поясе Андриамена.

Никель

Общие запасы никеля в стране оцениваются в 1480 тыс. т. Разведанные запасы составляют 1300 тыс. т. С зоной окисления перидотитов позднемелового дифференцированного ультрабазит-габбро-сиенитового массива Антамбату связаны крупные кобальт-никелевые месторождения Амбатови и Аналамаи.

Проект Амбатови (Ambatovy) состоит из двух рядом расположенных латеритных месторождений Амбатови и Аналамаи (Analamay). Рудоносная часть коры выветривания по древним гипербазитам средней мощностью 45 м на 90 % сложена железистыми рудами. Остальные 10 % приходятся на низкомагнезиальные сапролиты.

Достоверные ресурсы месторождений оцениваются в 134,1 млн т руды, из них подтвержденные запасы месторождения Амбатови составляют 125 млн т при среднем содержании 1,04 % никеля и 0,099 % кобальта. В 2007 г. было начато строительство рудника и горно-гидрометаллургического комбината (ГМК) по производству рафинированного никеля и кобальта (рис. 11). Комбинат проектной мощностью 60 тыс. т никеля и 5,6 тыс. т кобальта в год обеспечен сырьем на 27 лет. Первая продукция на предприятии Амбатови произведена в четвертом квартале 2010 г., а к 2013 г. ГМК достиг своей проектной мощности. До 2020 г., когда было остановлено производство из-за пандемии COVID-19 на Мадагаскаре, рудник ежегодно производил 5,6 тыс. трафинированного кобальта и почти 60 тыс. трафинированного никеля. В апреле 2021 г. рудник восстановил работу, однако выйти на плановые показатели в 2021 г. не удастся. Инвестиции в проект составили 4,52 млрд долл. США. Владельцем рудника является Торговый дом Сумитомо, 54,17 % акций Амбатови принадлежат Sumitomo, остальные – южнокорейской Korea Resources [9].

Проект Амбатови очень важен для Правительства Мадагаскара, поскольку приносит до 27 % налоговых поступлений в стране.

Рис. 11. Карьер никель-кобальтового рудника Амбатови

Месторождение Валузуру представлено корой выветривания на архейских гарцбургитах. Оно имеет площадь 0,25 кв. км. При содержании 1,75 % Ni его запасы составляют 65 тыс. т. Месторождения Бементи и Никельвиль приурочены к коре выветривания на крупных линзах ультрабазитов. Их запасы соответственно 21,0 и 6,3 тыс. т при содержании Ni – 1,3 %. Предполагается возможность увеличения запасов месторождения Бементи до 60 тыс. т. Месторождение Ампитабе в зоне Маха также связано с корой выветривания на ультрабазитах. Его запасы 2–10 тыс. т никеля при содержаниях Ni – 1,5–1,7 %.

Кобальт

Общие и разведанные запасы оцениваются в 124 тыс. т. Все они приурочены к кобальт-никелевому месторождению

Амбатови-Аналамаи. Среднее содержание кобальта 0,105 %, для более богатых руд – 0,12 %. Минералы кобальта иногда отмечаются и на других месторождениях и проявлениях медно-никелевых, никелевых и медно-полиметаллических руд, однако изучение содержаний кобальта не проводилось.

Золото

Общие запасы золота на Мадагаскаре (measured+indicated+inferred) оцениваются в 20 т золота, при средних содержаниях золота – 2,5 г/т в коренных породах, и 0,5 г/м³ в россыпях. Известные золотые месторождения малочисленны и относятся к мелким по объему запасов. Наиболее крупные из них – Андавакуэра, Даболава, Тайнангидина, Марувату и россыпь Фисакана.

Месторождение Андавакуэра представлено серией кварц-баритовых жил с золотом и сульфидами. В начале века на нем было добыто 1,5 т золота. За исключением единичных случаев прослеживание золотоносных жил на глубину не проводилось, что заставляет предположить наличие в зоне Андавакуэра значительных запасов золота.

Месторождение Даболава (Dabolava), что означает «Золотая гора», расположено в районе западного плато Мадагаскара, в 140 км к западу от г. Анцирабе. Золотое месторождение состоит из различных золоторудных зон: Такадоре, Даболава, Кираномена, Аньоме и Восточная Даболава (рис. 12) [10]. Наиболее перспективна Восточная Даболава. Буровыми работами на ней выявлены перспективные золоторудные пересечения: 32,23 г/т на 0,9 м, 10,52 г/т на 4,3 м, 4,04 г/т на 17,2 м. Общий объем бурения составил 3000 м. Однако с 2008 г. работы корпорации Pan African Mining Corp. на месторождении Даболава законсервированы. Старатели добывают золото в районе месторождения Даболава с 1900 г.

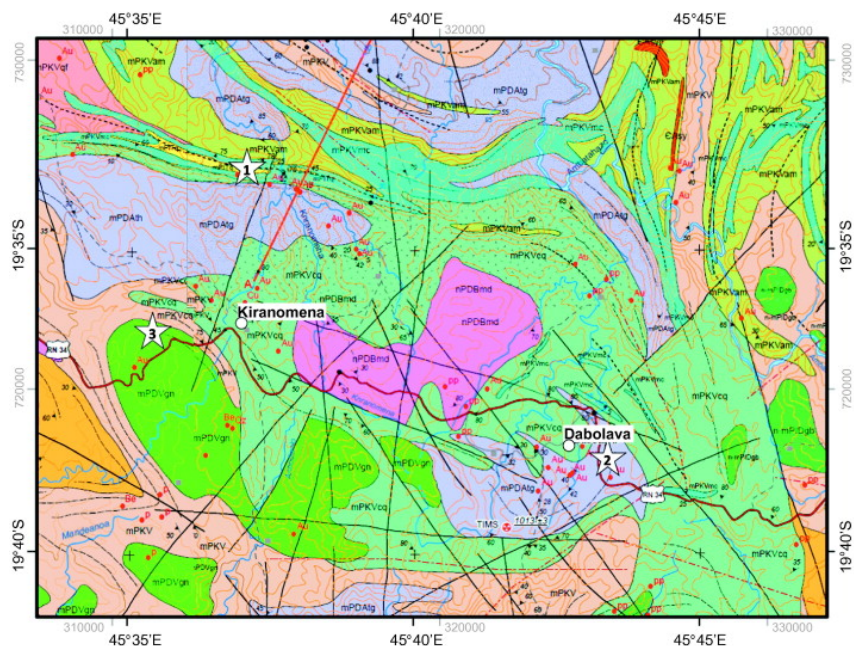

Рис. 12. Геологическая карта района золотого месторождения Даболава (Dabolava)

Месторождение Тайнангинина комплексное по происхождению и представлено аллювиальными россыпями (в значительной степени отработанными), гидротермальными золотоносными кварцевыми жилами (4 т золота с содержанием 18 г/т), золотоносными латеритами (5 т золота с содержанием 1 г/т) и практически не изученными золотоносными метасоматитами. Запасы и содержание золота в латеритах сильно занижены, так как при промывке на лотках терялось не менее 2/3 тонкочешуйчатого золота и все пылевидное и тонкодисперсное золото, которое преобладает в исходных метасоматитах. Запасы месторождений должны составлять не менее нескольких десятков тонн золота, однако разведка и промышленное освоение объекта зависят от решения ряда проблем, связанных с методикой опробования и технологией обогащения. В полосе, прилегающей к месторождению с юга, известно

еще несколько аналогичных объектов, связанных с метасоматитами.

Месторождение Марувату и однотипное с ним месторождение Гри-Гри представлены гидротермальными золото-сульфидно-кварцевыми жилами в амфиболовых гнейсах зеленокаменного пояса Бефуруна. На месторождении Марувату добыто до 4,5 т золота. Золото (до 7 г/т) содержится также и в пирите, который при добыче складировался. Рудник заброшен как нерентабельный. О состоянии его запасов высказывались самые противоречивые мнения. Исследование рудника затруднено его труднодоступностью и опасным состоянием штолен.

К мелким гидротермальным месторождениям относятся Андрауна, Масукуамена, Бекабижа, Бетаменина, Суавинариву и др. Россеянная золотая минерализация сопровождается также железистые кварциты – примерами являются железнорудные месторождения Махабе, Фенуариву, причем на последнем содержания достигают 8 г/т. Золото в качестве попутного компонента отмечается также на некоторых медных и полиметаллических проявлениях.

Россыпи встречаются как в связи с известными коренными объектами, так и на площадях, где коренные объекты неизвестны. Наиболее значимы россыпи Маеватанана, Икупа, Анцирабе, Балиси, Даболава, а также россыпи районов Маха и Ампасари к западу от Мананжари.

В большей части района Мананжари золотоносные пески содержат золото в количестве от 0,5 до 2,5 г на 1 м³. В последнее время подтверждающие данные получены компанией HOIA по лицензионной площади № 29166. Россыпь Фисакана (Fisakana) находится в 150 км к югу от города Антананариву. Протяженность россыпи (сумма притоков реки Фисакана и сама река) составляет 14 км, мощность золотоносного слоя в среднем 2 м, объем песков – 5 млн м³ при содержании золота 500 мг, ресурсы россыпи составляют 2500 кг. Золото концентрируется в основном в приплотиковой части разреза,

в отдельных случаях – во всем разрезе песков. Попутные ильменит и циркон при содержании в среднем (суммарно) 50 кг/м³ составляют 250 тыс. т.

Общая накопленная добыча золота с 1900 г. составила 51 т. Максимум добычи был достигнут в 1909 – 3,7 т золота, с 1958 г. добыча сократилась и в настоящее время составляет 587 кг в год (2016 год). По оценкам экспертов, существует нелегальная добыча старателями в объеме 1,5 т золота в год.

Редкие металлы и редкие земли (Li, Be, Ta, Nb, Sc, REE, V, Zr)

Сведения по запасам или их оценке довольно отрывочны. Общие запасы BeO оцениваются в 15 тыс. т, пирохлора – в 20 тыс. т, бастнезита – в 130 тыс. т, пятиоксида тантала – 3 тыс. т, циркона – в 1,68 млн т, монацита – 0,44 млн т. Известно свыше 400 полей и месторождений гранитных пегматитов, содержащих промышленные концентрации лития, бериллия, тантала, скандия, висмута, различных драгоценных камней.

Наиболее распространены берилловые берилл-колумбитовые пегматиты (в том числе и с промышленными концентрациями танталита). Месторождения фиксируются от Ба-Маеварана на севере, до Трануруа на юге острова. Наиболее значительными объектами являются поля Берере, Малакиалина и Ампандрамайка (см. рис. 1). Поле Берере наиболее изучено в пегматитоносной зоне Царатанана-Анказубе, где свыше 400 пегматитовых тел локализовано в пироксен-амфиболовых сланцах и гранит-мигматитах: около 200 пегматитовых тел интересны в промышленном отношении, так как содержат берилл, колумбит, танталит, касситерит, микролит, редкоземельно-урановые тантало-ниобаты, минералы висмута, лития, редких земель.

Практически все пегматитовые тела затронуты эксплуатационными работами. Здесь добывались танталит, колумбит,

берилл, амблигонит, драгоценные камни, мусковит. Учетная добыча в поле Ампандрамайка составила 550 т берилла и 5 т тантало-ниобатов, в поле Малакиалина 2 тыс. т берилла и 32 т тантало-ниобатов. В пегматитах Малакиалина были зафиксированы крупнейшие кристаллы берилла массой в 24, 32, 300 т. Добычные работы ограничивались уровнем грунтовых вод, велись открытыми горными выработками.

К месторождениям редкоземельных пегматитов относятся Ампангабе, Бетафу, Самиреси и др. (см. рис. 1). Гидротермальные месторождения бастнезитовых руд известны в р-не г. Анцирабе.

В пределах пегматитового поля Сахатани находится месторождение Манжака, в котором установлены: поллуцит, манганколумбит, мангантанталит, сподумен (и кунцит в кристаллах до 10 см в длину), берилл, цветные турмалины, марганцевый апатит, блонстрандит, битиит и другие минералы.

Суммарные запасы монацита в известных россыпях можно оценить в 550–600 тыс. т, циркона – в 1,9–2,0 млн т. Монациты Мадагаскара имеют повышенное содержание тория (12–12,2 %) при низких содержаниях европия (0,025 % Eu_2O_3) и иттрия – именно это послужило причиной прекращения их добычи в 1968 г.

Барит

Имеется несколько сотен баритовых жил, сконцентрированных в основном в районах Андавакуэра и Амбатуфинандрахана. В районе Андавакуэра известно 374 баритовых и кварц-баритовых жил, секущих докембрийские гнейсы или песчаники пермо-триаса. Общие запасы до глубины 5 м по этим жилам 0,6 млн т, потенциальные ресурсы – не менее 10–12 млн т. Содержание барита 36–98 %, встречаются сульфиды и золото.

В районе Амбатуфинандрахана известно несколько групп жил, крупнейшие из которых приурочены к полосе выходов

кремнисто-карбонатных пород Ампандрана длиной около 4 км. Запасы этого района до глубины 5 м составляют 45 тыс. т, прогнозные ресурсы только для зоны Ампандрана – порядка 1 млн т. На месторождении Амбундруна с запасами 20 тыс. т до глубины 5 м ведется эпизодическая добыча барита компанией СОМАДЕКС. Многочисленные проявления барита имеются также на юге впадины Мажунга и в районе Рантабе-Мурафенубе на севере впадины Мурундава.

Графит

Запасы графита оцениваются в 20 млн т. Многочисленные месторождения приурочены к породам «системы» Графит. Производство графита в стране увеличилось до 9,2 тыс. т в 2016 г. по сравнению с 8,01 тыс. т в 2015 году. Компания Etablissements Gallois S.A. добывала большую часть графита на месторождениях в Анциракамбу, Марувинцы и Амбалафотаке [11].

На севере это слюдяные сланцы и гнейсы группы Амбатумпипи, на востоке – амфиболиты, гнейсы и мигматиты группы Манампуци; на юге – лептиниты группы Ампанихи. Стратифицированные слои графитоносных пород достигают 10-30 м по мощности при длине в сотни метров. Графит представлен чешуйками (мальгашский графит) или агрегатами крупных иголок (цейлонский тип). Среднее содержание графита в руде 4–11 %. Крупнейшие месторождения: Амбатумпипи, Анциракамбу, Саханаву, Сахамани, Андасифахателу, Фалиарану, Царавуниана, Марувинцы, Таматаве, Брикавиль, Перине, Фалиарану – содержат латеритизированные легкообогатимые руды. Руды месторождений на юге Мадагаскара не латеритизированы.

В 2016 г. австралийская компания Bass Metals Ltd. приобрела компанию Graphmada Equity Pte Ltd. по производству чешуйчатого графита на руднике Лохарано. Продажи с рудника составили около 1,5 тыс. т концентрата с содержанием 94 %

графита в 2015 г., из которых 63 % составляли крупные хлопья, а 37 % – средние и мелкие хлопья. Bass Metals Ltd. планировала увеличить производство до мощности шахты в 6000 т в год в 2017 г. и построить новый перерабатывающий завод мощностью от 12 000 до 20 000 т в год. Компания завершила оценку ресурсов в 2017 г. (По кодексу JORC):

– запасы измеренные (Measured) – 2,9 млн т, при среднем содержании графита – 4,2 %, что в пересчете составляет 121 тыс. т графита;

– указанные запасы (Indicated) – 3,3 млн т, при среднем содержании графита – 4,3 %, что в пересчете составляет 143 тыс. т графита;

– предполагаемые ресурсы (Inferred) – 14,0 млн т, при среднем содержании графита – 3,9 %, что в пересчете составляет 550 тыс. т графита [12].

Мусковит

Пегматитовые месторождения мусковита известны на площади всей страны. На севере локализованы месторождения Амбахисутри, Амбахибада, Андравури, Адрембуна. Южнее, в районе г. Туамасина, а также в центре острова и на юге имеются мелкие месторождения мусковита. Часто вместе с мусковитом устанавливаются концентрации берилла, других редких металлов, драгоценных и поделочных камней.

Группа компаний AKESSON Mineragrex S.A. добывала слюду на своих пяти шахтах на юго-востоке Мадагаскара. В последние годы старатели-кустари также добывали слюду вблизи Аналамари в регионе Аноси. Национальный объем производства слюды (мусковит и флогопит) увеличился до 22,3 т в 2016 г. [11].

Флогопит

Сотни месторождений флогопита приурочены к архейским породам «системы» Андруй (пироксениты). Флогопит

образует столбообразные и жильные скопления на крупнейших месторождениях Ампандрандава, Бенату, Сакамаси, Амбиа, Муфилефи, Микубука, Вухитрамбуа, Марувала, Сакасуа, Каламбатритра, Амбарарата, Миари и др. Совместно с флогопитом в месторождениях Бетанимена, Амбиндрандракемба, Илапалити и др. установлены промышленные содержания ураноторианита.

Кварц

Месторождения кварцевого сырья многочисленны и представлены кварцевыми жилами, гранитными пегматитами, кварцевыми россыпями. В 1982 г. обнаружены проявления гранулированного кварца. Кварцевожильное месторождение Кристаллина, или Беумбиати, в р-не Рамартины содержит 100–200 т пьезокварца. На юге страны перспективен район Цивури. В районе оз. Алаутра выявлено месторождение Амбатундразака с потенциальными ресурсами 20–22 тыс. т кварца для плавки. Главные россыпные месторождения кварца – Маруанцетра, Рантабе, Мананара, Анталаха. Уровень годового сбора кварца старателями в этом районе оценивается в 400–500 т. Источники россыпей неизвестны.

Кроме того, на Мадагаскаре имеются месторождения асбеста, талька, фосфатного сырья, гипса, мусковита, бентонитовых глин, различных строительных материалов.

Драгоценные и поделочные камни

Мадагаскар является традиционным экспортером обширного списка драгоценных и поделочных камней. Их источниками являются редкометалльные и редкоземельные пегматиты, кварцевые жилы, различные метаморфические породы и базальты. Из них наиболее значимы сапфир, рубин, изумруд, цветные бериллы, аметист, цитрин, гранаты, цветные турмалины, кунцит, лабрадорит, другие поделочные камни.

Сапфир

Сапфиры найдены на Мадагаскаре в многочисленных месторождениях по всей стране, это месторождения Амбатондразака (Ambatondrazaka), Андронандамбо (Andranondambo), Андребабе (Andrebabe), Илакака (Ilakaka), Маномбе (Manombe), Маросели (Marosely) и Сакара (Sakara). Мадагаскарские сапфиры из южных месторождений наиболее похожи на цейлонские, хотя синим мадагаскарским сапфирам свойственны более темные тона. Мадагаскарские камни значительно отстают от цейлонских собратьев по полноте кристаллизации. Из-за непропорциональности форм и размеров мадагаскарского сырья крупные кристаллы весом 10–20 г очень часто приходится резать перед огранкой на несколько частей.

Добыча сапфира на Мадагаскаре в 2016 г. составила 6500 кг, что значительно превышает добычу 2015 г. – 5000 кг [12].

Самый крупный центр добычи сапфиров – Илакака, поставляющий половину всех сапфиров мира. Здесь можно найти камни всех оттенков голубого и синего цвета, знаменитые васильковые, розовые, желтые, зеленые, лиловые, а также очень ценные оранжевые (падпараджа). Есть здесь и настоящие редкости – звездчатые сапфиры и даже такие, которые отличаются уникальным александритовым эффектом, то есть меняющие свой цвет в зависимости от освещения (рис. 13) [13].

Мадагаскарский сапфир в целом более трещиноватый, может иметь больше газовых включений. Именно для мадагаскарских сапфиров были впервые разработаны методики искусственного лечения трещин свинцовым стеклом. Требования по чистоте к мадагаскарским сапфирам несколько более мягкие, чем к цейлонским, а следовательно, их цена уступает цейлонским камням. По цветовой гамме мадагаскарские сапфиры не уступают цейлонским, если даже не

превосходят! По производству бесцветных и розовых (природного цвета) сапфиров Мадагаскар – абсолютный мировой лидер.

Рис. 13. Сапфиры разных оттенков голубого и синего цвета из россыпи Илакака (слева), кабошон звездчатого сапфира весом 6 карат (справа)

Рубин

Камни лучшего качества добываются в центре острова, в окрестностях Андиламены, у озера Алаутра. Здесь находят отлично окрашенные чистые камни, а также редкостные звездчатые рубины, причем по качеству и красоте они могут поспорить со знаменитыми бирманскими камнями.

Кроме того, рубины выявлены на месторождении Илакака (рис. 14).

Добыча сапфира на Мадагаскаре в 2016 г. составила около 180 кг, что значительно превышает добычу 2015 г. – 120 кг [11].

Рис. 14. Рубины разных оттенков розового цвета из россыпи Илакака (слева), кабошон звездчатого рубина весом 5 карат (справа)

Изумруд

Регион Мананджари включает россыпь аллювиальных изумрудов, примерно в 50 км к западу-юго-западу от г. Мананджари, недалеко от города Ифананадиана, рудник Анкадилалана, недалеко от города Кианджавато и рудник Морэфено, примерно в 30 км к югу от Мананджари.

В начале 1990-х гг. на острове Мадагаскар было обнаружено несколько месторождений изумрудов. Большинство из них находятся в пределах 50 км от города Мананджари. Добыча полезных ископаемых включает месторождение вблизи Ифананадианы, шахту Анкадилалана и горный регион Морэфено. Большинство кристаллов колеблются от одного до трех каратов, но сообщалось о кристаллах низкого качества весом до 1,0 кг.

По сравнению с изумрудами с африканского материка многие камни из региона Мананджари несколько светлого цвета; другие более голубовато-зеленые, похожие на замбийские изумруды (рис. 15) [14].

Прозрачность кристаллов варьируются от непрозрачных до прозрачных. Как правило, кристаллы изумруда встроены во вмещающую слюду или амфиболитовый сланец, или в кварц.

Если ранее в 2012 г. добывалось до 140 кг изумрудов, то в 2016 г. не более 15 кг. Однако с большой степенью вероятности это связано с уходом в тень изумрудной отрасли. Геологические условия в целом благоприятствуют открытию более крупных участков изумрудной минерализации.

Рис. 15. Восемь ограненных изумрудов района Мананджари весом от 0,2 до 2,6 карата; размеры образца с изумрудом 3,5×2,0×1,5 см

Аквамарин

На Мадагаскаре аквамарины добываются на месторождении Цараманга (Tsaramanga) с помощью старательской и мелкомасштабной добычи. Часто встречаются аквамарины высокого качества, в том числе цвета «Санта-Мария», который считается эталонным для аквамаринов в мире (рис. 16).

Рис. 16. Аквамарины Мадагаскара: кристалл аквамарина (слева), ограненный аквамарин цвета «Санта-Мария» (справа)

Турмалин

На Мадагаскаре основная группа месторождений турмалина была открыта вблизи Анцирабе, в 140 км юго-западнее от столицы Антананариву, в пегматитовом поле Сахатани. Здесь добывались золотисто-желтые, красные и полихромные турмалины, относимые по составу к лиддикоатиту (это богатый кальцием литиевый турмалин). Это так называемый мадагаскарский шерл с высотой кристаллов до 50 см. В южной части поля Сахатани в редкометалльных лепидолитовых пегматитах месторождения Тсилаизина встречаются прозрачные светло-коричневые, коричневые и светло-зеленые кристаллы дравита (натриево-магниевый турмалин) и эльбаита (натриево-литиевый турмалин). Вместе с турмалином здесь добывается спессартин. На месторождении Антабоака винно-

красные турмалины ювелирного качества, а вблизи Винанкарена рубеллит (красный турмалин) в ассоциации с морганитом (розовый берилл). Поблизости на месторождении Махаритра – рубеллит размером до 29 см. В пегматитах у Бетафу находят прозрачный индиголит (синий турмалин) в кристаллах размером до 25×10 см. Добыча турмалина на Мадагаскаре в 2015 и 2016 гг. была на одном уровне 350 т/в год, а ранее в 2014 году она достигала 430 т [15].

В 1894 г. открыто месторождение Анжанабойна с рубеллитом и полихромным турмалином (рис. 17). Карьеры месторождения Анжанабойна расположены примерно в 55 км к западу-юго-западу от Анцирабе. Эти пегматиты с небольшими перерывами разрабатываются с 1911 г. до наших дней. Там встречается лиловый лиддикоатит (кальциево-литиевый турмалин) с размерами кристаллов до 25 см и зеленый турмалин до 30 см длиной.

Пегматитовые жилы, содержащие турмалин, обнажены на площади размером 800×300 м. Эти жилы являются частью более крупной аплит-пегматитовой системы, которая простирается к юго-западу от месторождения Анжанабойна примерно на 2 км. Основные пегматитовые жилы имеют мощность от 2 до 12 м.

Образование пегматитовых жил связано с Панафриканским тектономагматическим циклом, прошедшим от 950 до 450 млн лет назад. Вмещающими породами являются образования протерозойской группы Итремо, состоящие из кварцитов, сланцев и мраморов.

Большие площади пегматитов интенсивно каолинизированы. Кора выветривания по пегматитам и вмещающим породам достигает 20 м. Содержащие драгоценные камни «карманы» или полости довольно редки в этих пегматитах, но они могут быть очень большими (то есть достигать в максимальном размере нескольких метров). Полости окружены каолиновой глиной и содержат кристаллы кварца, микроклинового полевого шпата (амазонит), альбитового полевого шпата

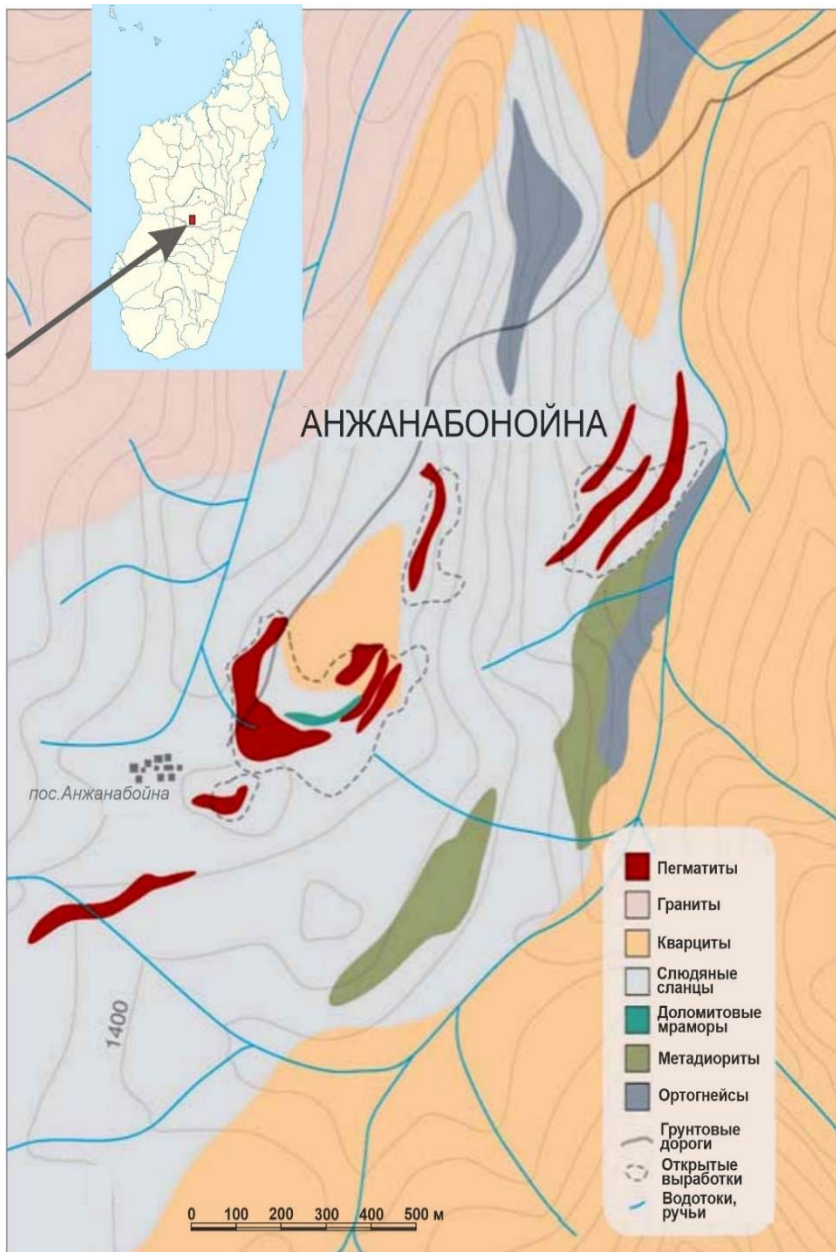

Рис. 17. Геологическая схема месторождения Анжанабойна

(кливеландит), турмалина (дравит, эльбаит, лиддикоатит), сподумена (кунцит), самородного висмута, спессартина (силикат группы граната), берилла (морганит), хамбергит (борат бериллия), данбурита (боросиликат кальция), фенакита (орто-силикат бериллия) и скаполита. Кристаллы турмалина большие, весом до 20 кг, и большинство из них имеют черную внешнюю «оболочку» (рис. 18). Самый большой кристалл турмалина имел 80 см в высоту и 32 см в диаметре [15].

Приведенный срез кристалла иллюстрирует треугольную полихроматическую зональность в турмалине Анжанабонины. Чтобы подчеркнуть красоту зонирования в кристаллах, большинство поставляемой продукции выполнено в виде полированных поперечных срезов. Лиддикоатит предоставляет художникам-ювелирам широкий выбор цветов и узоров, и поэтому он с большим успехом в обработке (рис. 19).

Рис. 18. Кристалл турмалина из Анжанабонины, весит 17,8 кг и имеет размеры 33 см в высоту и 22 см в ширину (*слева*). Треугольная полихроматическая зональность турмалина (размер – 5,5×4,5 см) (*справа*). На вставке сверху тот же пластинчатый срез кристалла, вставленный в подвеску из 18-каратного золота

Рис. 19. Пример цветового зонирования на поперечных срезах кристалла турмалина (*наверху*). Срезы по максимальному размеру достигают 10 см. Полосчатый турмалин в багетной огранке (от 1,2 до 4,0 карат) (*внизу*)

Помимо хорошо известной полихромной разновидности драгоценный камень – турмалин из Анжанабойна встречается во многих однородных цветах: от красного до фиолетово-красного (после огранки вес камней достигает 40 карат), переходящими в розовый, желтовато-розовый или бесцветный; аметистовый фиолетовый до бесцветного; различные зеленые, коричневые и желтые тона; и бледно-голубой. Ему сопутствуют морганит, кунцит, спессартин и данбурит.

Мадагаскарская компания Société Germaдco приобрела месторождение Анжанабоюна в 1970 г. В 1970-х гг. компания Germaдco добыла несколько тонн красного и полихромного турмалина. Затем месторождения заняли старатели, которыми в 1980-х и начале 1990-х гг. было извлечено еще несколько тонн драгоценного малинового камня, но никаких конкретных данных нет. В последнее время наблюдается небольшая, спорадическая старательская добыча.

В 1995 г. итало-малагасийская компания Fretosoa на основе геологоразведки, включавшей серию наземных и подземных выработок (4 шахты глубиной 45–55 м и субгоризонтальный штрек длиной 185 м), создали трехмерную модель месторождения и доказали, что значительная часть основной зоны пегматитов, содержащей драгоценные камни, все еще не отработана. В настоящее время шахта почти заброшена, и лишь несколько местных жителей ведут раскопки на поверхности в сезон дождей, когда есть вода для промывки добытого материала.

Кроме упомянутых выше драгоценных и полудрагоценных камней на Мадагаскаре добывают по данным 2016 г.: турмалин – 350 т в год, шпинель, александрит, демантоид, кунцит, цитрин, аметист – 75 т в год, топаз, морганит и другие минералы.

На острове множество полудрагоценных камней редких разновидностей, например, океаническая и крокодиловая яшма, «глазчатый» лабрадорит, янтарь и окаменелости, особенно многочисленные аммониты разной величины – от крохи до нестоящего гиганта

Лабрадорит

На Мадагаскаре разработкой месторождений лабрадорита занимаются компании Norcross-Madagascar Group, Red Graniti Madagascar SARL, Societe Labrador Madagascar, Sun

Minerals Madagascar и др. Добыча лабрадорита на Мадагаскаре в 2016 г. составила 12 тыс. т, что соответствует среднему уровню добычи в 2013–2015 гг. [11].

Лабрадоритовый карьер Манири представляет собой обнажение анортозита размером около 11×7 км, окруженное метаморфическими породами докембрия. На карьере NMG Labradorite Maniry камень добывается промышленным способом в виде блоков с помощью камнерезного оборудования. Сорт Maniry имеет доминирующий цвет павлиньего синего цвета и знаменитую радужную или многоцветную иризацию (рис. 20).

Рис. 20. Лабрадориты Мадагаскара (слева) и лабрадорит сорта Манири (справа)

С 2011 по 2014 г. объем добычи на карьере NMG Labradorite Maniry составил 700 т лабрадорита в блоках. Блоки экспортировались в Китай, а отходы блочной добычи оставляли около 50 % разрабатываемой породы. Этот материал попадал на внутренний рынок для сувенирного производства.

На карьере Sun Minerals Madagascar добывается белый лабрадорит Бьянка, роскошный экзотический полудрагоценный лабрадорит. Этот сорт добывается исключительно в карьере, принадлежащем Sun Minerals Madagascar в отдаленном юго-западном регионе Мадагаскара. Сорт Бьянка имеет цветовую палитру от чисто-белого до светло-серого. Камень подчеркнут вкраплениями переливающихся голубых кристаллов

лабрадорита. Лабрадорит Бьянка – один из самых редких и уникальных природных камней в своем роде, при этом чрезвычайно прочный.

Окаменелое дерево

На Мадагаскаре присутствуют значительные площади со стволами окаменевших деревьев в мезокайнозойских отложениях, которые разрабатываются местным населением. Забавно, но на рынках Мадагаскара торговля окаменевшими деревьями идет в дровяном ряду.

По химическому составу окаменелое дерево представляет собой кремнезем с различными примесями (рис. 21). Формула – SiO_2 . Цвет: синий, зеленый, коричневый, черный, светло-бежевый до белого, оранжевый, желтый, розовый и красный. Основные элементы – опал, халцедон и гидроксид железа. Возможные примеси: углерод, марганец, медь, хром, кобальт и др. Блеск восковой или стеклянный. Твердость 5,5–6. Сингония аморфная.

Рис. 21. Образцы окаменелых деревьев: диаметром до 0,75 м (слева), 0,25 м (справа)

Цвет ископаемым деревьям придают минералы, проникшие в них в процессе окаменения:

- черный – углерод или оксид марганца;
- зелено-синий – кобальт, хром или медь;
- розовый или оранжевый – марганец;
- желтый – оксиды железа или марганца;
- красный или коричневый – оксид железа.

Крупные поперечные полированные срезы используются как столешницы. Прочие более мелкие – как декоративные камни.

Сотрудничество России с Мадагаскаром в предыдущие годы в области геологии и изучения минерально-сырьевой базы

В советский период сотрудничество в геологической отрасли осуществлялось в рамках технического содействия с 1977 по 1990 г.

За этот период:

- проведены металлогенические исследования масштаба 1:500 000 на площади 350 тыс. км²;
- оценены запасы месторождений горного хрусталя, черных и цветных металлов, золота и драгоценных камней, тантала, ниобия, циркония, редких земель.

Возможные направления дальнейшего сотрудничества между Россией и Мадагаскаром в сфере освоения природных ресурсов

Дальнейшее двустороннее сотрудничество возможно по следующим направлениям.

1. Нефть и газ – оценка нефтегазоносности отдельных лицензионных блоков на суше и на шельфе Мадагаскара в пределах нефтегазовых бассейнов Маджунга и Морондова.

2. Уголь – освоение угленосного бассейна Сакуа на юге страны, развитие энергетики на базе освоения месторождений

угля и горючих сланцев (зольность углей 25–30 %, теплота сгорания 2200–2300 ккал/кг).

3. Уран – освоение урановых месторождений, в том числе месторождения Бетрука.

4. Железо – разработка богатых месторождений железных руд в районе Суалала.

5. Хром – разработка месторождения Беманевика совместным предприятием малагасийской Краома S.A с российской компанией Ferrum Mining.

6. Титан – разработка крупных прибрежно-морских месторождений ильменита в северо-восточной части Мадагаскара. Это россыпи: Ампасимбату, Самбава, Амбуруналу, Амписикинана и Амбундрумбе.

7. Барит (попутно – золото) – освоение крупного месторождения Андравакуэра на севере страны.

В рамках возможного сотрудничества экспертами ОЗГЕО ранее уже разрабатывались программы и проекты совместных малагасийско-российских предприятий по разработке месторождений золота, редких металлов, титана, драгоценных камней, облицовочных материалов и барита.

Литература

1. *Wua Da-tian, Ramanirakab J.I., Xua Feng-ming, Shaoa Jian-bo, Zhoua Yong-heng, Zhaoa Yuan-dong, Ralisonc Bruno.* Characteristics and potential analysis of Madagascar hydrocarbon-bearing basins // *Journal China Geology*. 2019. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2096519219301089> (accessed: 05.12.2021).

2. Madagascar Oil SA won the mining license of the Tsimirolo block 3104 (in French) // *Ecofin*. 16 April 2015. Retrieved 15 December 2015. URL: <https://www.bizcommunity.com/Article/196/608/136708.html> (accessed: 05.12.2021).

3. Madagascar Oil. News. Appointment of Commercial Director. CISION PR Newswire. SINGAPORE, March 11, 2020. URL: <https://www.prnewswire.co.uk/news-releases/madagascar-oil-appointment-of-commercial-director-841748820.html> (accessed: 05.12.2021).

4. Давиденко И. В., Забродин В. Е., Дроздов В. П. Полезные ископаемые. Мадагаскар. Горная энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/mining_encyclopedia/Мадагаскар (дата обращения: 05.12.2021).

5. Grieco G., Merlini A., Pedrotti M., Moroni M., Randrianja R. The origin of Madagascar chromitites // *Ore Geology Reviews*. April 2014. Vol. 58. P. 55–67. URL: https://www.academia.edu/28721871/The_origin_of_Madagascar_chromitites (accessed: 05.12.2021).

6. Elsner H. The HiTi feedstock market – rutile, leucoxene and others. Deutsche Rohstoffagentur (DERA) in der Bundesanstalt für Geowissenschaften und Rohstoffe (BGR) Wilhelmstrasse 25–30 13593 Berlin. March 2020. 978-3-948532-32-1 (PDF). URL: https://www.deutsche-rohstoffagentur.de/DE/Gemeinsames/Produkte/Downloads/DERA_Rohstoffinformationen/rohstoffinformationen-47-en.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed: 05.12.2021).

7. Toliara Mineral Sands Project, Madagascar. Mining Technology. 2020. URL: <https://www.mining-technology.com/projects/toliara-mineral-sands-project-madagascar/> (accessed: 05.12.2021).

8. Aziana Ltd.'s Manantenina Bauxite Project sale not to proceed // Bauxite – News. 07-Aug-2015. URL: <https://www.alcircle.com/press-release/aziana-ltd-s-manantenina-bauxite-project-sale-not-to-proceed-22319> (accessed: 05.12.2021).

9. Возобновление производства на никелевом проекте Амбатовый на Мадагаскаре // Argusmedia. News. 29.03.2021. URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2200260-output-resumes-at-madagascars-ambatovy-nickel-project> (accessed: 05.12.2021).

10. André-Mayera A.S., Ramiandrisoa N., Vanderhaeghe O., Reisberg L., Rabeandrasana S., Zimmermann C. Re–Os geochronological constraints on the Dabolava mesothermal gold occurrence, Madagascar: Implications for the Ikalamavony sub-domain deposition age // *Journal of African Earth Sciences*. June 2014. Vol. 94. P. 119–112. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1464343X14000314> (accessed: 05.12.2021).

11. *2016 Minerals Yearbook. MADAGASCAR* [Advance Release]. U.S. Department of the Interior, U.S. Geological Survey, August 2021. URL: <https://myb3-2016-ma.pdf> (accessed: 05.12.2021).

12. Сайт австралийской компании Bass Metals Ltd. URL: <https://www.bassmetals.com.au/projects/> (accessed: 08.11.2021).

13. Мадагаскар: остров драгоценных камней. Драгоценные и полудрагоценные камни Мадагаскара. URL: <https://okamne.com/>

article/70-madagaskar-ostrov-dragocennyh-kamnej.html (дата обращения: 05.12.2021).

14. *Schwarz D.* Emeralds from the Mananjary region, Madagascar: Internal Features // GEMS & GEMOLOGY. 1994. URL: <https://www.gia.edu/doc/Emeralds-Mananjary-Region-Madagascar-Internal-Features.pdf> (accessed: 05.12.2021).

15. *Dirlam D. M., Laurs B. M., Pezzotta F. and Simmons W. B.* Liddicoatite Tourmaline From Anjanabonoina, Madagascar // GEMS & GEMOLOGY 2002. Vol. 38, No. 1. P. 28–53. Gemological Institute of America. URL: https://www.researchgate.net/publication/260075739_Liddicoatite_Tourmaline_From_Anjanabonoina_Madagascar (accessed: 05.12.2021).

S.V. Pichugin

MINERAL RESOURCE BASE OF THE REPUBLIC OF MADAGASCAR AND POSSIBLE AREAS OF BILATERAL COOPERATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the geological structure and mineral resource base of the Republic of Madagascar. As shown in a study by experts from the exploration company OZGEO, the country's subsoil contains the richest in terms of diversity and volume of mineral resources, highly valuable and strategic raw materials: oil and gas, coal, uranium, iron, chromium, titanium, tin, copper, nickel, aluminum, gold, rare metals and rare earths (Li, Be, Ta, Nb, Sc, REE, V, Zr), barite, graphite, muscovite. Reserves of an extensive list of precious and ornamental stones are concentrated in Madagascar. Of these, the most significant are: sapphire, ruby, emerald, colored beryls, amethyst, citrine, garnets, colored tourmalines, kunzite, labradorite, and other ornamental stones. It is noted that the geological and economic characteristics of a number of minerals have not yet been sufficiently identified, and cooperation in the field of exploration of oil and gas, coal, uranium, iron, chromium, titanium, barite and gold is promising, taking into account the accumulated experience of cooperation with Russia. In general, according to OZGEO experts, the Republic of Madagascar has favorable economic conditions for the development of the mining industry.

Key words: Republic of Madagascar, Russia, mineral resource base, minerals, oil and gas potential, gold, coal, uranium, iron, chromium, titanium, barite and gold, precious stones

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТРАНСФЕР В РЕГИОНЕ СУБСАХАРСКОЙ АФРИКИ

Аннотация. Рассматриваются проблемы культурного и религиозного трансфера на примере перемещения инокультурных реалий в традиционную африканскую культурную среду. Рассматриваются взаимовлияния культуры-донора (культуры европейских метрополий) и культуры-реципиента (на примере стран Африки к югу от Сахары). Подчеркивается трагический для автохтонных культур характер этого влияния. Сделан акцент на агрессивном культурно-цивилизационном воздействии Запада на африканские страны южнее Сахары, отмечено, что воздействие осуществлялось под религиозными знаменами христианства, за которыми угадывалась политическая подоплека. Рассмотрены два тезиса для обоснования приобщения африканцев к ценностям «цивилизации» и к истинам христианства: Первый – идея об универсальности западной морали. Второй тезис оправдывал жесткие меры колонизаторов в соответствии с дилеммой американского теолога Вогамана: эффективные формы стратегии не могут быть нравственными, а нравственные формы поведения не могут быть эффективными.

На основе богатого эмпирического материала, на малоизученных африканских источниках, на специальной африканской теологической литературе показана уникальная картина мира африканца, система африканской этики. Сделан вывод, что столкновение западного христианства с африканской культурой сделало неизбежным их взаимное изменение.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, религиозный трансфер, колониально-миссионерский проект, культурные коды, афрохристианство, традиционные верования, этика, идентичность, африканская теология, протестные движения, пророки, харизматическое лидерство, синкретизм.

¹ aida.moseyko@mail.ru

Методология культурного трансфера позволяет рассматривать ситуацию перемещения и воздействия инокультурных реалий в африканскую традиционную культурную среду в свете условий и контекста этих перемещений. Особенно важное значение в африканских условиях имеет религиозный трансфер, то есть перенос, перемещение западного христианства на африканскую почву.

Явления, подобные религиозному трансферу в Африке, неоднократно происходили в мировой истории, но не были отрефлексированы как трансферы. Эти явления имели неоднозначные обоюдные реакции и последствия, но в них, как правило, присутствовал драматический компонент.

В последние несколько столетий заметно глубочайшее воздействие западной цивилизации на различные цивилизации мира. Существенно, как отмечает А. Дж. Тойнби, что именно Запад нанес удар – и очень сильный – по этим цивилизационным мирам. Необходимо также отметить, что агрессивное культурно-цивилизационное воздействие Запада осуществлялось под религиозными знаменами христианства, за которыми угадывалась политическая подоплека [1, с. 156, 178–181].

Деятельность христианского миссионерства, начавшаяся в Африке в отдельных районах с XV–XVI веков, занимает в истории континента противоречивое, но скорее негативное место.

В 1622 г. Ватикан создает Конгрегацию пропаганды веры, которая постепенно начинает заниматься руководством и помощью миссионерским организациям. Но еще долгое время деятельность миссионеров сводилась к чисто формальному, часто насильственному обращению аборигенов в христианство. В любом случае религиозный трансфер проявился в перемещении западного христианства из западной культурной среды в иную, чуждую среду – африканскую, далекую не только географически, но и культурно, ментально, психологически.

Ранние миссионерские опыты чаще всего были неудачными, африканцы отторгали чуждые им религиозные проповеди и самих миссионеров. Относительных успехов достигали миссионеры, если они пребывали в составе военных экспедиций или купеческих групп, организующих торговые фактории. В этом случае миссионеры имели либо военную поддержку, либо поддержку купцов, в торговле с которыми были заинтересованы африканцы. Но и в этом случае обращение носило внешний характер.

Активная христианизация Африки южнее Сахары приходится на конец XIX века. В 1989 г. во многих африканских странах торжественно отмечалось столетие христианства в Африке. В конце XIX века происходит массовый контакт между двумя резко отличающимися друг от друга культурами – автохтонной и христианской западной, между двумя различными мирами со своими мыслительными формами, моделями мира, способами мироощущения, со своими ценностями, нормами, образами жизни. Естественно, что эти два мира не поняли друг друга. Миссионеры, преисполненные значимости своей цивилизаторской миссии и важностью задачи спасения заблудших народов, вскоре столкнулись с непроницаемостью автохтонных культур, которые они не понимали и не принимали, считая дикарскими, варварскими, примитивными. Проповеди христианского вероучения также встречали у африканцев непонимание, даже враждебность. Несовместимыми с африканскими ценностями, африканской психологией и миропониманием оказались семейно-брачные нормы, понятия о грехе, о загробном возмездии и др. В результате в традиционном мифологическом пантеоне миссионерам зачастую отводилась роль антропоморфного носителя враждебной силы, способной, если ее не нейтрализовать, внести опасную дисгармонию в жизнь социума.

В XIX в. религиозный трансфер приобрел новый характер, он был подкреплён важнейшим фактором – поддержкой

колониальной администрации с ее мощными силовыми структурами: полицией, судами, тюрьмами, правом смещать неугодных вождей, мобилизовывать людей на принудительные работы в жесточайших условиях.

Формально обращение в христианство не было принудительным, но колониальная система имела множество рычагов воздействия на африканцев. Колониализм и христианство выступали в единстве, поддерживая друг друга. Как говорит персонаж романа камерунского писателя Монго Бети «Бедный Христос из Бомба» миссионер отец Дрюмон: «...Вы нас защищаете, а мы подготавливаем для вас почву, обрабатываем умы, делаем людей покорными...» [2, с. 182]. Этот роман представляет интереснейший культурологический материал, к которому мы будем обращаться неоднократно. Автор – Монго Бети (Александр Бийиди) – сам до 14 лет воспитывался в католической миссии и пишет о том, что сам видел и пережил. Правда, образ отца Дрюмона, по словам автора, вымышленный, его речи – идеи самого автора, но все остальное списано с натуры. «На моих глазах, – говорит далее Дрюмон, – чуть ли не все миссионеры вступают в сговор с европейцами, с колонизаторами, это происходит здесь с какой-то фатальной неизбежностью и всегда оказывается предательством по отношению к чернокожим» [2, с. 182].

Важным условием осуществления религиозного трансфера является местный контекст, который благоприятствует евангелизации или, наоборот, затрудняет ее, делает непрочной. Эта дилемма является серьезной проблемой в истории христианизации Африки. А.А. Кара-Мурза ставит эту проблему, приводя труднообъяснимые факты быстрой и устойчивой христианизации некоторых регионов на фоне крайне неудачных опытов в других местах. Объяснения сторонников «прамонотеистической школы» малоубедительны и давно подвергнуты критике. Объяснения быстрой христианизации «огнем и мечом» также нереальны [3, с. 176–177].

Разумеется, миссионеры, как католические, так и протестантские, часто использовали недостойные методы: угрозы, подкуп, шантаж, обман. Но такие методы приводили к непрочному обращению. Миссионеры создавали «христианские деревни» из сирот, изгоев, нарушивших нормы обычного права, то есть людей, выпавших из традиционной общинной среды. Но это все полумеры. А.А. Кара-Мурза находит одну из причин массовой и быстрой евангелизации африканцев в дневниках миссионера-протестанта Г. Ричардса. В 1886 году в районе, где он безуспешно пытался обратить крестьян в христианство, вспыхнула сонная болезнь, вызвавшая многочисленные жертвы. Местные целители, знахари, вожди оказались бессильны перед бедствием. Тогда кто-то вспомнил, что миссионер умеет лечить людей. Крестьяне бросились к нему за помощью. За короткое время миссионер сумел помочь больным, остановить распространение болезни и этим снискал огромное уважение и веру в его сверхъестественные силы. В результате за короткий срок миссионер обратил в христианскую веру более семисот африканцев [3, с. 177–178].

Глубокий анализ двух противоположных ситуаций трансфера, основанных на реальных фактах, дает Монго Бети в своем романе. Первая ситуация – район племени *тала* (страна *тала*). Район расположен вдали от города и дорог, жители выращивают какао и продают его греческим купцам. Они хорошо обеспечены, в деревнях царят мир и покой. Некоторые из них приняли христианство. Как объяснил отцу Дрюмону местный законоучитель (учитель Катехизиса), они хотели понять секреты могущества белых, их технические секреты. Однако священник не открыл никаких секретов. То, что он говорит о Боге, душе, о загробной жизни, они знали задолго до него. Они поняли, что священник таков же, как все белые, – он тоже хочет получить побольше денег. Жители страны *тала* сами открыли один секрет – это деньги. За деньги уже многие купили себе велосипеды, швейные машины, а может быть когда-нибудь купят и автомобиль, а то и самолет. Как заметил

Дрюмон, *тала* приняли христианство из любопытства, но через несколько месяцев отвернулись от него. Верующими оставались некоторые женщины, которых привлекала красота католических обрядов.

Вторая ситуация – район недалеко от миссии и от шоссе. Деревни, расположенные вдоль шоссе, полностью христианизированы, жители ходят в церковь, исповедуются, причащаются, оказывают уважение священнику. Однако отец Дрюмон горько замечает: «... но ведь именно их особенно безжалостно косит колонизация, ничуть не уступающая ужасным эпидемиям чумы... Принудительные работы, поборы, телесные наказания, тюрьма без суда и следствия...». Отец Дрюмон вынужден признаться, что их обращение скорее формальное, вызванное защитной реакцией. «Веруют ли они в самом деле или обращаются ко мне просто за утешением?» – задается вопросом Дрюмон [2, с. 50].

Монго Бети приводит и еще один пример успешной евангелизации. Это деятельность реального, легендарного чернокожего священника, аббата Жана Бита, завоевавшего невероятную популярность своей энергией, умением проповедовать доступно и убедительно, но главное – его способностью творить чудеса [2, с. 78–79]. Для традиционного африканца – деревенского жителя – чудесными иногда являются простые вещи: «оживление» радиоприемника путем замены батарейки или успокаивание боли при помощи болеутоляющей таблетки.

Приведенные нами четыре ситуации, в которых происходил религиозный трансфер, позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, все эти ситуации свидетельствуют, что в первые десятилетия массовой евангелизации, предпринятой колониальными державами, африканское население духовно не было готово к принятию новой веры. Эта вера была чужда африканцам, она противоречила их мировоззрению, которое было достаточно развито, их картине мира и ценностям,

прежде всего нравственным. Поэтому даже в успешных случаях религиозный трансфер оказывался непрочным и недолговечным.

Во-вторых, в ситуации религиозного трансфера очень важным является местный, конкретный контекст, то есть условия места и времени. В двух приведенных случаях таким контекстом стало *бедствие*: вспышка сонной болезни (в первом случае) и местоположение деревень вблизи от шоссе и от города, то есть в зоне активности колониальной администрации (во втором случае).

В-третьих, для успешности религиозного трансфера необходимы некие духовные нити, связки принимающего культурного комплекса с культурой воздействующей. Такими связками стали чудеса, сотворенные чернокожим аббатом, ибо явление чуда входит в комплекс религиозно-мифологических верований африканцев. Такой духовной связкой стало и исцеление больных, и профилактика распространения тяжелой болезни. Вообще практика исцеления, в которой африканцы усматривают элемент чудесного, очень важна в Африке.

В-четвертых, в религиозном трансфере очень важна роль личности. Почитание аббата Жана Бита и доверие, которым он пользовался у прихожан, объяснялось обаянием его личности, а также его расовой близостью.

Прошло не одно десятилетие, прежде чем африканский мир начал принимать христианство, возникли очаги культурно-исторического синтеза, анклавов новой афрохристианской синкретической религии, формирование которой не закончено и сегодня.

Христианство представлено в Африке практически во всех своих деноминациях. Это православие (как монофизитское, так и византийское), католицизм, протестантство, как в своих «классических» формах (кальвинизм, лютеранство, англиканство и т.д.), так и в относительно новых (адвентисты седьмого дня, пятидесятники, баптисты, иеговисты). Однако

для того, чтобы оно было принято в негро-африканском мире, воспринято африканским менталитетом, стало частью африканской культуры, должны были измениться как христианство, так и сам африканский мир.

Культурный трансфер в своем результате обычно приводит к изменениям – как культуры-реципиента, так и культуры воздействующей. В то же время существенно отметить, что религиозный трансфер невозможен без изменения двух воздействующих друг на друга сторон, и история евангелизации Африки об этом свидетельствует. Самое раннее изменение христианства, его африканизация была чисто внешней, она проникает в формы христианских ритуалов: традиционные танцы и песнопения под музыку тамтамов, с использованием африканских ритмов. Такая африканизация, хотя и носит в основном внешний характер, очень важна для восприятия христианства простыми людьми.

Важнейшей проблемой религиозного трансфера является перевод религиозных текстов – проповедей, Катехизиса – на языки принимающей культуры. В начале евангелизации это приходилось делать самим миссионерам. Они изучали местные языки и проповедовали на них, что представляло немалые трудности. Самой сложной проблемой, не решенной до наших дней, явились переводы Библии на местные языки.

Библия была переведена и издана в первые годы евангелизации Африки. Этот перевод был осуществлен миссионерами с помощью антропологов, входивших в состав колониальной администрации. Но качество этого перевода было невысоким. В XXI в. в Африке развернулась критика этих переводов и требование осуществить новые качественные переводы Библии и другой религиозной литературы на местные языки.

Серьезной проблемой религиозного трансфера в Африке был процесс африканизации внутри христианских конфессий. Процесс африканизации предполагает, прежде всего, создание клира из местных уроженцев. К настоящему времени

подавляющее большинство священников, высших иерархов, руководителей сект и религиозных христианских движений – африканцы.

Однако сам процесс африканизации клира был долгим и сложным. Первым этапом была подготовка преподавателей Катехизиса, называемых законоучителями. Эта подготовка шла в миссионерских школах. Наиболее успешные ученики, хорошо сдавшие экзамены, могли стать законоучителями, которых либо оставляли работать в миссионерской школе, либо посылали в деревни, где были христиане, для работы с детьми.

Для подготовки священников вначале тщательно отобранных выпускников миссионерских школ посылали в Европу. Позже разные конфессии стали создавать свои духовные училища, как правило, закрытые и со строжайшей дисциплиной [3, с. 179–183]. Так в африканском обществе возникла религиозная элита.

Процесс формирования священнослужителей из местного населения привел к возрастанию интереса к учебе, тяге к знаниям. В некоторых колониях антропологи и этнологи совместно с миссионерами вели работу по созданию письменности на основе латинского алфавита. Особенно успешно такая работа была проделана на Мадагаскаре, где христианство было принято раньше, в первой половине XIX в. В 1823 г. был утвержден латинский алфавит и началось обучение грамоте на малагасийском языке. В 1827 г. англичанами была оборудована типография и стала выходить религиозная литература, а также учебники и словари. Желание учиться было огромным, научиться писать и читать хотели даже старики [4, с. 37–38].

Таким образом, религиозный трансфер, несмотря на свою драматичность в Африке, привел к изменению народного сознания, его развитию. Однако глубокой, затрагивающей души людей христианизация еще не стала.

Более глубокий процесс – это введение христианства в мир африканской культуры, поиски возможных встреч основных истин христианства с традиционными мифо-

религиозными представлениями. Процесс этот сложный, болезненный и долгий, продолжающийся и в наши дни. Очень важным в этом процессе являются изменения в африканской культуре.

Следует остановиться на наших подходах к культуре вообще и к африканской культуре в частности. Культура, как известно, явление многофакторное, многоаспектное. В определениях культуры (которых сотни) обычно обращается внимание на тот или иной аспект культуры. В данной статье культура понимается как система правил, программ. Подобное понимание культуры достаточно широко представлено у многих ведущих ученых. Так, академик В.С. Степин пишет: «Культура может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности... обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [5, с. 73].

Известный антрополог Клиффорд Гирц понимает культуру «... как набор контрольных механизмов... (того, что компьютерщики называют “программами”), управляющих поведением» [6, с. 127].

Современный американский психолог и культуролог японского происхождения Дэвид Мацумото определяет культуру «...как динамичную систему правил, эксплицитных и имплицитных, установленных группами с целью обеспечить свое выживание, включая установки, ценности, представления, нормы и модели поведения, общие для группы, но реализованные различным образом каждым специфическим объединением внутри группы, передаваемые из поколения в поколение, относительно устойчивые, но способные изменяться во времени» [7, с. 31].

Можно сделать вывод, что каждое сообщество имеет свои программы, универсальные, но выступающие в каждом социуме в специфической конфигурации; программы своеобразно

осуществляются в каждом сегменте культуры (в этике, религии, искусстве, политике и т.д.); программы динамичны, они способны приспосабливаться к ситуации, развиваться и изменяться во времени. Эти программы формируются на базе информации, полученной в социальном опыте сообщества. Они включают представления, знания, верования, идеалы, потребности, установки, ценности и смыслы, а также сложившиеся в обществе образцы поведения, правила, нормы, запреты, обычаи и ритуалы. Вся эта информация, различающаяся в каждом сегменте культуры и, соответственно, в каждом роде культурной деятельности, усваивается каждым поколением, служит основой его жизнедеятельности и общения (коммуникации) и передается следующим поколениям через воспитание и образование.

Этот непрерывный и сложный процесс невозможен без систематизации и шифрования, предпринимаемых человечеством.

Очевидно, информация, культурно значимая для сообщества, организации или группы (национально-этнической, конфессиональной, гендерной, профессиональной, субкультурной и т.д.), фиксируется и закрепляется в неких ценностно-смысловых блоках или комплексах. Эти блоки или комплексы находят выражение в знаково-символических системах. Данные конструкции получили в гуманитарном знании в последние десятилетия название культурных кодов. Понятие «культурный код» связано с исследованиями Ролана Барта, а также с работами французских структуралистов – Леви-Стросса, Фуко, Кристевой.

Понятие «культурный код» не имеет строгой дефиниции. Р. Барт пишет: «Само слово “код” не должно здесь пониматься в строгом, научном значении термина. Мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры» [8, с. 455–456].

Теория культурных кодов может иметь широкое применение в религиоведении, антропологии и культурологии. В нашем исследовании теория культурных кодов применена в отдельных моментах: прослеживается взаимодействие различных кодов, а также их изменение в сторону пограничности.

Культурные коды, обладая спецификой в каждом сегменте культуры, постоянно взаимодействуют, оказывая влияние друг на друга. Например, изменение политических кодов, вызывая перемены в политике, оказывает влияние на правовые коды и, соответственно, на законодательство. Особенно велико значение кодов религии, ибо они, включая в себя мировоззренческие смыслы, формируют культурную матрицу обществ.

В социумах, подобных африканским, религиозные коды оказывают самое широкое воздействие на политические, правовые, нравственные коды, коды искусства и соответствующие виды культурной деятельности.

«Африканская жизнь, – пишет нигерийский исследователь Д. Оджо, – вообще насковзь пропитана религией. Не будет преувеличением сказать, что религия является не просто неким комплексом африканской культуры, но катализатором других комплексов» [9, р. 158]. Это объясняется прежде всего тем, что мировоззрение, сформировавшееся в доколониальной традиционной Африке, было преимущественно религиозно-мифологическим. Можно выделить основные черты этого мировоззрения.

Во-первых, это признание онтологического единства мира. В африканской традиции нет образа раздвоенного мира: небесного – земного; идеального – материального; живого – неживого; мыслящего – немыслящего. Мир един, целостен, и, хотя в нем существуют различные, иногда противоположные субстраты, они гармонично взаимосвязаны. Так, гармонично взаимосвязаны жизнь и смерть. По существу, смерти и нет, есть инобытие в статусе предков, которые остаются членами

социума, с которым они взаимодействуют. Со временем предки возвращаются в земную жизнь в облике новорожденных.

Отсюда, во-вторых, существенной частью мировоззрения и религиозной практики является культ предков.

В-третьих, в основе традиционного африканского мировидения лежит жизнеутверждающее начало. Его суть в признании существования жизненной силы (жизненной энергии), которую человек должен приумножать. Все мировоззрение «от Бога до песчинки», как полагает Л. Сенгор, наделено жизненной силой [10, р. 204]. Этот принцип – наличие жизненной силы, ее значение и всеобщность – является главным в африканском миропонимании. Отношение к жизни в африканском обществе произвело глубокое впечатление на великого гуманиста А. Швейцера, проработавшего врачом в Африке несколько десятилетий. Он сформулировал это впечатление как «благоговение перед жизнью» и представил эту формулу как основу своей этики [11].

В-четвертых, согласно африканскому мировидению, все в мире упорядочено и расположено в строгой иерархии. Эта иерархия в различных этнических культурах представлена в форме лестницы, кругов, или, как на юге Африки, – в виде сферы. Центром этой сферы и источником жизненной силы является Бог. В ближайшем к Богу круге располагаются люди, обладающие наибольшей жизненной силой. Но этот круг – круг людей – неоднороден, он состоит из предков, имеющих больше жизненной силы, старейшин, вождей, мужчин, женщин. Далее располагаются животные, растения, реки, камни, озера, скалы. Жизненной силой Бог наделяет всех, но ее количество и качество неодинаковы. Например, вожди и старейшины имеют больше силы, чем рядовые общинники, мужчины – больше, чем женщины, люди – больше, чем животные. Чем шире круги и дальше от центра сферы – тем меньше жизненной силы. В то же время все круги сферы и все ее

компоненты соединены гармоничными, партиципальными связями и могут воздействовать друг на друга [12, р. 90–91].

Интересно понимание роли Бога и человека в этой африканской схеме мироздания. Высшее божество выполняет главную роль распределителя жизненной силы, после чего оно нечасто вмешивается в дела людей. Как правило, с ним не связаны основные обряды и ритуалы, которые могут проводиться в честь других, более мелких божеств и духов, воздействующих на жизнь людей постоянно.

Очень важная роль отводится человеку. Он не только приумножает жизненную силу, создавая семьи и производя потомство; он, по словам африканского богослова Габриэля Сетилене, образует как бы магнитное или радиолокационное поле, распространяя свое влияние и, будучи сопричастен к жизненным силам мира, способствует их увеличению. Он выраживает заботу, ухаживает за скотом, обрабатывает камни и т.д. [13, р. 13]. Поэтому многие африканские ученые представляют африканскую картину мира как антропоцентричную, в отличие от теоцентричной картины мира в христианстве. Роль человека в мироздании понимается очень широко. Во всеобщих взаимосвязях в мире участвуют не только ныне живущие, но и ушедшие в мир иной предки, которые способны помогать своим сородичам, делиться с ними присущей им жизненной энергией, ибо они несут за них ответственность. Ответственность несут друг за друга все члены сообщества. Жизненная сила, полученная от Бога, усиливается не только сверху. Все члены сообщества помогают друг другу и этим способствуют приумножению жизненной силы.

Общие представления о мире находят отражение в общественных отношениях, определяя их сущность и нравственный характер. Нравственные понятия, прежде всего о добре и зле, связаны с благоприятными или неблагоприятными условиями существования социума и людей в нем, с развитием и процветанием жизни [14, р. 115–116].

Критерием добра в африканской этике является то, что способствует развитию жизни, зло понимается как разрушение жизни.

Коротко очерченная картина мира, существующая у африканцев, уже дает основание представить то потрясение, подлинный культурный шок, который они испытали при встрече с западно-христианской картиной мира, с христианскими представлениями о нравственности. При этом все христианские представления навязывались африканцам как единственно правильные. Следует, очевидно, сопоставить некоторые основные нравственные принципы африканцев с христианскими. Однако, прежде всего, необходимо обратить внимание на два основных тезиса, руководствуясь которыми западное христианство надеялось приобщить африканцев к ценностям цивилизации и к истинам христианства.

Первый тезис – идея об универсальности западной морали, которая была сформулирована в «проекте Просвещения» и сыграла в свое время значительную роль в борьбе за права человека. В то же время применение этого тезиса к условиям Африки (и других незападных обществ) привело к утверждению, что все отклонения от моральных принципов и норм, принятых на Западе, являются неправильными, варварскими, опасными и должны быть отвергнуты [15, р. 129–130].

Второй тезис касается морального поведения христианских посланников (проповедников-миссионеров). Этот тезис был очень четко сформулирован американским теологом Филиппом Вогаманом. Он пишет, что христианский проповедник сталкивается с дилеммой: эффективные формы стратегии не могут быть нравственными, а нравственные формы поведения не могут быть эффективными [16, р. 217–218].

На основе мировоззренческого различия африканцев и западных христиан (мы не останавливаемся на сущности западно-христианского миропонимания, так как этот вопрос достаточно известен) ясно, что основные этические представления будут резко отличаться друг от друга. Эти различия

определяются разными моральными критериями, вытекающими из мировоззренческих парадигм, из несовпадения культурных кодов, как религиозных, так и нравственных.

Основным критерием нравственного поведения для африканцев является развитие, укрепление жизни, приумножение жизненных сил в сообществе. Отсюда в центре нравственного поля оказывается человек, его жизнь и здоровье, индивид, но не существующий сам по себе, а индивид как член сообщества, связанный с сообществом многочисленными нерасторжимыми узами. Во всех африканских языках существует поговорка, на языке зулу звучащая как: *umuntu ngumuntu ngabantu* (человек становится человеком через людей) [12, р. 91]. Популярна в Африке формула философа и религиоведа Дж. Мбити, выдвинутая им как противоположность декартовскому тезису «Мыслю, следовательно, существую». Мбити говорит: «Я существую, потому что *мы* существуем, и, так как *мы* существуем, – существую и я» [17, р. 108–109]. Габриэль Сетилене уточняет эту формулу, утверждая, что суть бытия человека – это *соучастие* в делах друг друга и в делах общины (курсив наш. – А.М.) [13, р. 14].

Действительно, в африканской этике нормой является общинная солидарность, которая включает постоянную заботу сообщества о детях, о молодежи. Сообщество организует воспитание молодого поколения и оплату учебы, если семья бедствует. Заботой в сообществе окружено старшее поколение, а также вдовы, сироты, инвалиды и больные.

Интересно отношение к чужим – людям из другого этноса, беженцам из районов конфликтов, иностранцам. Нравственной нормой является в африканском обществе гостеприимство, дружелюбие к гостям. Спецификой африканской этики является возможность приема в сообщество беженцев, иностранцев, иноплеменников. Если эти пришельцы выражают желание поселиться в данном социуме, община, получив согласие всех членов, дает пришельцу новое африканское

имя, предоставляет ему жилье, может выделить землю для обработки. Если новый член сообщества проявляет доброжелательность по отношению к собратьям, готов работать и выполнять принятые в сообществе правила общежития, он становится своим, может вступить в брак и создать семью.

Таким образом, сообщество является центральным понятием африканской традиционной этики. Западные принципы, такие как автономность индивида; ценность свободы личности; христианские принципы индивидуальной ответственности индивида перед Богом; его личное духовное спасение, неприемлемы для традиционного африканского миропонимания, неприемлема и идея успеха как критерия развития личности и критерия нравственности.

В традиционной африканской этике специфично понимание как личности, так и сообщества. Личность в африканском обществе может быть реализована, но ее реализация возможна только в сообществе. Личность свободна, но ее свобода проявляется только в тех условиях, которые способствуют жизни, здоровью других членов сообщества. В конфликтах между индивидами свобода кончается там, где возникает угроза жизни одному из них. Сообщество является основой для идентификации личности. Традиционные африканцы скажут, что они являются лицами только определенного сообщества, иначе невозможно определить себя и другого. Африканский теолог М. Одойе пишет: «Африканцы признают жизнь как “жизнь-в-сообществе”. Мы можем по-настоящему идентифицировать себя, если мы останемся верны нашей общине, ее прошлому и настоящему. Понятие индивидуального успеха или неудачи является вторичным. Этническая группа, село, местность имеют решающее значение в оценке самого себя» [18, p. 110].

Специфично в Африке и понимание сообщества. Во-первых, сообщество понимается как совокупность ныне живущих, предков и будущих, еще не родившихся членов сообщества. Особое значение имеют предки. Они являются активными акторами сообщества. Члены общины поддерживают их

ритуалами и жертвоприношениями, им оказывают почести. Предки, в свою очередь, помогают своим живым сородичам в трудных обстоятельствах – во время засухи, мора скота, бесплодия женщины, тяжелой болезни. Проводятся ритуалы, цель которых – получить от предков совет, как излечить болезнь, вызвать дождь и т.д. На одном из таких ритуалов автор (А.Н. Мосейко) присутствовала на Мадагаскаре [4, с. 79–80].

Характерно, что африканцам чужды правила функционирования сообществ, в которых решения принимаются большинством голосов собравшихся.

В африканских социумах решения принимаются только в тех случаях, когда все участники обсуждения пришли к единодушному мнению. Особенно важен единогласный консенсус в обсуждении правил поведения в социуме и принятие решения. Многие вопросы в социуме решаются на Советах старейшин, состоящих из наиболее опытных и уважаемых людей, которым все сообщество предоставило право принимать решения. Однако наиболее важные вопросы, касающиеся жизни члена социума, обсуждаются всем сообществом. Это, например, обвинения в тяжких преступлениях – колдовстве, принесшем вред здоровью или жизни сородича; убийстве сородича или в других преступлениях против общественных законов. За подобные преступления грозят самые строгие наказания. Это может быть изгнание преступника из сообщества (что равносильно смерти) или даже казнь – крайняя мера, которая часто принимает форму ордалии (испытания ядом). В любых случаях решение не может быть принято, если хотя бы один из участников обсуждения не согласен с решением. Обсуждение может длиться не один день; идут разговоры или «болтовня» (как это называют западные авторы). Именно поэтому длительные заседания Совета старейшин или всего сообщества, на которых вырабатывается единодушное решение, получили наименование «палабры». В случаях длительных обсуждений принимаются во внимание все обстоятельства, связанные с обсуждаемым вопросом, – исторические,

психологические, нравственные, правовые, контекстуальные. Обсуждения с достижением общего согласия проявляются во всех случаях. Часто в результате длительных обсуждений рождаются новые традиции взамен устаревших [19, p. 130].

Такая этика дискурса может быть определена как «этика солидарной ответственности всех тех, кто способен рассуждать обо всех проблемах, которые обсуждаются». Это предполагает «базовое равенство» всех общающихся партнеров и их общую ответственность по поводу аргументов, которые, как и реплики, следует воспринимать всерьез» [20, p. 116].

Различия между африканской и христианской этикой как проявления противоположности культурных кодов обнаруживаются особенно ярко в понимании семейно-брачных отношений. Семье и браку в традиционно-африканской этике придается очень большое значение. Именно семья является той ячейкой, в которой реально осуществляется главный нравственный принцип – сохранение и развитие жизни.

Виды брака в Африке, нормы взаимоотношений мужчин и женщин, отношение к детям – вот вопросы, которые вызывали особенно негативное отношение у христианских миссионеров, прежде всего католических. На Западе, как правило, новая семья возникает после регистрации брака и у христиан после освящения брака в церкви – венчания. В период встреч африканцев с христианством (вторая половина XIX – начало XX в.) на Западе дети, рожденные до брака или вне брака, считались незаконнорожденными, что часто негативно сказывалось на их судьбе. Двусмысленным было и положение женщины, находящейся в незарегистрированных отношениях с мужчиной и особенно имеющей ребенка.

В Африке молодые люди, достигшие возраста зрелости и решившие вступить в брак, ставят в известность свои семьи. Семья в Африке, как правило, большая, она включает не только родителей и детей, но и братьев и сестер матери, их детей (в матрилинейных семьях, где счет родства ведется по

линии матери) или сестер и братьев отца и их детей (в патрилинейных семьях), а также бабушек, дедушек и других родственников. Если семьи согласны, молодые люди некоторое время присматриваются и привыкают друг к другу, сексуальные отношения в это время не возбраняются, приветствуется рождение ребенка, ибо это доказывает, что невеста не бесплодна. В некоторых этнических группах реализуется традиция «пробного брака» и определяются его сроки. Во время пробного брака семьи внимательно наблюдают за молодыми людьми, фиксируя их хорошие отношения, согласие или, наоборот, разногласия. По истечении намеченного срока обе семьи совместно обсуждают свои наблюдения, и, если они позитивны, принимают единогласное решение о возможности брака. После этого проводятся брачные ритуалы – и брак заключен.

Трепетным в Африке является отношение к детям. Дети – всегда радость, рождены ли они в браке, до брака или вне брака. Внебрачные отношения осуждаются прежде всего в патрилинейных семьях, ибо они путают счет родства. Но в любом случае осуждаются взрослые, а дети, рожденные в этих отношениях, принимаются с радостью, ибо дети – главное богатство для африканцев, они гарантия вечного круговорота жизни.

Для африканцев чужда христианская идея «первородного греха», которой противостоит идея жизненной силы – жизнеутверждающего начала африканского мировидения. Африканцами переосмыслиется и само понятие греха, ибо, по их мнению, это понятие может быть отнесено только к колонизаторам (а часто и к миссионерам), угнетающим африканцев.

Сталкиваясь с такими нравственными представлениями африканцев, миссионеры приходили в ярость. По их мнению, это было миропонимание дикарей, варваров и бороться с такими нравами было необходимо самыми жесткими методами.

Обратимся еще раз к роману Монго Бети. В романе «Бедный Христос из Бомба» [2] он нарисовал чудовищную по

своим методам борьбу миссионера отца Дрюмона с «варварскими» нравами жителей округа Бомба. Невест из округа он собирал в миссии; в сиксе они несколько месяцев должны были непрерывно трудиться во славу Бога и изучать Катехизис. Однако миссионеру было неизвестно, что девушек-невест по дешевке продавал их преподаватель Катехизиса сотрудникам миссии и другим клиентам. В результате сикса, по сути, превратилась в публичный дом, где девушки жили в ужасных условиях. Особенно преследовал миссионер девушек-матерей – позорил их и их семьи, запрещал девушкам церковное венчание, привлекавшее красотой обряда.

Особенное негодование у христианских «цивилизаторов» вызывает полигамный брак, распространенный во многих этнических группах. Согласно христианской доктрине, полигамия несовместима с Новым Заветом. Однако полигамный брак исходит из африканского миропонимания и африканских жизненных условий. Подробнее об этом пишет Б. Бюжо [21, p. 507–520].

Таким образом, африканская этика долгое время находилась в противоречии с западным христианским мышлением; противоречащими друг другу были принципы, ценности, стандарты этики, что ужесточало давление на африканцев. Христианские миссионеры, вступая в стовор с колониальной администрацией, совместно «крестом и плетью» насаждали западную культуру, уничтожая культуру автохтонную, одновременно разрушая образ жизни африканских народов, а часто и их жизнь. Альберт Швейцер, который с 1913 г. долгое время работал врачом в одном из самых глухих и опасных для здоровья районов Экваториальной Африки, наблюдал деятельность колонизаторов и христианских проповедников. В своих «Письмах из Ламбарене» он написал жестокую и горькую правду о том, что «с появлением европейцев, прикрывавшихся высоким именем Иисуса, немало племен и народов было стерто с лица земли, а другие начали вымирать или же

влачат самое жалкое существование... Великая вина лежит на нас и на нашей культуре» [22, с. 107].

Противоречия и столкновения западного христианства с африканской культурой, ее нравственными ценностями и нормами, коренные противоречия культурных кодов сделали неизбежными их взаимное изменение.

Очень важно отметить, что, очевидно, уже к началу религиозного трансфера традиционное мировоззрение (которым западные «цивилизаторы» нисколько не интересовались) эволюционировало и было достаточно сложным. В нем просматривались некоторые принципы, напоминающие христианские, в том числе нравственные. Такие факты были замечены и записаны во второй половине XX и в XXI в. африканскими учеными. Генезис этих принципов неизвестен. Разумеется, культура вообще и религиозно-мифологическое миропонимание в частности постоянно изменяются под влиянием жизненной практики. Возможно, что эти близкие к христианству принципы сформировались под воздействием генетической памяти, в которой сохранились следы первичной евангелизации XV–XVII вв., которая была поглощена автохтонной стихией и забылась. Коротко рассмотрим эти явления.

Так, профессор средневековой философии и богословской морали из университета Лованиум (Киншаса) Бенезет Бюжо анализирует поздние традиционные мифорелигиозные принципы народа *масаи*, а также *кикуйу*, *вананде* и др. «Согласно последним исследованиям, – пишет Бюжо, – в религиозных представлениях и принципах многих народов можно выявить некоторые близкие к христианству принципы, существовавшие до обращения этих народов в христианство. Так, масаи верят в Высшего Бога (*Нгаи*), которого они представляют как духовное существо, создателя всех вещей, вечное, всемогущее, всезнающее и милосердное [14, р. 114].

Согласно представлениям *масаев*, Бог *Нгаи* научил людей нравственному поведению, но первая пара (мужчина и

женщина) его нарушила. Тогда Бог дал людям десять обязательных для исполнения правил (заповедей), определяющих порядок их жизни. Однако эти заповеди своеобразны – они предполагают поведение, которое является хорошим (нравственным), если оно укрепляет свое сообщество и не распространяется на отношения с людьми из других сообществ. Так, третья заповедь запрещает кражу... но только у человека из своего сообщества, то есть у масая. Кража у представителей других народов не квалифицируется как кража. Такая парадоксальность объясняется тем, что масаи верят, что их собственность, прежде всего скот, даны Богом именно их сообществу [14, р. 114].

Б. Бьюжю большое внимание уделяет нравственным проблемам в традиционных верованиях. Он пишет о том, что в Кении пять гор, на которых, по преданиям, отдыхает Бог, посещая землю, символизируют пять нравственных идеалов, которые должен освоить человек. Он должен тщательно подготовиться – духовно и ритуально – перед восхождением на каждую из этих гор. Первая гора символизирует обязанности человека перед Богом как основу нравственной жизни. Остальные четыре горы определяют отношения между людьми. Только освоение пяти гор человеком знаменует достижение им нравственного совершенствования [14, р. 115].

Интересный материал о характере духовности в африканских традиционных верованиях до обращения в христианство представлен в статье африканского теолога-квакера Роберта Джума Вафулы [23]. Опираясь на дневники миссионеров, Р.Д. Вафула констатирует, что они находились в плену стереотипа, присущего западному мышлению. Его суть в том, что африканцы безнадежны просто потому, что их верования и поклонение Богу отличаются от западных. Но тогда вставал вопрос, что надо было делать с людьми, которые уже имели знание о Боге – Высшей субстанции? Означало ли это, что необходимо требовать от африканцев сменить свою религию на религию белых, и было бы это в таком случае признанием,

что религия белого человека лучше, чем религия черных африканцев? Означало ли бы это, что Бог белого человека является более цивилизованным и должен быть приближен к африканцам, чтобы те могли отказаться от нецивилизованного и дикого африканского Бога?

Итак, христианство было введено в уже достаточно богатую духовную жизнь африканцев. Как пишет Р.Д. Вафула, перед приходом белых миссионеров в Восточную Африку африканцы уже прочно уяснили сущность Бога, и понятие Троицы, судя по всему, присутствовало в их повседневном богослужении. Например, у *букусу*, этнической группы на западе Кении, Высшее Божество было представлено в трех ипостасях: *Wele Baba*, *Wele Mukhobe* и *Wele Murumwa* (Бог Отец, Бог Вестник и Бог Посланник).

Бог Отец, *Wele Baba*, был наделен различными атрибутами, похожими на те, что есть у Создателя. Имя Бога Вестника, *Wele Mukhobe*, имеет смысл наделения функцией общения от имени Господа. *Wele Murumwa* имеет атрибуты Святого Духа, который был отправлен к людям и который, будучи посланником, должен был раскрыть им великие тайны.

Число три было символичным и весьма почиталось в африканском религиозном опыте. Каждая из трех персонифицированных сущностей, упомянутых выше, была задействована в равной степени. Каждый раз, когда африканец или африканка уходили в путь на рассвете, они должны были войти в место поклонения, где в центре лежали три камня, чтобы попросить Бога Отца убрать злого бога *Wele Kubi* с их пути. Или, при отсутствии такого места, можно было постоять перед дверью своей хижины лицом к восходу и плюнуть три раза в направлении восходящего солнца.

Место поклонения было обозначенной территорией для совершения религиозных действий, что эквивалентно церкви, храму, мечети с символическими объектами на алтаре. Правило стоять лицом к восходящему солнцу отождествляло собой поклонение и благодарность Богу за рассвет. То же самое

символизировал акт совершения плевков три раза, каждый из которых делался в честь одного из трех лиц Троицы в честь их общей благосклонности к человечеству. Слюна в понимании африканцев является священной и аналогична святой воде в христианской церкви.

По мнению Р.Д. Вафулы, африканская (традиционная) теология очень богата и по-прежнему значима для африканцев. Возможно, поэтому Бог миссионеров до сих пор дистанцирован во многих аспектах африканского христианства. Христианскому Богу нужно поклоняться в определенном месте и порядке, произносятся тексты молитв и слушая проповеди в определенное время, в то время как африканские сверхъестественные субстанции всегда с человеком, они вплетены в его повседневную практическую жизнь.

Можно сделать заключение, что традиционный мифо-религиозный субстрат не был нейтрализован христианством, он в той или иной форме присутствует во всех формах африканской теологии.

Период в существовании религиозного трансфера, о котором мы писали до сих пор, был периодом шокового состояния принимающей стороны, периодом покорности и отчаяния африканцев, как реакции на агрессивное и жестокое вторжение Запада. «Для Черной Африки, – писал камерунский теолог Ф. Эбуси-Булага, – это был опыт полного поражения и дезорганизации жизненных принципов» [24, р. 11].

Усиление интенсивности колониально-миссионерского воздействия: разграбление африканских стран, вытеснение их культуры, навязывание европейских языков, введение европейских принципов в обиход – все это привело к изменению массового сознания. Возникли протестные настроения и очаги протестных движений. Эти изменения совпали, а возможно, и содействовали переменам в отношении к принимаемому христианству.

Известный американский религиовед-афроамериканец Чарльз Эрик Линкольн в 60-х гг. XX в. в предисловии к книге

теоретика «черного христианства» Дж. Коуна «Освобождение» назвал религиозный христианский опыт чернокожих уникальным ответом на ситуацию навязывания им христианской религии в результате взаимодействия двух культур. «...Они приняли религию белого человека, – писал Ч.Э. Линкольн, – но не всегда выражали ее таким же образом, как белый человек. Задачей черного человека – вероятно, это стало его судьбой – было сформировать, воссоздать предложенную ему христианином-рабовладельцем религию так, чтобы переделать ее, приблизив к чаяниям своей собственной души, к своим собственным специфическим потребностям» [25, p. 8].

Эти слова с полным основанием можно отнести к африканцам, которые также приняли религию христианина-колонизатора, но адаптировали ее к своим условиям, переосмыслили основы христианского вероучения, по-своему «прочли» Библию, внесли в христианскую догматику собственные религиозные смыслы, порожденные традиционным религиозным опытом. Так возник синкретический религиозный опыт, стало складываться синкретическое восприятие христианства. Религиозный синкретизм мы понимаем как сочетание в одном религиозном идейном комплексе и в одной религиозной практике разнородных влияний и смыслов.

Существенно отметить, что в Африке религиозный синкретизм принял форму специфической христианской мифологии.

Христианскую мифологию академик С.С. Аверинцев определяет как «комплекс представлений, образов, наглядных символов, связанных с религиозной доктриной христианства и развивающихся во взаимодействии этой доктрины с фольклорными традициями народов» [26, с. 598].

Распространение христианства в условиях колониальной экспансии создает возможность «для новых вариантов христианской мифологии в связи с новым этническим субстратом» [26, с. 599]. В результате «возникают гибридные формы

мифологии, где отдельные христианские мотивы соединяются с локальным “экзотическим” материалом и переосмыслиются в ином контексте» [26].

Протестные движения, возникшие в Африке в конце XIX – начале XX в. в связи с характером африканского мировосприятия, принимали религиозно-мифологические формы в рамках христианства. Афрохристианские движения и возникновение афрохристианских организаций характерно для всей Африки, но наиболее ранняя и интенсивная концентрация этих процессов обнаружилась прежде всего в Южной Африке и бассейне реки Конго.

На юге Африки в 80-х гг. XIX в. возникло движение за создание независимых туземных христианских церквей. Религиозная форма этого движения в качестве содержания имела четко оформленный комплекс идей и настроений. Это был и антиколониальный протест, и разочарование в тех, кто принес новую веру, – в белых, которые воспринимались африканцами как антиподы христианских ценностей. Моральные христианские принципы не были чуждыми для менталитета африканцев, они согласовывались с принципами традиционной этики. Поэтому африканцы особенно остро ощущали противоречивость деятельности белых колонизаторов, их жестокость, несправедливость, высокомерие, не соответствующие христианским истинам. Отношение к колонизаторам распространялось на миссионеров, которым они не доверяли, проповеди которых воспринимались как лицемерные и лживые. Именно поэтому аборигены юга Африки, оставаясь христианами, выступали против христианских институтов белых и хотели создать свои независимые христианские церкви черных.

Это народное движение возглавили местные интеллигенты, как правило, это были священники и учителя, окончившие миссионерские школы, некоторые из них учились за границей или в духовных училищах, занимались самообразова-

нием. Они пользовались библейскими образами в своих проповедях и своеобразных «пророчествах», так как хорошо знали Библию, изданную на местных языках.

Поводом для отделения церкви от белых христиан стал случай расовой дискриминации в 1892 г. на конференции духовенства методистской церкви. Среди методистского духовенства было немало священников-африканцев. Когда им запретили заседать вместе с белыми, пастор-африканец Мангена Мата Моконе собрал единомышленников и вместе с ними покинул методистскую церковь. В том же году он организовал в Претории новую религиозную общину, назвав ее «Эфиопская церковь».

Название это было заимствовано из Библии, где Африка упоминается под названием «Эфиопия» в контексте, истолкованном Моконе как пророчество об образовании самостоятельной африканской церкви [27, с. 239–241].

Помимо «Эфиопской церкви», организованной Моконе, возникло довольно много подобных церквей, носивших то же название. Увеличение их числа было связано с проблемами, которые порождало все ухудшающееся положение коренного южноафриканского населения. Страдающие от жестокой эксплуатации, втянутые в сферу капиталистических отношений и вырванные из традиционного образа жизни, африканцы постепенно обретали новое миропонимание. Зарождалось общеафриканское национальное самосознание. Одна из религиозных организаций – «Африканский христианский союз» – в 1896 г. приняла программный манифест из 20 пунктов. Манифест, в частности, поставил задачу: «...настойчиво и неуклонно проводить политику в осуществлении лозунга “Африка для африканцев” и стремиться с помощью молитв и объединенных усилий к образованию африканской христианской нации, идущей, божьей милостью, своим путем» [27, с. 239–241].

Следует отметить, что «эфиопское» движение, в годы после издания в Южно-Африканском Союзе (ЮАС) убийственного для крестьян закона «о земле для туземцев», сотрудничало с первой политической организацией – Африканским национальным конгрессом (АНК).

Помимо движения эфиопских церквей в ЮАС существовало движение «Сионских» сект.

В отличие от эфиопских церквей, которые существенно не изменяли христианскую религиозную догматику, «сионские» церкви руководствовались идеей, что европейцы извратили Библию, а истинный ее смысл должны раскрыть именно угнетенные африканцы. Этот смысл (можно сказать, «народная теология») основывался на Ветхом Завете. Новый Завет был объявлен изобретением белых. Проповедники этого типа сект считали африканцев «избранным народом», подобным израильтянам, и утверждали, что Бог освободит африканцев от гнета европейцев, как некогда освободил израильтян от египетского плена.

Синкретическая догматика – народная теология, различаясь в отдельных положениях, имела общие основные принципы во всех афрохристианских движениях. Прежде всего, это своеобразное понимание центра догматики – положения о Троице – идеи о троичности и триединстве Бога. Бог-отец (безначальное первоначало) понимается африканцами как первоначальная безликая субстанция космогонических мифов (Амма у *догонов*, Ейо – у *фанг*, Зо у *бамбара* и т.д.) или как верховное божество (Занahari у *малагасийцев*, Мебеше у *фанг* и др.). В то же время не во всех политеистических культурах Африки можно четко выявить верховное божество. По поверьям африканцев, главное божество, осуществив свою функцию – наделение жизненной силой, не вмешивается больше в жизнь людей. Другие функции – помощь людям, контроль за их поведением и т.д. выполняют многочисленные второстепенные божества, духи (добрые или злые), предки

(подобные богу). Именно поэтому в народной теологии Всевышнему Богу – первой ипостаси Троицы – не уделяется много внимания.

Гораздо важнее для африканцев христология (учение о Христе), которая занимает в африканской мифологической теории значительное место и является самой эмоционально насыщенной частью синкретической догматики.

В христианском богословии Иисус Христос – вторая ипостась Троицы. Христологический догмат является центральным принципом христианского вероучения, акцентируя внимание, с одной стороны, на явлении Бога в Христе, с другой – на «вочеловечении» Христа, разделившего не только все естественные условия человеческого существования, но и специально неблагоприятные социальные условия (рождение в стойле для скота, преследование властей, поношения, побои и унизительную казнь путем распятия на кресте) [26, с. 601–603; 28, с. 306–307].

Все эти детали догмата о Христе стали в Африке основой для формирования различных вариантов мифологических представлений о его личности, роли в истории Африки и в ситуациях, адекватных для тех или иных синкретических движений. Прежде всего, не только в идеологии синкретических движений, но и в каноническом христианстве в Африке Иисус Христос предстает как чернокожий человек, так или иначе связанный с историей Африки. Идеи первородного греха и искупления Христом вины людей не воспринимаются африканцами и как бы «опускаются» в их христианской мифологии. Зато идеи противостояния римским властям, идеи протеста (усугубленные в африканской интерпретации) особенно близки угнетенным африканцам, которые видят в этих идеях аналогию со своим собственным положением, что порождает надежды на свое освобождение.

Вообще идея богочеловека, являющегося как бы посредником между Всевышним Богом и миром людей, является самой освоенной и распространенной в различных вариантах

мифологизированной теологии африканцев. И одновременно догмат об Иисусе Христе подвергся самым вольным интерпретациям. На Юге Африки, где особенно интенсивным было угнетение и унижение европейцами коренных жителей, эти интерпретации приняли особенно резкие формы. Во многих южноафриканских сектах Христос воспринимается только как Бог белых людей, который не может помогать чернокожим, как не помогают им белые колонизаторы. Эта идея возникла и во многих других странах Африки. Чаще всего это положение мифологии о Христе оформляется следующим образом: Христос – это Мессия, который пришел в мир людей, чтобы спасти угнетенных белых иудеев. Бог пришлет другого Мессию, который спасет угнетенных чернокожих. Эта формула обосновывает не только ожидание нового Мессии, но и наделение его полномочиями лидера (пророка) синкретического движения.

Так произошло в зулусской Назаретской баптистской секте. Секта образовалась в 1911 г. во главе со священником из крестьян Исайей Шембе. Исайя Шембе завоевал невероятную популярность своими проповедями, пророческими «видениями» и практикой исцеления людей. Назаретская секта привлекла тысячи африканцев и стала одной из самых значительных сект в ЮАС, что объяснялось, прежде всего, харизматической личностью Исайи. Он обладал убежденностью, добротой, самоотверженностью, огромным личным обаянием и другими достоинствами. Не случайно Исайя Шембе стал восприниматься верующими как Спаситель, новый Мессия. Многие называли его Иисусом Христом [27, с. 251–252, 265–266].

Своеобразно восприятие африканцами догмата о третьей ипостаси Троицы – «Святом Духе». Как образ этот догмат чужд африканцам, а сама идея интерпретируется ими очень своеобразно, но в соответствии с традиционными верованиями и обрядностью. Так, в африканских верованиях распространенной является тема вселения духа в человека. Это

может быть злой дух, вызывающий болезни, безумие, асоциальные поступки. Существуют и ритуалы, с помощью которых изгоняется злой дух и происходит исцеление человека. Вместе с тем в широко распространенном культе предков существует поверье, что дух человека может вселиться в человека по просьбе общины и исцелить больного. Явление вселения духа называется одержимостью, ему предшествует сложный ритуал.

«Святой Дух» как третья ипостась Троицы воспринимается африканцами как «богодуховность», способная вселиться в избранного Богом человека – пророка, нового Мессию или его апостола. Состояние транса (одержимость) такого человека, проявляющееся как дрожание тела, конвульсивное подергивание рук и ног, выкрикивание нечленораздельных звуков или неожиданно быстрый танец воспринимается как вселение «святого духа» – показатель богоизбранности данной личности. Состояние одержимости – характерный признак поведения практически всех лидеров афрохристианских движений.

Особенно важную роль в подъеме национально-освободительного движения сыграли пророческие секты в бассейне р. Конго в 20–50-е гг. прошлого века. В этом регионе возник напряженный очаг религиозно-политической активности населения. Способствовала этому напряжению экономическая и социально-политическая обстановка. В 1921 г. экономический кризис мировой системы империализма затронул и наиболее развитые районы Африки, каким был район Бельгийского Конго. Жестокая эпидемия усугубила и без того ухудшившееся положение крестьян, их недовольство.

Сочетание роста народного возмущения и наличия националистически настроенной элиты создало ситуацию, готовую к массовым выражениям протеста. Однако к массовому антиколониальному выступлению еще не были готовы ни народ, ни христианская элита. Естественной формой протеста в этих условиях стали религиозные формы, направленные

против религии белых колонизаторов. Они осуществлялись в рамках христианского вероучения, в его африканской версии. В результате появились религиозно-националистические движения, самым значительным из которых стало в 1921 г. движение Симона Кимбангу. Симон Кимбангу, принадлежавший к новой христианской элите, происходил из крестьян, в роду которых было много знахарей, целителей. Он окончил школу при протестантской миссии и, будучи умным человеком, хорошо изучил Библию и стал учителем Катехизиса, помощником миссионера. Несколько лет он проработал в Леопольдвиле (ныне Киншаса) и других городах, где активно общался со своими коллегами, а также, по некоторым сведениям, с американскими пропагандистами панафриканизма [29, с. 417].

С момента своего появления движение во главе с С. Кимбангу приобрело социально-политическую окраску. В книге конголезского историка Марсиала Синда «Конголезский мессианизм и его политические последствия» дается краткое изложение сути этого вероучения. Симону Кимбангу якобы во сне явился Бог и заявил, «что он станет посланцем Бога на земле и так же, как Христос, освободил белую расу, Магомет – арабов, так Кимбангу освободит черную расу... Он Мессия, ожидаемый народом *баконго*. Бог послал Кимбангу на землю, чтобы спасти людей и провозгласить их равенство; белый человек не будет отныне находиться в привилегированном положении» [30, р. 52].

Популярность Кимбангу достигла невиданных размеров. Кроме его пророчеств и речей с библейскими примерами на людей неотразимо действовал «открывшийся» в нем дар целительства и, как казалось очевидцам, вселение в него Святого Духа, так как во время своих действий Кимбангу начинал дрожать, входил в транс и в таком состоянии выкрикивал свои пророчества и призывы. Тысячи людей стекались в его деревню Нкамбу, провозглашенную «Новым Иерусалимом», чтобы послушать пророка Кимбангу и пойти за ним. Кимбангу пророчествовал о скором «конце света», когда предки

вернутся в мир людей и с ними для африканцев – божьих избранных – наступит вечное «царство свободы и справедливости».

Характерно, что в своих взглядах Кимбангу был довольно консервативен, однако его последователи – младшие пророки и народ – подхватывали эти пророчества, потому что они отвечали антиколониальным, антирасистским настроениям масс. Так возникла новая мифология, связанная с личностью Кимбангу, а позже и других пророков бассейна Конго. В развитии кимбангизма большое значение имела совершенно мифологическая идея об «освободительной миссии» американских негров, о «втором пришествии» черных братьев из Америки, в которой библейские сюжеты переплелись с культом предков и с многообразными взаимовлияниями Африки и чернокожей Америки.

После ареста Кимбангу мифология кимбангизма продолжала развиваться. Ее положения обозначены в публичном обращении к колониальным властям: «Наш божий посланник арестован, но он недолго будет оставаться в ваших руках. Если вы захотите его убить, он перейдет в другого. У вас был Иисус, которого тоже предал за тридцать монет один из собратьев. Иисуса больше нет, но у вас есть папа и священники, значит, он миллион раз воскрес. У нас будет то же самое. Если уйдет Кимбангу, у нас найдутся другие, чтобы его заменить» [29, с. 482].

И действительно, после смерти Симона Кимбангу его движение продолжало существовать, появлялись новые пророки, действующие от его имени или претендующие на роль преемников Кимбангу. Новый мощный импульс афрохристианским пророческим движениям дала Вторая мировая война и ее последствия. Наибольший резонанс получило движение во главе с пророком Симоном Мнади, называвшим себя прямым преемником Кимбангу. Порой он выступал и под его именем, как новое воплощение С. Кимбангу. Он явился инициатором создания независимой африканской церкви «Миссия негров»,

существующей и сегодня. В этой церкви также возникла идея об «освободительной миссии негров» как возвращении некогда покинувших Африку предков.

Надо отметить некоторые особенности, возникшие в религиозных представлениях сторонников движения Кимбангу. Это, во-первых, актуализация идеи культа предков и ее некоторое переосмысление. Во-вторых, переосмыслению подверглась идея Спасения души, которое стало пониматься не как посмертное воздаяние и Спасение души, а как реальное спасение, избавление от угнетения и расовой дискриминации в земной жизни. В-третьих, дальнейшее развитие получила африканская христология: образ Иисуса Христа воспринимается в кимбангизме в двух вариантах – либо как чернокожий Спаситель всех угнетенных, в первую очередь африканцев, либо как Спаситель только белых людей. Для спасения африканцев ожидается новый Мессия. Африканские пророки – Симон Кимбангу, Симон Мпади, Андре Мацуа, Исаяя Шембе – воспринимаются как новые Мессии, или Мессия в разных воплощениях.

Таким образом, перед нами новый вариант религиозного трансфера. Если первый вариант трансфера был поражением для принимающей культуры, то второй вариант – это протест принимающей культуры и начало двустороннего диалога. Этот диалог начала принимающая культура, опротестовав то, что ей предложил Запад, и начав вырабатывать свою стратегию.

Появление афрохристианства знаменовало не только рождение новой, во многом мифологизированной версии христианства, но и резкое изменение картины мира у многих жителей Субсахарской Африки. У этих людей существенно изменилось мировоззрение, а отсюда – изменились и культурные коды в сфере религии и этики.

Эти коды приобрели пограничный характер, их существование сконцентрировалось на границах ценностей, смыс-

лов, знаково-символических комплексов. Появились принципиально новые символы, например, чернокожий Иисус, Мадонна, апостолы, изображения которых активно демонстрируются не только в религиозной практике, но и, например, в так называемом «аэропортном искусстве», в рекламе, в изображениях на футболках и т.д.

Письменность, появившаяся у ряда африканских народов вместе с христианством, стала новой знаковой системой, что способствовало развитию культуры, появлению письменного права, литературы, а позже – науки.

К сожалению, уровень образования африканцев растет очень медленно, но меняются традиции. Участились случаи отказа молодежи от многих ритуалов, связанных с переходом из одной возрастной группы в другую. Многие молодые люди, особенно после обретения независимости, стали заниматься индивидуальным предпринимательством, что ослабляло их связи с общиной, хотя родственные и общинные связи еще очень сильны. Произошли изменения в семейно-брачных отношениях. В городских условиях преобладают небольшие семьи, хотя родители по-прежнему стремятся иметь много детей. Так как в городе чаще всего работает не только мужчина, но и женщина, это способствует укреплению нуклеарного брака.

Параллельно в Субсахарской Африке стали разворачиваться процессы формирования промежуточной, пограничной идентичности – религиозной и нравственной. В афрохристианской идентичности нет целостности самовосприятия. Человек называет себя христианином, но одновременно он чувствует себя частью своего, африканского мира с его богами и духами. Человек мучительно старается соединить в себе, согласовать эти две веры, и с трудом это ему удается, хотя при различных обстоятельствах на первый план выходит то одна, то другая.

Так же получается и с нравственностью. Молодые люди стремятся к новому, им хочется быть свободными в своем поведении, в своем выборе. И в городе они получают эту личностную свободу, свободу от патронажа со стороны семьи, рода, общины. Часто они находят работу в иностранной компании, погружаются в мир с иными отношениями и ценностями. Они идентифицируют себя с этим миром. Но их собственный, африканский мир тоже им дорог, в нем теплота и надежность; без родных, без привычных связей молодой человек чувствует себя одиноким и незащищенным. Таким образом, современный африканец – член афрохристианской общины или сотрудник иностранной компании – оказывается между двумя культурными кодами, на их границах. В этом состоит сущность пограничной идентичности.

Кроме изменений индивидуальных идентичностей значительные изменения произошли с коллективной идентичностью. Многие группы обрели новые, современные коды, изменились существующие, отсюда изменилась идентификация с ними. Значительные перемены произошли в гендерных группах.

Существенно изменились гендерные конгломерации и их взаимоотношения. Особенно стоит отметить новые социальные роли, которые получили женщины в семье и в обществе. После обретения независимости женщины оказались наиболее активными. В городах они стали осваивать новые профессии: медсестер, акушерок, стенографисток. Образованные женщины пошли в бизнес, стали работать во властных структурах различного уровня [31–33].

Большой интерес представляют женские организации. Некоторые из них осуществляют многочисленные функции – от ритуально-религиозных до социальных: защиты своих прав в семье и социуме; овладения тайнами врачевания и т.д. [34, с. 11–18].

В городских условиях трудно выжить семьям, приехавшим из деревни. Женщины объединяются, создавая кассы взаимопомощи, организуют небольшие швейные мастерские, детские ясли и садики. Эти организации не регистрируются в органах власти, им не помогает государство, они строятся исключительно на принципах традиционной этики, общинной солидарности и взаимответственности [35, с. 119–131]. В таких группах гармонично сочетаются традиционные культурные коды с современными, ибо новые, современные условия жизни определяют и новые социопрограммы. Коллективная идентичность в этих группах также носит пограничный характер.

Группы солидарности, создаваемые под определенные задачи, часто функционируют совместно с религиозными афрохристианскими общинами, а иногда существуют при них, под патронатом этих общин.

Сходными с группами взаимопомощи являются женские неправительственные организации по защите прав женщин в семье, в современной социальной жизни. Они защищают право на образование и квалифицированную медицинскую помощь.

Итак, принимающая и во многом пострадавшая сторона религиозного трансфера в Африке по прошествии десятилетий заняла активную позицию – протестную, диалоговую и креативную.

Необходимо отметить, что после завоевания независимости и победы над апартеидом в ЮАР в Субсахарской Африке произошли серьезные изменения в афрохристианстве. Появилась профессиональная афрохристианская теология, изменились задачи и функции религиозных общин. Эти изменения коррелировались не только с переменами в Африке, но также и в западном христианстве.

Практика прозелитизма, активное сопротивление незападных стран агрессивному воздействию Запада привели к серьезным переменам в христианстве, чему способствовали и

процессы секуляризации на самом Западе. С конца XIX – начала XX в. происходит постепенное реформирование сущности христианства, его функций и задач. Прорывом в этом плане стал «социальный евангелизм» – движение, возникшее в американском протестантизме на рубеже XIX–XX вв. В теоретической основе этого движения лежало переосмысление догматики ортодоксального протестантизма – понимание Бога как трансцендентного миру, пребывающего по ту сторону человеческого опыта. Была принята концепция имманентности Бога миру и его присутствия в человеческом опыте. В социальном евангелизме было акцентировано внимание на христианской этике. Ведущей для социального евангелизма была программа социального реформирования посредством «идей и духа Христа». Теоретики этого движения выдвигали нравственные идеалы справедливости, милосердия, гуманизма. Они призывали церковь расширить свою общественную деятельность. Ими предлагалась идея о том, что церкви не следует ограничиваться заботой об индивидуальном спасении. На церкви лежит ответственность за состояние общества в целом, за его коренное преобразование на основе этики Христа [36, с. 613–614].

Идеи социального евангелизма оказали влияние на все христианство. Особенно важными они оказались для афрохристианства, подтвердив актуальность его обращения к социально-этическим проблемам. Идеи социального евангелизма способствовали процессу образования в Африке, прежде всего в Южной, независимых афрохристианских церквей.

Таким образом, с начала XX века и до наших дней идет процесс взаимного влияния передовых форм западного христианства и афрохристианства, а также процесс поворота западного христианства к проблемам современного мира, его изменения в духе христианской этики.

Все больше внимания уделялось идеям социальной справедливости, вопросам о специфике моральных проблем

в различных культурах, вопросам взаимоотношения утилитарности и нравственности. Опыт прозелитизма в Африке и в других незападных обществах доказал неверность тезиса об универсальности западной морали и показал необходимость понимания и терпимости по отношению к моральным ценностям и нормам в незападных культурах [37, р. 50].

Тезис о взаимоотношении морали и эффективности прозелитизма также был отвергнут, ибо признано, что эффективность является «сомнительным нравственным понятием» и сопоставление некорректно [38, р. 89].

Серьезные перемены в христианстве коснулись как протестантской деноминации, так и католической. На II Ватиканском соборе (1963–1965 гг.) была выдвинута социальная доктрина католической церкви. Появились различные альтернативные теологии. Большое значение для Африки и других стран Третьего мира имеют «Теология освобождения», «Политическая теология». Основателями «Политической теологии» были протестантские теологи Доротея Зёлле, Юрген Мольтман и католический теолог Иоганн Баптист Мец.

Иоганн Баптист Мец в своей статье «Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии» [39, с. 83–131] говорит о неизбежности «антропологической революции» – революции «...против нас самих, нашего властительски-эксплуататорского самосознания...» [39, с. 109]. Эта революция «...есть одновременно и неизбежно практическая основа нашей солидарности с бедными и закабаленными нациями нашей Земли» [39, с. 58].

И.Б. Мец ставит вопрос о Второй Реформации церкви, которая, по его мнению, должна быть инициирована «снизу», со стороны церквей в странах Третьего мира. «В этих церквях, – пишет он, – сформировались так называемые базисные общины, которые в наиболее существенных направлениях своей деятельности стремятся снизу, в базисном, так сказать, слое церкви и общества соединить мистику с политикой, религиозную практику с общественной... Так христиане из

объекта социального и церковного попечения становятся субъектами своей собственной религиозно-политической истории» [39, с. 121].

Мец утверждает, что Вторая Реформация, т.е. обновление церкви, придет не из Западной Европы, она придет от освободительного христианства бедных церквей планеты, ибо именно в их недрах тяжело и трудно пробивает себе дорогу новый опыт христианской свободы, опыт справедливости и милосердия.

Юрген Мольтман в своей статье «Теология надежды» [40, с. 132–148], опираясь на библейские постулаты о «вере», «любви» и «надежде» как краеугольные камни христианской этики, ставит вопрос: «На что я могу надеяться сегодня?» «Многие надежды, – пишет он, – развеялись в прах во второй половине XX в. И все же одна идея оказалась довольно живучей – это идея исторического освобождения и эсхатологического спасения». Эсхатологическое спасение Мольтман понимает не только как спасение души, но и как «реализацию эсхатологической правовой надежды, гуманизацию человека, социализацию человечества, мир всему Творению» [40, с. 136–137].

Мольтман констатирует, что в мире уже существуют христианские движения, порожденные политической теологией, которые ставят перед собой задачи восстановления социальной справедливости, освобождения от эксплуатации, дискриминации, спасения от бедности, унижения и бесправия. Это такие движения, как «теология освобождения» (Латинская Америка, США, Африка), «черная теология» (США – борьба афроамериканцев за права и свободы; ЮАР – борьба против апартеида), а также «африканская теология».

Таким образом, современное христианство готово учиться у Африки и других незападных стран, и оно учится у них.

Религиозный трансфер, столь драматичный и трудный, в своем развитии вошел в более спокойную стадию. Однако конфронтация сторон этого трансфера, конфронтация Африки

и Запада, не закончена, хотя и приняла иные формы. По-прежнему в Африке отвергается «миссионерское послание». «Колониально-миссионерский проект» прекратил существование, но его последствия сохранились [41]. В результате и принимающая, и воздействующая стороны религиозного трансфера в Африке существенно изменились. Изменились их культурные коды. По нашему мнению, религиозно-этические коды, как в Африке, так и на Западе, приобрели устойчивый пограничный характер. Однако специфика этих границ различна: в Африке границы культурных кодов пролегают между традиционным и современным, автохтонным и чужим, мифологическим и научным.

Для западного христианства также характерна граница между устаревшим и новым, но главной пограничной проблемой представляется нравственное пространство христианства, как теоретическое, так и практическое. В нем зыбкая граница колеблется между созидающим и разрушающим, нравственным и безнравственным, гуманным и антигуманным. И это очень серьезная и опасная метаморфоза. Исследования с использованием методологии трансфера будут продолжены.

Литература

1. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории: сборник. М.: Изд. гр. «Прогресс» – «Культура», 1996.
2. *Бети Монго.* Бедный Христос из Бомба. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
3. На стыке культур: Христианское миссионерство и становление новой элиты в Экваториальной Африке (конец XIX – начало XX в.) // Африка: Взаимодействие культур. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989.
4. *Мосейко А. Н.* Мадагаскар. Особенности культурно-цивилизационного развития. М.: Институт Африки РАН, 2018.
5. *Степин В. С.* Человеческое познание и культура. СПб.: СПбГУП, 2013.

6. *Гирц Клиффорд*. Влияние концепции культуры на концепцию человека. Антропология исследований культуры. Интерпретации культуры. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
7. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
8. *Барм Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
9. *Ojo J. O.* Yoruba culture: A Geographical Analysis. L., 1966.
10. *Senghor L. S.* Liberté. I. Négritude et humanisme. Paris, 1964.
11. *Schweizer Albert.* Kultur und Ethik. München: C.H. Beck, 1923.
12. *Shutt A.* Ubuntu as the African Ethical Vision // African Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics. University of Kwa Zulu – National Press, 2009.
13. *Setiloane G. M.* African Theology. An Introduction. Johannesburg. Skotavill Publishers, 1986.
14. *Bujo B.* Is There a Specific African Ethnic? Towards a Discussion with Western Thought // African Ethnics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics, University of Kwa Zulu – National Press, 2009.
15. *Richardson N.* Can Christian Ethics Find its Way and Itself in Africa // African Ethnics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics, University of Kwa Zulu – National Press, 2009.
16. *Wogaman F. P.* A Christian Moral Judgement. Philadelphia: The Westminster Press, 1976.
17. *Mbiti J. S.* African Religions and Philosophy. London: Heinemann, 1969.
18. *Odoyuye M.A.* The value of African religious beliefs and practices for Christian theology // Theology on Route, ed. by K. Appiah-Kubi and S. Torres. Maryknoll, N.-Y.: Orbis Books, 1979.
19. *Bujo B.* African Theology in its Social Context. Nairobi: Paulines Publications Africa, 1990.
20. *Apel K.* Diskurs und Verantwortung. Das Problem des Übergangs zur Postkonventionellen Moral. Frankfurt: Suhrkamp, 1988.
21. *Bujo B.* Christmas God becomes Man in Black Africa. Nairobi: Publications Africa, 1995.

22. Швейцер А. Письма из Ламбарене. Ленинград: Наука, 1978.
23. Вафула Роберт. На перекрестках западных традиций квакерства в Африке. URL: <http://quakers.ru/квакерство-в-африке> (дата обращения: 17.07.2022).
24. Eboussi-Boulaga F. Le crise du Muntu. Autenticite africaine et philosophie. Paris: Presence Africaine, 1977.
25. Lincoln C.E. Preface. Cone J.H. Liberation. A Black Theology of Liberation. N.Y., 1970.
26. Аверинцев С. С. Христианская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Москва – Минск – Смоленск, 1994. Т. 2.
27. Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М.: Наука, 1964.
28. Кырляшев А. И. Христорология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010.
29. Кара-Мурза А. А. Синкретизм в Западной и Экваториальной Африке // Традиционные и синкретические религии Африки. М.: Наука, 1986.
30. Sinda M. La messianisme congolais et ses incidence politiques. Paris: Payot, 1972.
31. Гришина Н. В. Гендерные аспекты урбанизации (На примере африканского населения ЮАР). Т. 7. М.: Институт Африки РАН, 2007. (Сер. «Гендерные исследования»).
32. Гришина Н. В. Женщины в современном сенегальском обществе // Сенегал вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2018.
33. Гришина Н. В. Гвинейские женщины: традиции и современность // Гвинея вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2019.
34. Ксенофонтова Н. А. Женские тайные общества // Женские организации как форма политического и социокультурного самовыражения (африканский опыт). М.: ИНАФР РАН, 2017.
35. Иванченко О. В. Женские группы взаимопомощи в современных городских сообществах Дар-эс-Салама // Женские организации как форма политического и социокультурного самовыражения (африканский опыт). М.: ИНАФР РАН, 2017.
36. Митрохин Л. Н. Социальный эвангелизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. М.: Мысль, 2010.
37. Macintyre A. After Virtue (sec. ed.) Indiana: University of Notre Dame Press, 1984.

38. *Maclagan W.* The Theological Frontier of Ethnics. London: Allan and Unwin, 1961.

39. *Мец И. Б.* Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии // Вопросы философии. 1990. № 9.

40. *Мольтман Ю.* Теология надежды // Вопросы философии. 1990. № 9.

41. *Мосейко А. Н., Харитонова Е. В.* Современная философско-теологическая мысль в Африке: особенности и проблемы // Вопросы философии. 2020. № 5.

A.N. Moseyko

RELIGIOUS TRANSFER IN THE SUB-SAHARAN AFRICA REGION

Abstract. The problems of cultural and religious transfer are considered on the example of the transfer of foreign cultural realities into the traditional African cultural environment. The mutual influences of the donor culture (the culture of the European metropolises) and the recipient culture (on the example of sub-Saharan Africa) are considered. The tragic nature of this influence for autochthonous cultures is emphasized. The emphasis is placed on the aggressive cultural and civilizational impact of the West on sub-Saharan African countries, it is noted that the impact was carried out under the religious banners of Christianity, behind which the political background was guessed. Two theses are considered to justify the introduction of Africans to the values of “civilization” and to the truths of Christianity: The first is the idea of the universality of Western morality. The second thesis justified the harsh measures of the colonialists in accordance with the dilemma of the American theologian Vogaman: effective forms of strategy cannot be moral, and moral forms of behavior cannot be effective.

On the basis of rich empirical material, little-studied African sources, and special African theological literature, a unique picture of the world of an African, a system of African ethics, is shown. It is concluded that the collision of Western Christianity with African culture made their mutual change inevitable.

Key words: sub-Saharan Africa, religious transfer, colonial missionary project, cultural codes, Afro-Christianity, traditional beliefs, ethics, identity, African theology, protest movements, prophets, charismatic leadership, syncretism.

DOI: 10.22363/11665-2022-255-282

Е.В. Харитонова

ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ. ОБРАЗЦЫ «WOMEN STUDIES» НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТА МАКЕРЕРЕ (УГАНДА)

Аннотация. Неравенство женщин в системе научных исследований и образования в странах африканского континента действительно существует. Об этом говорят цифры и факты. Доказательством может быть меньшая, по сравнению с мужчинами, поддержка научных и образовательных грантов. Женщины в науке получают не только меньшие зарплаты, но и меньшее финансирование своих научных исследований. Образцы «Women Studies» рассмотрены на примере Университета Макерере (Уганда).

Эта тенденция существует не только в Африке, но и в других странах. В области естественных наук женщины представлены очень слабо. Среди разработчиков искусственного интеллекта женщины составляют всего 22 %. Сегодня женщинам присуждено менее 4 % научных Нобелевских премий. Еще одна тревожная перспектива – основная представленность женщин в профессиях, которые со временем исчезнут. Так, к 2050 г. половина всех рабочих мест, существующих в современном мире, станут невостребованными, и это затронет 70 % женщин в разных странах. В Африке проблема также стоит чрезвычайно остро.

Существует система ограничений и табу, стереотипов и предрассудков, которые находятся в традиционных установках на женщину как жену и мать, место которой в семье, и это создает серьезные трудности для девочек в получении даже начального образования. Семьи редко поощряют интерес своих дочерей к науке. Так, только 1 % респондентов сказали, что их родители поддерживали их в получении образования и выборе научной карьеры.

В связи с этим в настоящее время активно развиваются африканские и международные программы стипендиальной, грантовой и административной поддержки женщин в образовании, науке и предпринимательстве в странах Африки.

Ключевые слова. Африка, гендерное неравенство, женские исследования, университетMakerере, программы поддержки африканских женщин

Что мешает женщинам прийти в науку? Проблема гендерного неравенства в Африке

Проблема гендерного неравенства в сфере науки, образования и предпринимательства стоит в странах Африканского континента чрезвычайно остро. Не случайно в базовом документе Африканского союза «Повестка дня на 2063 год» в стремлении № 6 – «Африка, чье развитие зависит от людей, опираясь на потенциал, предлагаемый Африканским народом, особенно его женщинами и молодежью...» в качестве цели обозначено «полное гендерное равенство во всех сферах жизни», расширение прав и возможностей женщин и девочек (п. 17) [1]. Это означает, что усиленное внимание будет уделяться программам поддержки девочек и женщин, в том числе и в науке.

Неравенство женщин в Африке в системе научных исследований действительно существует. Можно с уверенностью говорить о существующих механизмах дискриминации женщин в области научных исследований. Еще одной тревожной перспективой является чрезмерная представленность женщин в профессиях, которые исчезнут в ближайшем будущем. Таким образом, к 2050 году половина всех рабочих мест, существующих в современном мире, станет невостребованной, и это затронет 70 % женщин в разных странах, включая страны Африканского континента [2]. Но ученых непросто заменить искусственным интеллектом. Данная перспектива порождает необходимость побуждать девочек и девушек делать карьеру в науке. Однако пока только около 30 % женщин в странах

Африки к югу от Сахары занимаются исследованиями и разработками [3].

Женщины, работающие в науке, получают не только более низкую заработную плату, но и меньшее финансирование своих исследований. Кроме того, по мнению ученого-химика из университета Претории (Tshwane University of Technology, Pretoria, South Africa) Вирджинии Мафору Мабуатсела (Mabuatsela Virginia Maphoru), хотя на женщин-ученых в Африке перестали смотреть как на исключение, «но все же женщине приходится доказывать, что она может работать не хуже, а то и лучше мужчин» [4].

Следует подчеркнуть, что научная карьера начинается со школьной парты. Что же в настоящее время мешает африканским женщинам не только прийти в научную сферу и сделать в ней карьеру, но и получить даже начальное и среднее образование? Прежде всего, это система ограничений и табу, стереотипов и предрассудков, которые заложены в традиционном отношении к женщине как к жене и матери, хранительнице домашнего очага, в связи с чем африканские семьи очень редко поощряют интерес своих дочерей к науке. Социальные и культурные барьеры, стереотипы и предрассудки в обществе, бедность, ранние браки – именно эти основные причины препятствуют получению девочками образования. Девочек в странах Африки принято выдавать замуж очень рано [5]. Вследствие этого они не могут закончить школу и вырваться из порочного круга бедности и социального неравенства. В Центральной Африке только 8 % девочек заканчивают среднюю школу [6].

Африканки, сделавшие успешную карьеру в науке, отмечают, какую большую роль в их успехе сыграло окружение – поддержка семьи, школьный учитель, далее помощь и поддержка научного руководителя. Вот один из положительных примеров – интервью молодой женщины, ученого-химика из Претории, участницы Международной конференции «МКР –

Механизмы каталитических реакций» в Светлогорске Калининградской области, Мабуатсела Вирджинии Мафору, корреспонденту Учительской газеты. На вопрос, как она выбрала научную карьеру, Мабуатсела рассказала: «Моя старшая сестра мечтала стать физиком – и стала! Это было необычно для девочки, но вся семья ее поддерживала. Благодаря ей я поняла, что наука – это здорово!» [4]. Кроме поддержки семьи в ее жизни был учитель математики, который сыграл ключевую роль в выборе ее пути в науке – давал ей дополнительные задания, советовал читать научно-популярную литературу, помог определиться с выбором университета. По ее мнению, «нет ничего более увлекательного, чем наука!» [4]. К сожалению, не у всех африканских девочек обстоятельства складываются так благоприятно. Как правило, если африканская семья решает дать образование одному или нескольким детям, то это будут мальчики: во-первых, по традиции, место женщины в семье, во-вторых, семье бывает трудно отказаться от помощи дочери по хозяйству [7].

В числе причин затрудненного доступа женщин и девочек к науке и образованию также находится недостаточная государственная и иная финансовая поддержка¹, а также разрывы между существующими законами и несовершенством их исполнения. Правительства стран Тропической Африки провозглашают равное право на начальное образование для девочек и мальчиков, но, поскольку образование не является бесплатным, всеобщим и обязательным, де-факто большинством девочек это право не может быть реализовано. Девочки чаще, чем мальчики, бросают школу.

Существует мнение, что «любое законодательно закрепленное право в Африке – в основном привилегия обеспеченных слоев. Для остальных, особенно для малообеспеченных или не имеющих собственного дохода женщин, даже при

¹ В рамках данной статьи мы не рассматриваем различия между регионами Африки.

наличии законов, которые гарантировали бы им те или иные права, эти права останутся недоступной абстракцией, ассоциирующейся только с неподъемной оплатой адвокатов и выплатой официальных и неофициальных судебных пошлин» [7].

Если девочка получает начальное или среднее образование, то, вероятнее всего, она будет занята в так называемых профессиях «женского типа»: в здравоохранении – в качестве младшего медицинского персонала, а также на инженерно-технических должностях [7]. В науке принято выделять традиционно «женские» и традиционно «мужские» дисциплины. К традиционно «мужским» отраслям относятся естественные и технические науки. При этом российские исследователи отмечают следующую тенденцию: «мужские» науки становятся более «мужественными», а «женские» – более «женственными» [8]. Ниже мы увидим, что африканские женщины достигают больших успехов в том числе в «мужских» сферах, а премии, награды и стипендии, о которых пойдет речь, также поощряют успехи женщин в этих научных областях, объединенных аббревиатурой STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics), где естественные науки и инженерные предметы объединены в единую систему [9].

Наука является весьма специфической сферой занятости в любой части мира, в том числе и в африканских странах. Она требует определенного уровня образования, аналитического склада ума и как внутренней, так и внешней мотивации заниматься исследовательской деятельностью. По словам профессора из Сенегала Бонавентура Мве-Ондю, члена Всемирной федерации научных работников, «подлинное университетское образование не только способствует формированию личности во всех ее многочисленных когнитивных, эмоциональных, моральных и социальных аспектах, но, прежде всего, должно привести студентов и молодых исследователей в состояние производства новых знаний» [10]. Мотивационный параметр,

а точнее недостаточность мотивации, также является барьером на пути женщин в науку. Помимо желания и страсти к научно-исследовательской работе, которая в том числе формируется в социуме, необходим целый ряд внешних условий, таких как престиж научных профессий, а также достойная оплата труда ученых. Именно о недостаточном финансировании научных исследований [11] и о различиях в оплате труда мужчин и женщин в науке чаще всего упоминается в программах, посвященных гендерному равенству в странах Африканского континента [12]. По словам профессора Бонавентура Мве-Ондо, «речь идет о необходимости дополнительного финансирования профессий в научном секторе, от которого молодые люди, как правило, убегают, потому что там плохо платят» [10].

Вопрос престижа науки в африканских странах также весьма существенен. Так, по данным портала *Quora*², большинство родителей-африканцев, имеющих возможность дать образование своим детям, предпочитают для них профессию врача, юриста или инженера, и основными причинами этого являются два фактора: деньги и престиж. По словам одного из пользователей *Quora*, который прожил 15 лет в Африке, «мы приходим из культуры, где память о крайней нищете сохранилась. И люди всегда пытаются исправить в жизни своих детей то, что пошло не так в их собственной... Если они чувствуют, что их собственная жизнь была хаотичной, они пытаются привить структуру и дисциплину. И если они чувствуют, что нехватка денег была самой большой проблемой, с которой они столкнулись, они стараются сделать так, чтобы деньги не были проблемой для их детей... они в первую очередь хотят, чтобы у их детей была не самореализация, а деньги. А деньги

² Quora – социальный сервис обмена знаниями, веб-сайт вопросов и ответов его пользователей из разных стран, основанный в июне 2009 г. Адамом д’Анджело и Чарли Чивером – одним из создателей Facebook. Общий объем венчурных инвестиций в компанию составляет не менее 150 млн долл. США. Среди инвесторов – Питер Тиль.

обычно приходят от стабильной работы» [13]. Наука, по мнению пользователей *Quora*, не относится к числу занятий, отвечающих двум названным критериям (как и профессия музыканта и профессия футболиста, о которой часто мечтают африканские дети), и поэтому родители, как правило, не поддерживают желание своих детей заниматься наукой. В их глазах это несерьезно и не обеспечит их детям финансовой стабильности.

Недостаточная представленность в науке женщин несет в себе также серьезную «угрозу демократии» и ведет к нарушению принципа инклюзивности, считают представители организаций-лидеров в области гендерного равенства. Они отмечают, что среди разработчиков искусственного интеллекта женщины составляют всего 22 %, что свидетельствует о существовании механизмов дискриминации в области научных исследований. По словам исполнительного вице-президента Фонда L'Oréal-ЮНЕСКО Александра Пальта, «невидимость женщин в науке по-прежнему слишком значительна. Сегодня женщинам присуждено менее 4 % научных Нобелевских премий, а «стеклянный потолок» все еще имеет место в области исследований. Мы должны стремиться к глубокому преобразованию институтов обучения и продвижения женщин-исследователей, всей системы в целом... Пока в науке сохраняется гендерный дисбаланс, мы не сможем решить проблемы инклюзивного общества или найти решение научных проблем, с которыми сталкивается мир» [2].

В то же время следует отметить, что именно в Африке программы женской эмансипации и гендерного равенства реализуются весьма энергично. Активность африканок в науке и их представленность в исследовательской сфере нередко превышает показатели стран «эмансипированного Запада» [14]. Известно, что больше всего женщин-ученых работает в странах Северной Африки, и в Европе средний показатель задействованных в исследованиях женщин ниже, чем в ряде арабских стран. По данным Портала новостей университетов

мира (University World News), в Северной Африке общая доля ученых женского пола в вузах и исследовательских центрах – самая высокая в мире и составляет около 36,5 % от общего числа исследователей в шести государствах этого региона [14]. По данным Центра статистических, экономических и социальных исследований в исламских странах (Statistical, Economic and Social Research and Training Centre for Islamic Countries – SESRIC), женщины-ученые составляют около 36,5 % от общего числа исследователей в шести государствах Северной Африки. В Тунисе показатель количества женщин-ученых равен 47 %, в Египте – 42,3 %, в Судане – 40 %, в Алжире – 34,8 %, в Марокко – 30,2 % и в Ливии – 24,8 % [15].

Школа женских и гендерных исследований УниверситетаMakerере (Уганда) [16]

В самый большой и старейший Университет УгандыMakerере входит Школа женских и гендерных исследований (MSWGS). В составе Школы – Университетский колледж гуманитарных и социальных наук Makerере (CHUSS) [16]. Школа предоставляет учащимся различные программы в области социальных и гендерных исследований. Выпускникам предлагается программа PhD по специальности «Социальная справедливость» и двухгодичная магистерская программа в области гендерных исследований. В руководстве колледжа гуманитарных и социальных наук представлен целый ряд женщин. Так, первое лицо – директор колледжа гуманитарных и социальных наук – доктор Джозефина Ахикир. Декан Школы женских и гендерных исследований – доктор Сара Ссали. Декан Школы психологии – доктор Грейс Кибанья, с которой автор имела честь встречаться и разговаривать во время командировки в Кампалу в 2012 г. Доктор Кибанья была заинтересована в сотрудничестве с российскими учеными и рассматривала возможность проведения совместных социально-психологических исследований.

Приведем несколько примеров гендерных исследований в Школе женских и гендерных исследований Университета Макерере.

Рут Нсибирано – старший преподаватель Школы женских и гендерных исследований, имеет степень доктора философии в области гендерных исследований, степень магистра в области женских исследований и степень магистра в области библиотековедения и информатики Университета Макерере. Ее научные интересы включают гендерную проблематику, внедрение цифровых технологий в образовании, здравоохранении, сельском хозяйстве с учетом гендерной проблематики. Тема исследования Рут – изучение влияния гендерных факторов на внедрение цифровых технологий в целях развития предпринимательства на примере женщин-предпринимателей Уганды. Рут Нсибирано пишет, что женщины-предприниматели в Уганде часто заняты в достаточно «агрессивном» частном секторе.

Для устойчивого развития предприятий важную роль играет оперативная информация о рынках и системах налогообложения, к которой можно получить доступ с помощью цифровых технологий и искусственного интеллекта. Рут подчеркивает одну из серьезных форм неравенства мужчин и женщин в сфере предпринимательства: учитывая, что мужчины и женщины социализированы по-разному, женщины-предприниматели не имеют такого же доступа к информации, как мужчины. Ее исследование направлено на установление того, как женщины-предприниматели могли бы использовать цифровые технологии для поиска и использования информации для развития своего бизнеса. Рут Нсибирано предлагает провести исследование с целью:

- 1) изучить, каким образом гендер влияет на формирование востребованности цифровых технологий и искусственного интеллекта среди женщин-предпринимателей;

2) выявить, какие именно информационные, в частности цифровые, технологии используют женщины-предприниматели Уганды в качестве способов доступа к необходимой информации для развития их бизнеса;

3) определить способы, с помощью которых женщины-предприниматели используют гендерную повестку для улучшения своего доступа к информационным технологиям и использования накопленного опыта для расширения доступа к информации в целях развития предпринимательства [17].

Амон Ашаба Мвийне, который представляет мужской взгляд на гендерные проблемы в Уганде, имеет степень доктора философии (социология) в Университете Стелленбош, Южная Африка. Его докторский проект посвящен феномену «мужчин-чемпионов» – мужчин, которые говорят о гендерных проблемах, по-видимому, от имени женщин – в законодательных процессах. В настоящее время он преподает в Школе женских и гендерных исследований Университета Макерере. Его курсы посвящены следующей проблематике: гендер и сексуальность, феминистская теория и критические исследования мужчин и мужественности. Научные интересы д-ра Мвийне связаны с этнографическими гендерными и политическими исследованиями и исследованиями маскулинности, с проблемой патриархата, анализом политики в области гендера, включая гендерный аудит, особенно в учреждениях Организации Объединенных Наций. Интересна его работа о двусмысленности в речах «мужчин-поборников» гендерного равенства в парламенте Уганды. В своей исследовательской деятельности д-р Мвийне стремится к соблюдению *гендерного баланса* и призывает к здравому смыслу в решении гендерного вопроса в социально-политической жизни Уганды. Так, в одной из его последних работ «О встрече феминисток с мужчинами и мужественностью: Молчание, полярность и противоречия «Поворота к участию мужчин» в Уганде» подчеркивается, что с момента обретения независимости у феминистского движения в Африке, в частности в Уганде, были

разные «волны» и повестки дня. Ранняя литература показывает, как феминистские дискурсы в Африке строились в основном вокруг борьбы с историческим и патриархальным угнетением женщин. Отчасти это объясняется и оправдывается заметным гендерным дисбалансом и отсутствием женщин в социально-экономической и политической истории Уганды. Он обращает внимание, что феминистские дебаты временами протекали так, как будто мужчин вообще не существовало, а если и существовали, то они выступают как однородная масса виновников мужского доминирования над женщинами. Д-р Мвийне критикует некоторые формы отказа феминизма «видеть» мужчин в патриархальных обществах и задает вопрос, почему «женщины, которые выступают за феминистскую политику, так мало говорят о мужчинах и мужественности». Опираясь на теорию критической маскулинности и феминистские заимствования дискурса Фуко, он предлагает исторический анализ взаимодействия феминизма с понятиями маскулинности и мужской роли в постколониальной Уганде, а также последствий, которые эти взаимодействия имеют для критической феминистской теории и практики [18].

Доктор Флоренс Эбила преподает в Школе женских и гендерных исследований Университета Макерере [19], имеет степень доктора философии по африканским языкам и литературе в Университете Висконсина, Мэдисон, США. Исследовательский интерес доктора Флоренс Эбила связан с гендерными, культурными и конфликтологическими исследованиями. Она провела ряд исследований по представленности проблемы пола в автобиографиях африканских женщин, особенно в политических автобиографиях и автобиографиях женщин в конфликтных ситуациях. В настоящее время ее исследования посвящены изучению взаимосвязи между автобиографией и историей. Исследования Флоренс фокусируются на изучении автобиографий. Она утверждает, что, хотя автобиография часто квалифицируется как литературный

жанр, она также может считаться историческим документом и источником информации об истории. Автобиографии, как субъективный жанр, рассматриваются Флоренс Эбила в историческом и социальном контекстах, и поэтому она считает, что эти произведения могут раскрывать историю женщин. Используя этот метод, она исследует автобиографии чернокожих женщин (например, Максин Элеонор Анкрах) с исторической точки зрения, в то же время проникая в их жизнь и переживания. Используя феминистскую историографическую методологию, Флоренс Эбила анализирует опыт Анкрахи и использует этот опыт для изучения вопросов расизма, гендерной, классовой дискриминации и притеснений. В исследовании утверждается, что автобиография Анкрахи предоставляет возможность для понимания истории, поэтому ее опыт – это не просто частная история, но и обобщенные представления об истории и политике. Кроме того, это презентация примера женского движения Уганды [20].

Психологические исследования гендерного неравенства в работах африканских исследователей (УниверситетMakerere, Кампала)

Один из примеров исследования гендерных психологических особенностей представлен в статье Грейс М. Кибанья и Джона С. Манене (2009) «Гендерный анализ переговоров по банковским кредитам в Уганде» [21]. В статье освещаются психологические различия между мужчинами и женщинами в переговорах о банковском кредите. Представлены результаты исследования, в ходе которого было опрошено 289 респондентов, которые когда-либо обращались за кредитом в коммерческий банк Уганды в период с 1999 по 2005 г. Исследование показало, что респонденты мужского и женского пола различались в своем поведении и в результатах переговоров. Так, респонденты-женщины набрали больше баллов, чем респонденты-мужчины, по параметру «самосовершенствование» и

«уступчивость». Результаты также показали, что респонденты-женщины в целом получают меньшую отдачу, чем респонденты-мужчины, от переговоров о банковском кредите, то есть они более вежливы, но менее успешны и менее результативны.

Психологические гендерные исследования направлены на поиск и установление гендерных различий в проведении деловых переговоров, а также на поиск социально-психологических причин, детерминирующих гендерные различия. Так, в исследовании доктора Грейс Кибанья было установлено, что отсутствие самоуважения и застенчивость являются проблемами, с которыми сталкиваются женщины на переговорах, и эти психологические качества воспринимаются как мужчинами, так и женщинами как ключевые «камни преткновения» в переговорном процессе [21]. Именно эта гендерная специфика африканских женщин влияет на исход переговоров и снижает их результативность. Исследователи объясняют неуверенность и сниженную самооценку женщин спецификой их социализации, присутствием многочисленных ограничивающих установок и предубеждений, связанных с традиционным разделением мужских и женских ролей в африканском традиционном обществе.

В то же время проведенные в Школе женских и гендерных исследований УниверситетаMakerере эмпирические исследования с участием доктора Грейс Кибанья подтвердили гендерное неравенство и дискриминацию по гендерному признаку, существующую в Уганде и проявляющуюся в различных формах. Так, исследования показали, что бизнесмены и деловые женщины могут получить одинаковую сумму кредита в одном и том же коммерческом банке на один и тот же срок кредита, но с различными процентными ставками. Кибанья и Манене [21] утверждают, что с женщин часто взимают более высокую процентную ставку, чем с мужчин. Они утверждают, что такие результаты переговоров о банковском кре-

дите могут быть объяснены культурными ценностями, привитыми мужчинам и женщинам в процессе социализации. Кроме того, проведенное авторами исследование показало, что работа с официальными лицами часто является более сложной задачей для женщин, чем для мужчин; при этом деятельность женщин часто рассматривается как менее «законная» (менее правильная), чем деятельность мужчин. Один из выходов из сложившейся ситуации исследователи видят в создании женских организаций и объединений, поскольку, когда женщины-предприниматели, работающие в разных секторах экономики и на разных уровнях, «объединяются», это ослабляет и даже нейтрализует многие сложности, которые существуют в женском предпринимательстве. Исследователи подчеркивают, что положение женщин-предпринимателей в африканских странах усугубляется отсутствием необходимой инфраструктуры. Это может усложнять выполнение самых элементарных производственных задач, занимать больше времени и отнимать больше сил. Упомянуты такие препятствия для предпринимательства, как недостаточное финансирование, нехватка рабочих мест, недостаточное количество и не всегда достойное качество рабочих помещений, нехватка рабочей силы, конкуренция, налоговое бремя, низкий уровень образования, неблагоприятная социальная среда. Впрочем, эти трудности одинаково существенны как для женщин, так и мужчин-предпринимателей. В числе сугубо женских сложностей, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели, называется «двойная занятость» женщин, бремя семейной ответственности, дискриминация в семье и в обществе, а также недостаточный доступ к обучению.

В психологических исследованиях, которые интересуют ученых Школы гендерных исследований университета Маке-рере, ведутся дебаты о том, связаны ли относительно более низкие показатели женщин в процедуре и результативности на переговорах с присущими им гендерными психологическими особенностями или же они социально обусловлены.

Факт остается фактом: большинство эмпирических исследований Школы показывают, что женщины менее эффективны, менее жестки, менее конкурентоспособны и менее инициативны в переговорах, и на них легче влиять, чем на мужчин [22].

За последние несколько десятилетий было проведено множество исследований взаимосвязи между полом и конкурентоспособностью на переговорах, в результате чего было сделано несколько выводов. Результаты 62 исследовательских отчетов о взаимосвязи между полом и конкурентным поведением в диадических переговорных взаимодействиях были изучены в рамках метааналитического обзора «Гендерная конкурентоспособность и Конкурентоспособность переговорщика: Метаанализ» [23]. Африканские исследователи, опираясь на приведенные работы американских авторов, проводят аналогии с африканской ситуацией и склонны считать более слабую позицию африканских женщин на переговорах обусловленной социально-экономическими и культурными факторами [24].

В связи с приведенной информацией очевидно, что женщины-предприниматели и женщины-исследователи в Африке нуждаются в коррекции существующей ситуации и специальных программах поощрения и поддержки.

Программы поддержки африканских женщин-ученых. Программы поддержки женщин в науке и образовании в странах Африканского континента

Фонд L'Oréal-ЮНЕСКО

Компания L'Oréal признана мировым лидером в области гендерного равенства. Начиная с 2018 г. компания L'Oréal включена в «Индекс гендерного равенства» агентства Bloomberg (GEI) [25]. Индекс GEI, в который в 2021 г. вошли 380 компаний из 44 стран и регионов, определяется на основе

следующих критериев: доля женщин-руководителей, кадровый резерв женского пола, равенство в оплате труда мужчин и женщин [26]. Так, в 2019 г. женщины занимали 54 % руководящих постов в компании L'Oréal, совет директоров состоял из женщин на 54 %, а исполнительный комитет – на 30 %. Исполнительный вице-президент по управлению персоналом в компании Жан-Клод Ле Гран считает включение компании в «Индекс гендерного равенства» [27] событием чрезвычайной важности. «Это событие стало признанием наших заслуг и долгосрочных усилий по расширению возможностей сотрудников любого пола, предпринимаемых нами в рамках обязательств компании по поддержке многообразия и инклюзивности... Мы убеждены в том, что гендерное равенство имеет стратегическое значение для улучшения атмосферы на рабочих местах, повышения творческого потенциала команды, активизации инновационной деятельности, роста показателей компании и темпов ее развития» [26].

Кроме того, в решениях European Women on Boards («Европейские женщины на борту») компания L'Oréal признана одной из ведущих, включенных в индекс STOXX Europe 600 [27]. Компания также заняла первое место рейтинга Humpract Emploi France 2020 в категории «Гендерное равенство». В 2020 г. L'Oréal вошла в пятерку ведущих компаний по версии Equilear. Рейтинг был составлен на основе такого критерия, как степень гендерного равенства, который оценивался в более чем 3500 компаниях. Кроме того, L'Oréal сотрудничает с двумя независимыми организациями: EDGE (Economic Dividends for Gender Equality – «Экономические дивиденды от гендерного равенства») и GEEIS (Gender Equality European and International Standard – «Европейский и международный стандарты гендерного равенства»), которые проводят строгий аудит кадрового состава и политики найма во многих подразделениях компании [26].

Такая внутренняя политика компании отражается и на ее деятельности на внешнем контуре. Фонд ежегодно отмечает

научные достижения пяти самых выдающихся женщин-ученых, каждая из них представляет крупный регион мира: Африку и Арабские государства, Европу, Азию и Тихоокеанский регион, Северную Америку и Латинскую Америку. Каждый год награждаются выдающиеся женщины-ученые разных научных специальностей. В 2021 г. наградами L'Oréal-ЮНЕСКО «Для женщин в науке» были награждены ученые, занимающиеся исследованиями и обучением специалистов в области химии, физики, математических и компьютерных наук, поскольку именно эти направления (STEM-образование, о котором шла речь выше), по мнению экспертов, являются основными драйверами четвертой промышленной революции. Между тем именно в этих научных областях женщины в среднем по миру представлены довольно слабо. Лауреатом от Африки и арабских государств стала профессор Кэтрин Нгила (Catherine Ngila), исполняющая обязанности исполнительного директора Африканской академии наук, бывший заместитель проректора по академическим и студенческим вопросам Университета Риара, Кения, и приглашенный профессор прикладной химии в Университете Йоханнесбурга, Южная Африка. Кэтрин Нгила награждена за исследования в области химии и нанотехнологий, направленные на мониторинг загрязнения воды. Работа профессора Кэтрин Нгила имеет жизненно важное значение для экологии Африки и управления ее водными ресурсами.

Премия «Женщины Южной Африки в Науке»: Южноафриканская премия «Women In Science» (WISA)

Департамент науки и техники (DST) дает награду южноафриканским женщинам в науке (WISA). Эта награда вручается только женщинам, являющимся гражданами или постоянными жителями Южной Африки. Награды Департамента присуждаются женщинам-ученым и исследователям за выдающиеся научные достижения, причем подчеркивается, что важно, чтобы эти женщины-ученые становились образцом для

подражания для молодых женщин. Награды имеют форму стипендии в различных номинациях. Отдельно предусмотрены награды для выдающихся женщин-исследователей; награды для выдающихся молодых женщин-исследователей; награды за исследования и инновации; Стипендии Департамента науки и техники (DST) и т.д.

Премии «Женщины ЮАР в науке»

В 2021 г. награды в категориях выдающихся женщин и выдающихся молодых женщин-исследователей присуждались за исследования и создание базы знаний по теме премий в области естественных, физических, инженерных наук, гуманитарных и общественных наук. Приведем размеры стипендий для выдающихся женщин-исследователей: победитель получает 80 000 южноафриканских рандов (по курсу января 2022 г. это составляет 396 000 руб., или 5222 долл.); первый лауреат, занявший второе место, получает 45 000 рандов; второй, занявший второе место, – 35 000 рандов. Награды для выдающихся молодых женщин-исследователей: победитель в данной номинации получает 65 000 рандов; первый, занявший второе место, – 35 000 рандов; второй, занявший второе место, – 25 000.

В категории «Награды за исследования и инновации» заслуженная женщина получает 80 000 рандов, а заслуженная молодая женщина – 65 000. Может показаться, что различие в размере стипендий «женщинам» и «молодым женщинам» свидетельствует о возрастной дискриминации, но концепция премирования включает в себя такую категорию, как опыт и реальные заслуги.

Стипендия Департамента науки: 35 000 рандов для магистров, 45 000 – для докторантов. При этом общее количество стипендий в рамках Южноафриканской премии «Женщины в науке» (WISA) неизвестно [28]. Стипендия вручается в Южной Африке.

Также выдаются награды выдающимся исследователям Общества молодых женщин: начинающим женщинам-ученым или исследователям, не достигшим возраста 40 или тем, кому исполнился 41 в течение года вручения наград, за их выдающийся вклад в развитие науки и создание базы знаний по этой теме.

В данной категории вручены награды в области естественных, физических и инженерных наук; а также в области гуманитарных и социальных наук.

В контексте изучения не только программ поддержки женщин-ученых в Африке, но и конкретных научных исследований, обеспечивающих гендерное равенство, интересен тот факт, что отдельно существуют награды за исследования и инновации, ведущие к расширению экономических прав и возможностей женщин. Эти награды вручаются женщинам, чьи инновации (в результате научных исследований) привели к очевидному экономическому воздействию и / или расширению прав и возможностей женщин, особенно на рабочем месте. Награды в 2021 г. вручены заслуженному исследователю, а также заслуженному молодому исследователю.

Стипендии Департамента науки и техники (DST) для аспирантов вручаются восьми женщинам, которые заняты в очном обучении или занимаются исследованиями для получения степени магистра или доктора. Награды призваны поощрять потенциал и исследовательские способности женщин, а также побуждать большее количество молодых женщин к получению научных степеней. Стипендии в аспирантуре присуждаются четырем магистрантам: двум по естественным и техническим наукам; одному по гуманитарным и социальным наукам (HSS) и одному в области изучения коренных народов (IKS) и четырем докторантам: двум по естественным и техническим наукам; одному в HSS и одному в IKS [28].

Серьезную поддержку африканским женщинам-ученым оказывает **фонд Герды Хенкель**, со штаб-квартирой в городе Дюссельдорф, Германия. Фонд основан в июне 1976 г. Лизой

Маскелл в память о своей матери Герде Хенкель. Это частная некоммерческая организация, предоставляющая гранты с целью поощрения науки в университетах и научно-исследовательских институтах. В первую очередь поддерживаются проекты социальной направленности в области гуманитарных наук. Фонд Герды Хенкель фокусируется на исторических гуманитарных науках, в основном на истории, археологии, истории искусства и других дисциплинах с исторической составляющей. Финансовая поддержка в первую очередь предназначена для ученых, чья область научных интересов лежит в поле исторических гуманитарных наук, в частности, гранты предоставляются исследовательским проектам в следующих областях: археология; история искусства; историческое исламоведение; история; история права; история науки; предыстория и ранняя история. В настоящее время Фонд уделяет серьезное внимание актуальным для современной жизни и будущего программы, такие как «Ислам, современное национальное государство и транснациональные движения» и «Безопасность, общество и государство». В рамках Стипендии Лизы Маскелл, начиная с 2014 года, Фонд поддерживает молодых ученых в области гуманитарных наук *в Африке* и Юго-Восточной Азии. С 2015 года Фонд финансирует проект “Patrimones” («вотчины»), направленный на сохранение культурного наследия в регионах, находящихся в состоянии кризиса [29]. На сайте Школы гендерных исследований университетаMakerере (Уганда, Кампала) в рубрике «наши партнеры» размещен логотип фонда Герды Хенкель.

Другие проекты в области поддержки женщин-ученых в африканских странах

Несколько африканских стран (Марокко, Египет, Ангола, Нигерия и Маврикий) создают условия, позволяющие женщинам реализовать свою страсть к научным исследованиям и разработкам. Эти инициативы дают ценную информацию о том, как привлечь больше женщин к науке и продвинуться по

карьерной лестнице, чтобы стать лидерами в области науки, техники, математики и инженерии. В этот процесс вовлечены многие слои общества: правительства, системы образования, университеты, организации гражданского общества, сами женщины и, самое главное, мужчины. Основные технологии, которые используются в этих целях, – специальные стипендии; научные ярмарки; политические изменения и изменения в законодательстве; назначения женщин на должности, включая руководящие.

Всемирная федерация научных работников: «Гендерный баланс» или «Женское лицо»?

Всемирная федерация научных работников (ВФНР) также относится к числу организаций, поддерживающих женщин-ученых в Африке. ВФНР – международная неправительственная организация, основанная в 1946 г. в ответ на ядерную бомбардировку американцами Хиросимы и Нагасаки, для создания культуры мира и развития, для осознания учеными ответственности за судьбу мира, а правительствами – осознания ответственности за судьбу науки и ученых. Российскую сторону представляет Профсоюз работников РАН.

В Конституции Федерации подчеркивается: «Организация открыта для всех ученых, независимо от их политических, философских или религиозных убеждений, социального статуса, этнической принадлежности или пола. Научные работники, мужчины и женщины, будь то исследователи, учителя, инженеры или техники, чувствуют ответственность в связи с воздействием их знаний и исследований на будущее общества и устойчивость его развития».

Созданная мужчинами, постепенно Федерация начала менять лицо, изменился ее гендерный баланс. В Федерацию вошло много новых членов, прежде всего женщин, из стран «третьего мира», в том числе из Африки – Алжира, Марокко, Сенегала. В Федерацию вошли Национальный совет учителей высшей школы, Национальный союз преподавателей

университетов, Национальная федерация учителей высшего образования, исследований и образования Алжира; Генеральный профсоюз образования, науки и исследований Египта; Автономный союз учителей и Уникальный демократический союз учителей Сенегала, а также ряд других представителей научной и преподавательской интеллигенции африканских стран.

Помимо вопроса о поддержании мира, который стал особенно острым в последние годы, человечество столкнулось с вызовами, которые угрожают его выживанию. Женщины-африканки привносят в Федерацию проблемы своего континента – экология, здравоохранение, справедливость по отношению к учителям и ученым, финансирование науки. Особенно остро с этими проблемами в последние годы столкнулись учителя и ученые Алжира – об этом рассказала член Федерации Фатия, избранная в руководящие органы ВФНР.

22-я Генеральная Ассамблея проходила в университете Шейх Анта Диоп в Дакаре; в центре внимания, помимо глобальных проблем, были проблемы Африки. Ассамблея привлекла новых членов – представителей Африканского континента. Среди них много женщин – именно женщины, матери, ученые, понимают, как никто другой, свою ответственность за судьбу мира. Федерация стала меняться, приобретать женское лицо. Меня африканки – члены Федерации – зовут «сестра».

Всемирная Федерация научных работников (ВФНР) активно участвует в деятельности мирового научного сообщества по достижению гендерного равенства в рамках проекта ВФНР «Открытая наука», инициированного и реализуемого в тесном контакте с ЮНЕСКО и международными женскими организациями. Весной 2021 г. была проведена совместная международная конференция Всемирной Федерации научных работников (ВФНР) и Международной сети женщин-инженеров и ученых (INWES) по проблемам гендерного равенства в науке и оказанию содействия женщинам-ученым в странах

Африканского континента. INWES была основана в 2002 г. при поддержке ЮНЕСКО канадскими инженерами Клэр Дешен, Моник Фриз и Гейл Мэттсон, нынешним президентом INWES, бывшим президентом SWE, Общества женщин-инженеров США и другими с целью содействия женщинам и девочкам в области инженерии и науки по всему миру [30]. В настоящее время Президентом INWES является кореянка Юнг Сун Ким из Университета Донгсо, Южная Корея, избранная на срок с 2020 по 2023 г. В соответствии с объявленной миссией сеть стремится поощрять образование и удержание женщин-специалистов в областях инженерии и науки, активно участвуя в международном сотрудничестве по всему миру. В настоящее время в сеть входят более 60 стран, включая Ассоциацию корейских женщин-ученых и инженеров, Женское инженерное общество (Великобритания), Немецкую ассоциацию женщин-инженеров (DIB), Общество тайваньских женщин в области науки и техники (TWiST) и союза африканских женщин в области науки и техники (AWSE). Организация проводит регулярные вебинары и конференции с привлечением заинтересованных лиц и партнерских организаций [30].

Весной 2022 г. планируется проведение очередной Генеральной Ассамблеи ВФНР, на научном симпозиуме которой будут поставлены вопросы о всесторонней поддержке женщин-ученых в Африке в условиях новых глобальных вызовов, в числе которых важную роль играют экономические трудности, усугубившиеся в результате пандемии COVID-19.

Заключение

22 декабря 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию A/RES/70/212, провозгласившую 11 февраля Международным днем женщин и девочек в науке. Празднование этого дня осуществляется ЮНЕСКО и структурой

ООН – Женщины в тесном контакте с организациями и партнерами из гражданского общества для поощрения участия женщин и девочек в науке. Целью учреждения этого праздника является обеспечение равного доступа к науке для женщин и девочек, а также напоминание о том, что женщины и девочки играют важную роль в научном и технологическом сообществе, что их участие должно быть расширено и что как наука, так и гендерное равенство имеют жизненно важное значение в обеспечении устойчивого развития.

Несмотря на ряд принимаемых законопроектов и мер поддержки, путь женщин и девочек в науку по-прежнему затруднен: по данным ООН, женщины составляют менее 30 % исследователей во всем мире. Африка не является исключением, напротив, проблема доступа африканок к науке и образованию стоит достаточно остро. Но шаги в направлении поддержки делаются, и они весьма существенны.

Литература

1. African Union. Agenda 2063: The Africa We Want. URL: <https://au.int/en/agenda2063/overview> (accessed: 22.01.2022).

2. Рудый Ю. Женщины в науке-2021: объявлены имена лауреатов престижной международной премии. URL: <https://amp.vesti.ru/nauka/article/2524095> (дата обращения: 13.01.2022).

3. Как Африка может помочь женщинам стать лидерами в науке. URL: <https://ru.lipsumtech.com/how-africa-can-empower-more-women-become-leaders-science-624162> (дата обращения: 20.01.2022).

4. *Контюг Н.* Молодой ученый-химик из Африки Мабуатсела Вирджиния Мафору рассказала, легко ли женщине работать в науке // Учительская газета. 26 октября 2016 г.

5. *Аду Я.Н., Гнамми В.Э.* Принудительные и ранние браки в Республике Бенин. URL: <https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/prinuditelnye-i-rannie-braki-v-respublike-benin> (дата обращения: 20.01.2022).

6. *Шерифф Л.* Замуж или в школу? Как ломают жизни девочек в бедных странах Африки. BBC. 1 февраля 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42890625> (дата обращения: 20.01.2022).

7. *Журавлева Н.* Такое разное неравенство. Жизнь африканских женщин. URL: http://www.chaskor.ru/article/takoe_raznoe_neravenstvo_37035 (дата обращения: 20.01.2022).

8. *Шматко Н., Волкова Г.* Наука и гендер. ВШЭ. URL: <https://nplus1.ru/blog/2018/03/07/gender-roles-in-sciences-humanities> (дата обращения: 08.12.2021).

9. РБК. Что такое STEM-образование и почему компании ценят таких специалистов. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f6399a69a79471ec02bfe4f> (дата обращения: 25.01.2022).

10. *Bonaventure M.-O.* Discours d'ouverture de l'Assemblée générale de la Fédération mondiale des chercheurs à Dakar. Allocution prononcée en ouverture du Symposium «Science et développement durable pour l'Afrique et par l'Afrique» par le professeur. URL: <https://fmts-wfsw.org/2017/12/sortir-de-la-fracture-scientifique/> (accessed: 20.01.2022).

11. ООН-женщины. URL: <https://www.unwomen.org/en> (дата обращения: 28.01.2022).

12. *Лагоха С.* Гендерное равенство в странах Ближнего Востока и Северной Африки в XXI веке. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/Ural-associationmiddleeast/gendernoe-ravenstvo-v-stranakh-blizhnego-vostoka-i-severnoy-afriki-v-x/> (дата обращения: 20.01.2022).

13. Почему большинство африканских родителей поощряют своих детей становиться врачами, юристами или инженерами? URL: <https://www.quora.com/Why-do-most-African-parents-encourage-their-children-to-become-either-a-doctor-lawyer-or-an-engineer> (дата обращения: 22.01.2022).

14. *Зубкова Е.* Больше всего ученых женского пола работает в Северной Африке // Портал новостей университетов мира. URL: <https://life.ru/p/953335> (дата обращения: 21.01.2022).

15. The Statistical, Economic and Social Research and Training Centre for Islamic Countries (SESRIC). URL: <https://sesric.org/> (accessed: 18.01.2022).

16. Makerere University School of Women and Gender Studies. URL: <https://chuss.mak.ac.ug/en/affiliation/school-women-and-gender-studies-makerere-university-kampala> (accessed: 19.01.2022).

17. *Nsibirano R.* Study of how gender factors influence the introduction of ICT for the development of entrepreneurship: The example of women entrepreneurs in Uganda. URL: https://chuss.mak.ac.ug/en/sites/default/files/Examining_How_Gender_Influences_Meaning_Construction_of_ICT_Uptake_for_Enterprise_Development_A_Case_of_Women_Entrepreneurs_in_Uganda (accessed: 19.01.2022).

18. *Mwiine A. A.* On the Feminist Encounter with Men and Masculinities Silences Polarities and the Contradictions of the Turn to Male Involvement in Uganda. URL: <https://chuss.mak.ac.ug/en/amon-ashaba-mwiine> (accessed: 19.01.2022).

19. *Эбила Ф.* Персоны. URL: <https://chuss.mak.ac.ug/en/dr-florence-ebila> (дата обращения: 19.01.2022).

20. *Ebila F.* Autobiographical Historicism: The Historiographical Interrogation of Maxine Eleanor Ankra «Life without Baggage». URL: https://chuss.mak.ac.ug/en/sites/default/files/Autobiographical_Historicism_A_Historiographical_Interrogation_of_Maxine_Eleanor_Ankrah's_a_Life_Without_Baggage (accessed: 20.01.2022).

21. *Kibanya G., Manene J.C.* Gender analysis of bank loan negotiations in Uganda // *Journal of African Business*, Makerere University Business School. 2009. March. No. 10(1). P. 105–119. DOI: 10.1080/15228910802701544.

22. Makerere University College of Humanities and Social Sciences. URL: <https://chuss.mak.ac.ug/en/> (accessed: 19.01.2022).

23. *Alice F., Stuhlmacher A.F., Linnabery E.* Gender and negotiation: A social role analysis. // *Handbook of Research on Negotiation*. 2013. P. 221–248.

24. *Zulaut K., Wagner R.* Negotiation Power and the impact of Gender Differences. URL: https://www.researchgate.net/publication/357016578_Negotiation_Power_and_the_Impact_of_Gender_Differences (accessed: 15.01.2022).

25. Индекс GEI. URL: <https://www.bloomberg.com/gei> (дата обращения: 19.01.2022).

26. Компания L'Oreal признана лидером в области гендерного равенства. URL: <https://www.loreal.com/ru-ru/russia/articles/group/loreal-gender-equality/> (дата обращения: 20.01.2022).

27. Индекс гендерного равенства. Годовой отчет 2020. Gender Equality Index. Final report 2020. URL: <https://europeanwomenonboards.eu/wp-content/uploads/2021/01/Gender-Equality-Index-Final-report-2020-210120.pdf>15 (дата обращения: 22.01.2022).

28. Южноафриканская премия «Женщины в науке» WISAwards-at-dst.gov.za. URL: <https://worldscholarshipforum.com/ru-wisa-2017/> (дата обращения: 03.11.2021).

29. Фонд Герды Хенкель. URL: <https://www.gerda-henkel-stiftung.de/> (дата обращения: 11.12.2021).

30. Международная сеть женщин-инженеров и ученых. International Network of Women Engineers and Scientists. URL: <https://biblio.uottawa.ca/atom/index.php/international-network-of-women-engineers-and-scientists-inwes> (дата обращения: 18.12.2021).

E.V. Kharitonova

**WOMEN IN SCIENCE AND ENTREPRENEURSHIP
IN MODERN AFRICA.
SAMPLES OF “WOMEN STUDIES”
ON THE EXAMPLE OF MAKERERE UNIVERSITY
(UGANDA)**

Abstract. The inequality of women in the system of scientific research and education in the countries of the African continent really exists. This is proved by figures and facts. There is less support for scientific and educational grants compared to men. Women in science receive not only lower salaries, but also less funding for their scientific research.

This trend exists not only in Africa, but also in other countries. In the field of natural sciences, women are very poorly represented. Among the developers of artificial intelligence, women make up only 22 %. Today, less than 4 % of scientific Nobel prizes have been awarded to women. Another alarming prospect is the main representation of women in professions that will disappear over time. So, by 2050, half of all jobs existing in the modern world will become

unclaimed, and this will affect 70 % of women in different countries. In Africa, the problem is also extremely acute.

There is a system of restrictions and taboos, stereotypes and prejudices based on traditional attitudes towards a woman as a wife and mother, whose place is in the family, and this creates serious difficulties for girls in obtaining even primary education. Families rarely encourage their daughters' interest in science. Thus, only 1 % of respondents said that their parents supported them in getting an education and choosing a scientific career.

In this regard, African and international scholarship, grant and administrative support programs for women in education, science and entrepreneurship in African countries are currently actively developing. The article contains specific examples of "women's studies" at Makerere University (Uganda), as well as examples of support programs for African women.

Key words: Africa, gender inequality, women's studies, Makerere University, support programs for African women.

*К.С. Ёлчева*¹

ОСОБЕННОСТИ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Аннотация. Статья посвящена особенностям африканской волшебной сказки. Особое внимание уделяется ключевым различиям африканской и европейской сказочной традиции, а также ряду особенностей волшебных сказок разных регионов Африки. В статье также рассматривается вопрос классификации африканских сказок.

Ключевые слова: волшебная сказка, фольклор, Африка, классификация, синкретизм.

Африканская сказка является объектом внимания ученых-фольклористов примерно с первой четверти XX в. За это время был собран, обработан и переведен на русский язык значительный корпус материалов из разных регионов континента. Между тем работы, посвященные классификации африканских сказок и их структурному анализу, остаются крайне редкими. Вместе с тем в современной фольклористике остается актуальной проблема классификации африканских сказок: принятое деление сказок на жанры может быть использовано по отношению к африканскому фольклору лишь условно. Цель данной статьи – обобщить особенности африканской волшебной сказки как в сравнении с европейской фольклорной традицией, так и в контексте многообразия и богатства сказочного материала различных регионов Африки южнее Сахары.

В наши дни африканская сказка как жанр фольклора, в отличие от сказок Европы или Северной Америки², все еще

¹ E-mail: xeniayolchevmain@gmail.com

² В данной статье мы не рассматриваем материалы Востока, так как сказки данного региона крайне неоднородны по своему характеру, а сравнение фольклора Азии и Африки достойно отдельного исследования.

находится в процессе своего развития. Она пластична, подвержена многочисленным изменениям, активно вбирает в себя реалии нового времени, вступает в контакты с фольклором других культур (преимущественно арабской и европейской). Современный исследователь застаёт африканскую сказку в состоянии архаичности, синкретизма. В ней еще не до конца завершены процессы деритуализации и десакрализации, благодаря которым происходит трансформация истинного, авторитетного мифа в сказку, по умолчанию воспринимающуюся рассказчиком и слушателями как вымысел. Для сказок Африки южнее Сахары характерна обрывочность сюжета, наложение сюжетных линий, нетипичные для европейских сказок композиционные элементы (например, распространенное окончание сказки неудачей или смертью главного героя). Черты модернизации современного африканского быта также активно проникают в африканские сказки в виде деталей, например, керосина, ружей, автомобилей, рудников и т.д.

Вопрос классификации африканских сказок актуален для всех ее видов. Присутствуют, к примеру, сложности при разделении бытовых и животных сказок. Отдельно встает проблема разграничения мифа, сказки и эпоса, возникающая в силу уже упомянутого высокого синкретизма всего африканского фольклора. Однако особенно сильно этот вопрос затрагивает так называемые «волшебные сказки». Как верно замечают составители различных сборников, поэтика африканских сказок о колдунах, духах и мертвецах – словом, сказок с волшебной составляющей – «в корне отличается от поэтики классической волшебной сказки» [7, с. 419]. Согласно общепринятой классификации В.Я. Проппа, волшебные сказки выделяются прежде всего особой сюжетной структурой, возводящей все сказки этого типа к единому шаблону [6]. Между тем волшебные сказки Африки демонстрируют частое отхождение от четкой структуры, смешивание или незавершенность сюжетных линий и т.п. В них зачастую бывает сложно, а иногда и вовсе невозможно отследить ключевые функции

классической волшебной сказки. Учитывая, что и новеллистический вид сказок В.Я. Пропп выделяет не по наличию или отсутствию фантастических элементов, а как оппозицию к структуре волшебной сказки, их различение в контексте африканского фольклора становится нетривиальной задачей, особенно в ситуациях наличия в сказке волшебных элементов с неволшебной структурой.

Волшебные сказки Африки южнее Сахары заметно выделяются даже внутри континента. Прежде всего, их гораздо меньше по сравнению со сказками других видов. Количество животных сказок, собранных в том или ином регионе, в разы превышает количество сказок волшебных. Второй особенностью африканских волшебных сказок является уже упомянутая нами деструктуризация. В одной сказке может быть собрано несколько сюжетов, продолжающих или обрамляющих друг друга. В большинстве сказок о чудесных близнецах присутствует как минимум две завершенные сюжетные линии, при этом первая из них, заданная мотивом о близнецах, служит рамкой для второй.

В целом следует отметить, что обычно в африканских волшебных сказках больше внимания уделяется исключительным обстоятельствам рождения главного героя и обретению им сверхъестественных сил и волшебных помощников, чем его женитьбе, воцарению или какому-либо другому итогу его пути. Финал в принципе не находится в фокусе африканской волшебной сказки, она может закончиться как угодно, в том числе выбор подходящей концовки может быть предоставлен слушателям (сказки-дилеммы). Порой африканская сказка и вовсе не имеет счастливого финала: герой не побеждает змея, с которым борется, спасителя деревни убивают его же соплеменники, знатная девушка вынуждена выйти замуж за демонического короля голов и т.д. Наконец, третьей особенностью волшебных сказок Африки является их теснейшая связь с мифами, которая проявляется в структуре сюжетов, и последовательное истончение которой можно

четко проследить с помощью вариантов одного и того же сюжета.

Эти отличительные черты позволяют исследователям африканского фольклора, в частности Е.С. Котляр, А.Ю. Желтову, В.Ф. Выдрину, независимо сделать вывод о позднем и отчасти все еще незавершенном выделении африканской волшебной сказки из мифа [3; 4]. Этим объясняются такие характерные для африканских волшебных сказок особенности, как распространенность образа культурного героя и сохраняющаяся сильная связь с культом предков. Популярны в африканском фольклоре этиологические концовки, объясняющие происхождение тех или иных вещей, судя по всему, также происходят именно от мифов.

Рассмотрим выделенные особенности на примере конкретных волшебных сказок разных регионов Африки.

Архаичность и синкретизм

Наиболее яркими примерами архаичных сказок в Африке выступают сказки о змеборцах. Благодаря региональному разнообразию африканских материалов мы имеем возможность проследить разные стадии развития этого сюжета. В развитом, сформированном варианте герой, как и положено, побеждает змея и получает за это награду. Однако в более ранних вариантах, как, например, в сказке тонга «Дружба странников», герою не удается одолеть змея-хозяина дождя [8, с. 288–290]. В самых архаичных вариантах сюжета жители поселения и вовсе заключают со змеем своеобразный контракт, обменивая человеческие жертвы на регулярные дожди. Герой в этом случае выступает нарушителем контракта, обрекая всю деревню на гибель от засухи, и за убийство змея подвергается наказанию.

Пограничное положение между мифами и сказками занимают также сюжеты о животной супруге: с одной стороны, в них объясняются те или иные особенности животного и

человеческого мира, с другой – чудесная супруга, как в классической волшебной сказке, играет роль волшебного помощника: одаривает героя, помогает в разрешении «трудной задачи» и т.д. При этом в африканских сказках подобного типа в подавляющем большинстве случаев отсутствует один из элементов «классической» схемы: возвращение чудесной супруги после ее потери. Наиболее архаичский вариант сюжета о животной супруге встречается в мифологических сказках бушменов, где герой женится на животном (антилопе, слонихе, квагге и т.п.), но по ходу действия самостоятельно или с подсказки соплеменников осознает свою жену как источник пищи [5]. Этим сказка объясняет обычай употребления людьми в пищу мяса животных. И в «стандартном», и в «бушменском» варианте сюжета закрепляется невозможность сближения мира людей и мира животных, что также отсылает слушателей к объяснению порядка мироустройства, характерного для мифов.

Нарушения сюжета

Различные нарушения хода сюжета характерны для значительного числа африканских сказок. Самыми регулярными из них являются двойные сюжеты в сказках о близнецах, когда сначала повествование ведется лишь о старшем брате, затем, в силу тех или иных обстоятельств, фокус переключается на младшего, который проходит свой сюжетный путь, и наконец, в конце сюжетные линии двух братьев встречаются и сливаются в одну. Характерным примером таких сюжетов является сказка лунда «Судика-Мбамби» [8, с. 261–269].

Однако далеко не всегда нарушения сюжета являются такими последовательными. Так, например, сказка хунгве «Нцунцу похититель солнца» начинается с рассказа о женщине, случайно отдавшей своего ребенка цесаркам, а продолжается повествованием о другой женщине, родившей главного героя Нцунцу, о котором и идет речь в сказке. Ни первая

женщина, ни ее ребенок больше не появляются в сказке и не влияют на ход повествования [8, с. 257–261].

Наконец, в отдельную категорию сюжетных нарушений африканских сказок можно выделить сказки с «несчастливым» концом. Такой можно считать сказку суто «Кхо-думо-думо», в которой главный герой побеждает людоеда и спасает деревню, но впоследствии оказывается убит затаившими обиду односельчанами [8, с. 269–271]. Или, к примеру, сказка камба «Девушки и бревно, превратившееся в змея», где последняя девушка, несмотря на все усилия, не смогла избавиться от преградившего дорогу змея и, в конце концов, была им съедена [8, с. 406–407].

Концовки-дилеммы

Концовки-дилеммы являются одним из популярных вариантов окончания сказок. В них слушателям предоставляется возможность самостоятельно решить, кто из героев поступил лучше/хитрее/удачнее, кто должен получить награду и т.д.

Часто подобные концовки встречаются в сказках, где несколько женихов борются за невесту. Например, в амхарской сказке «Кто добился больших успехов в учении?» трое женихов совместными усилиями спасают свою возлюбленную. Заканчивается сказка вопросом к слушателям, на который невозможно дать однозначный ответ: *«Кто же из троих добился больших успехов в учении? За кого отцу девушки лучше выдать дочь?»* [1, с. 81–82].

Иногда сказка сначала задает слушателям каверзный вопрос, а затем самостоятельно отвечает на него. В сказке фульбе «Обещание жениться» юноше, ушедшему на заработки, последовательно помогают три девушки, после чего он встает перед выбором: какую из них сделать своей главной женой. *«Выясните сейчас, какая из трех женщин достойна быть избранной?»* – спрашивает герой, после чего девушки

отвечают, что ему стоит выбрать первую помощницу, ведь без ее заботы он не дошел бы до остальных.

Широкое распространение сказки-дилеммы получили в Эфиопии, где доминируют «классические» варианты концовок-дилемм, и в Западной Африке, где этот композиционный элемент чаще всего встречается в животных сказках, однако присутствует и в сказках волшебных. В Центральной Африке, напротив, сказки-дилеммы практически не встречаются.

Этиологические концовки

Разнообразные этиологические концовки присутствуют в сказках всего Африканского континента, причем в самых разных жанрах: от бытовых до волшебных. Следует отметить, что в большинстве случаев подобные концовки свидетельствуют о тесной связи с мифами, поэтому закономерно, что чаще всего они встречаются в волшебных сказках Центральной Африки – региона, где сохранились одни из самых архаичных вариантов сюжетов. Тем не менее подобные финалы могут появиться даже в структурно правильных, классических волшебных сказках. Так, одна из сказок малинке, в которой обыгрывается сюжет о зависти жен друг к другу и к их детям, заканчивается одновременно этиологическим и морально значимым выводом: *«С тех пор ни один мужчина и ни одна женщина не завидуют ребёнку, рождённому в их большой семье»* [8, с. 383–385]. Этиологические концовки бывают и более неожиданными. Например, в сказке народа ганда речь идет о трех женихах, спасших от смерти свою будущую невесту, однако завершается история аналогией с горшком и тремя камнями, использующимися для приготовления пищи. *«Но теперь ты будешь знать, откуда произошли эти три камня и горшок»* [8, с. 422–423].

Современные детали

Как уже было отмечено, поскольку во многих регионах еще жива традиция профессиональных сказителей или просто устной передачи сказок, детали современного быта легко и повсеместно проникают в африканский фольклор. В большинстве случаев новые реалии лишь заменяют старые: автомобиль заступает место повозки, в небе могут пролетать самолеты и т.д. Однако иногда подобные включения «живут» в сказке на протяжении нескольких веков и играют довольно значимую роль в развитии сюжета.

Так, например, в сказке фульбе «Женщина и джинн» главная героиня побеждает джинна с помощью выстрела из ружья: *«Женщина поняла, что если она не застрелит джинна, он съест целиком и её, и её сына. Тогда она взяла ружьё и застрелила джинна»*. У тех же фульбе в сказках присутствует и керосин, с помощью которого мачеха пытается расправиться с неугодным пасынком.

Порой те или иные детали современного быта попадают в фольклор при заимствовании сказочного сюжета. Так в эфиопской сказке «Туфелька принцессы», которая является калькой современного варианта сказки о Золушке, присутствует нехарактерная для Эфиопии карета [1, с. 101–104].

В заключение хочется добавить, что, хотя все вышеперечисленные особенности важны для анализа африканского фольклора, ключевой особенностью африканских сказок выступает неразрывная связь с мифологической традицией и то пограничное состояние между двумя жанрами фольклора, которое волшебные сказки Африки занимают на данный момент. Именно поэтому возникает необходимость в исследованиях, сравнивающих разные варианты одних и тех же сказочных сюжетов, ведь благодаря анализу более ранних и поздних форм, принимаемых сказкой, возможно проследить процесс становления волшебной сказки от начала десакрализации

мифа до формирования полноценной, независимой волшебной сказки в «классическом» ее понимании. Это также позволяет расширить понимание «исторических корней» волшебной сказки, на необходимость исследования которых указывал еще В.Я. Пропп.

Литература

1. Амхарские народные сказки / пер. с амхарск., предисл., прим. Э. Б. Ганкина. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 234 с.

2. Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзами / собраны Л. Коль-Ларсеном; пер. с нем., предисл. Г. Пермякова. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 156 с.

3. *Выдрин В. Ф., Желтов А. Ю.* «Люди – не-люди»: опыт бинарной типологической классификации сказочных сюжетов // Африканская сказка-III: к исследованию языка фольклора. М.: Вост. лит., 2005. С. 504–517.

4. *Котляр Е. С.* О некоторых чертах фольклора Африки южнее Сахары // Фольклор и литература народов Африки: сборник статей. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. С. 167-183.

5. Мифы и сказки бушменов / сост., пер. с англ., предисл., прим. Е. С. Котляр. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 318 с.

6. *Пропп В. Я.* Морфология «волшебной» сказки: собрание трудов В. Я. Проппа. М.: Лабиринт, 1998. 509 с.

7. Сказки народов Анголы / пер. с разных языков, послесл., прим. Г. Анпетковой-Шаровой. М.: Художественная литература, 1975. С. 432.

8. Сказки народов Африки / пер. с африканских и западноевропейских языков; сост. А. А. Жуков, Е. С. Котляр, предисл. Е. С. Котляр. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 687 с.

K.S. Yolcheva

FEATURES OF THE FAIRY TALE OF SUB-SAHARAN AFRICA

Abstract. The article highlights and summaries the peculiar properties of African wonder tale. Special attention is paid to the key differences between the African and European fairy tale traditions, as well as specific features of fairy tales from different regions of Africa. The article also discusses the classification of African fairy tales.

Key words: wonder tale, folklore, Africa, classification, syncretism

*Е.С. Нестерова*¹

БУРСКИЕ ЛЕЧЕБНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ АФРИКАНЕРОВ

Аннотация. С прибытием на территорию Южной Африки голландских колонистов (XVII в.) будущим переселенцам в отсутствие больниц пришлось самим нарабатывать навыки ухода за больными посредством разработки собственных уникальных способов профилактики и лечения болезней, облегчения симптомов («*boererate*»). Несмотря на довольно высокий уровень развития медицинской инфраструктуры в настоящее время, выработанная бурами столетиями назад методика продолжает успешно функционировать и сейчас, приобретая новых сторонников и расширяя ареал своего применения. В настоящее время насчитывается свыше 8700 готовых рецептов применения тех или иных продуктов. Их арсенал широк и своеобразен. В том числе в ход идут лошадиный пот, пропитавшиеся в моче ячменные зёрна, влажная соль и козий навоз.

Ключевые слова: бурские народные средства, способы лечения, профилактика, уникальная рецептура

С прибытием на территорию Южной Африки голландских колонистов (XVII в.), будущим переселенцам в отсутствие больниц пришлось самим нарабатывать навыки ухода за больными посредством разработки собственных уникальных препаратов, а также способов профилактики и лечения болезней, облегчения симптомов («*boererate*»). Любопытно, что и в старинной бурской песне, посвященной бурским народным средствам, есть строчки, призывающие рассчитывать в вопросе излечения членов семьи и товарищей исключительно на свои силы и умения, передавшиеся сквозь поколения² [1]: «...твой единственный лекарь – целебные рецепты

¹ E-mail: nesterova.elena99@yandex.ru

² В русском фольклоре также ярко отразилось недоверчивое отношение наших предков-крестьян к профессиональным докторам: «не жива та душа, что по лекарям пошла», «добрая аптека убавит века» [1].

бабушки!»³ [2]. Бурскую народную медицину отличает не только необычайно широкий ассортимент непривычных, с нашей точки зрения, используемых в лечебных практиках продуктов/материалов (таких как кристаллизовавшаяся моча капского дамана⁴, кошачья шерсть и т. д.), но и неординарность методов применения, казалось бы, самых обыденных, подручных средств. Цель настоящего исследования – описать как сами целебные народные средства, к которым прибегали потомки голландских поселенцев и продолжают обращаться африканеры, так и зачастую необычные методы их применения; показать их востребованность и в современный период, доказать, что использование *boererate* не является отжившей традицией прежних лет, а напротив, не теряя с годами своей актуальности, во многом остается распространенной повседневной практикой борьбы с различными недугами.

³ «...jou ouma se boererate is jou enigste dokter!» (яз. африкаанс)

⁴ Коренные жители Южной Африки, готтентоты, изначально применяли её в порошкообразной форме (внешний вид этого средства по форме напоминает не застывшую жидкость, а отложения камней) для лечения укусов змей и скорпионов, в то время как клейкая прокипячённая в воде смесь (употреблялась вовнутрь) использовалась в качестве антидота от всевозможных ядов и как лекарство от спинной и брюшной боли. Буры поаимствовали у предков современных кхои-кхои/койкой это удивительное лечебное средство (которому дали имя *klipsweet* или *dassiepis*), адаптировав под свои нужды, начав применять его в виде настоя при коликах, припадках истерии, эпилепсии и так называемой «пляске святого Витта» (к примеру, именно для этих целей использовали его африканеры в отдалённом селении Гамкасклуоф/Gamkaskloof в долине горного хребта Свартберг/Swartberge, куда до 1963 г. даже не было дорог). [3] В настоящее время его употребляют в основном при заболеваниях почек. Так, один из рецептов предусматривает смешение 2 унций (в 1-й унции 28,3 г) кристаллизовавшейся мочи капского дамана и 2 бутылок джина, чтобы затем, зачерпнув по одной горсти с утра и по три с вечера, принимать в виде жидкого лекарства [4; 30].

Бурская народная медицина составляет очень важную долю материального наследия африканеров, ее рассматривают как неотъемлемую часть их духовной культуры. Под бурскими народными средствами понимают комплекс накопленных африканерами знаний, используемых для лечения различных болезней при помощи земли, грязи, а также крови, шкур и испражнений животных, травяных настоев и т. д., призванных исцелить телесные недуги. Способы и методы народного врачевания зародились еще у аборигенов⁵ региона, однако, переняв некоторые лекарские наработки коренных народов Южной Африки, буры придали им новое звучание, со временем превратив их в элемент собственного, аутентичного культурного достояния [6].

Завзятым поклонником бурских лечебных традиций был еще Пауль Крюгер (1825–1904 гг.), многолетний и последний президент Трансвааля. Так, сохранились его мемуары, в которых он подробно описывает процесс заживления своего серьезного ранения, полученного на охоте вследствие разорвавшейся винтовки. В его воспоминаниях читатель может обнаружить следующие строчки: «Моя рука была буквально разорвана, плоть свисала клочьями. Я истекал кровью, как теленок на бойне... Тем временем жена принесла скипидар. Любой бур знает, что это надежное средство остановки кровотечения⁶». Отмечается, что по мере крайне медленного заживления раны регулярно присыпались сахарной пудрой, а когда, невзирая на все принимаемые меры, стала развиваться гангрена, было принято решение прибегнуть к радикальному, но сильнодействующему средству: убили козла, извлекли желудок и разрезали его. П. Крюгер засунул руку еще в теплый желудок и держал ее там в течение некоторого времени.

⁵ Термин происходит от лат. *ab origine* «от начала» и означает самых первых жителей того или иного региона [5].

⁶ Ещё одним проверенным у африканеров методом остановки кровотечения является вдавливание табака в открытую рану [7].

Вскоре это старое бурское средство принесло заметное облегчение, а ко времени проведения второй подобной процедуры состояние руки, по мнению врачей, заметно улучшилось. В общей сложности, при отсутствии любого другого лечения, процесс полного выздоровления занял долгих 6 месяцев, однако, что более важно, рука зажила окончательно [8, с. 38–40].

Вновь переизданный в 2015 г. объемный сборник южно-африканского актера Дани Смутса⁷ (1925–2003), задействованного в свое время во всевозможных радиопостановках, телевизионных сериалах, полнометражных картинах и театральных спектаклях, посвященный приемам и, собственно, самим средствам, к которым прибегают буры в надежде исцелить тот или иной недуг, вызвал оживленный интерес в соседней Намибии. На обложке книги значатся следующие строчки: «Сборник “Бурские народные средства” предлагает вкусить незаменимый деликатес всем любителям истории и предоставляет возможность обратиться полнотелой ностальгии взгляд на эту драгоценную часть наследия африканеров». По словам самого Д. Смутса, во времена его работы ведущим утренней передачи на радио «Спрингбок» (африкаанс – «Springbok-Radio») именно он стал родоначальником идеи привлечения слушателей к дискуссиям в прямом эфире касательно приема тех или иных бурских народных средств – их рецептуры, степени эффективности, побочных влияний и т.д.

Поначалу аудитория не слишком активно вовлекалась в процесс публичного обсуждения методов лечения хворей и немощей, однако терпение и усердие, проявленное настойчивым энтузиастом и незаурядным мастером своего дела, в конечном счете принесли желанные плоды. Со временем письма, приходившие по капле, стали отсылаться пачками; волна неожиданно вспыхнувшего интереса слушателей программы разрослась до таких невиданных масштабов, что их

⁷ Danie Smuts.

количество, и спустя 20 лет после запуска казавшейся вначале рискованной (если не безнадежной) инициативы, и не думало идти на спад, продолжая поступать в студию мешками. По сей день, переключая различные южноафриканские радиостанции с африкаанс-говорящими ведущими, нередко можно услышать звонки или озвученные в прямом эфире присланные слушателями сообщения, где они делятся своими семейными секретами приготовления того или иного снадобья. По выражению Смутса, бурские лечебные традиции еще в прошлом веке стали живой легендой, ожившим преданием. Бурская народная медицина зародилась в тяжелые времена «на далеких пустынных равнинах под стенанье воловьих телег»⁸.

Разумеется, большинство старых рецептов по объективным причинам сегодня уже не могут конкурировать с современными препаратами, а уж тем более выступать им полноценной заменой, однако по-прежнему готовы послужить отличным альтернативным лекарственным средством в экстренных случаях, когда необходимых таблеток, капель, мазей или настоек нет под рукой. В качестве примера Д. Смутс приводит пример использования подоженной шерсти кота при стесненном дыхании в груди⁹ [7]. Кошачья шерсть богата азотосодержащими соединениями, и при сгорании она выделяет кислород¹⁰ [9]. На том же принципе основаны многие нынешние препараты от астмы. То же самое относится и к дурману

⁸ «Op die ver verlate vlaktes met die kreun van ossewa» (африкаанс); альтернативный вариант перевода – «на далёких безлюдных долинах под стон воловьих повозок».

⁹ При отсутствии в нужный момент ингалятора под рукой (при астме) буров выручает чашка очень крепкого чёрного кофе. Под словом «крепкий» имеются виду ок. 3 чайных ложек кофейного порошка с горкой. Допускается добавить сахар по вкусу. Считается, что кофеин способен практически моментально стабилизировать дыхание.

¹⁰ Заболевания лёгочной системы – астму, пневмонию и т. д. – лечат кислородотерапией (или оксигенотерапией).

обыкновенному¹¹ (произрастает на территории ЮАР в регионе Кару как сорняк в сельской местности возле сараев и краалей – загонов для скота), содержащему активное вещество, которое сегодня вводят в виде инъекций при астме [9].

В своей книге с лаконичным названием «Бурские народные средства» автор действительно собрал целый ряд удивительных рецептов. Так, для снятия симптомов так называемого синдрома неугомонных ног (СНН) читателю предлагается следующий рецепт: необходимо взять засушенные размельченные собачьи фекалии и нанести на ноги. В качестве альтернативного решения проблемы предлагается найти панцирь черепахи, поджечь его, измельчить в крошку и также приложить к ногам. При отеках же ног требуется приготовить такое средство: смешать 2 ложки камфорного бренди («kanferbrandewyn» – яз. африкаанс)¹², 2 ложки уксуса,

¹¹ Все части растения содержат алкалоиды, главным образом гиосциамин, атропин и скополамин, а также эфирное масло, каротин, дубильные вещества. Альтернативные названия, бытующие в России, где этот сорняк получил чрезвычайное распространение: шальная трава, водопьян, дурнопьян, бодяк, трава колдунов, трава дьявола. Как галлюциногенное растение, дурман использовался в народной медицине и колдовских обрядах с давних времён. В связи с сочетанием высокоактивных антихолинергических веществ (антихолинергические препараты длительного действия используются при лечении бронхиальной астмы), которые содержат дурман, он вызывает делирий: полную неспособность различать реальность и фантазии, гипертемию, тахикардию; странное и, возможно, агрессивное поведение. Также часто возникает амнезия. Листья дурмана обыкновенного используются как источник гиосциаминина (используется при бронхиальной астме, для предупреждения бронхо- и ларингоспазма). В виде таблеток суммарные препараты алкалоидов применялись в препаратах от укачивания (Аэрон). Настойки применяются для растираний при ревматизме и радикулите. Некоторое время использовался для изготовления противоастматических сигарет «Астматол» [10].

¹² Это особая бурская настойка, которую приготавливают следующим образом: в бренди добавляют кубики камфоры, перемешивают и оставляют настояться на неделю, при этом в течение каждого из семи дней необходимо взбалтывать получившуюся смесь (из личных материалов бесед

2 ложки скипидара, 2 ложки оливкового масла и также 2 ложки соли. Затем хорошо встряхнуть получившуюся смесь и нанести на болезненные участки [9].

Интересен тот факт, что в информационных бюллетенях для туристов Африки бурские народные средства выделяют как особый вид достопримечательностей ЮАР, уверяя что характер использования этих средств столь нетривиален, что их вариативность однозначно способна привлечь внимание гостей Южной Африки. Так, приводится оригинальный пример избавления от болей при мышечных спазмах: согласно бурской народной методике, в этом случае достаточно на ночь класть под матрас картошку (правда, точное количество картофельных клубней, необходимых для достижения наилучшего результата, не уточняется) [11].

Ведущий африканерский профсоюз «Солидарность» и аффилированные с ним организации гражданского общества «Движение Солидарность» («Solidariteit Beweging») поощряют использование привычных бурских методик. Например, что касается области косметологических процедур, то для уменьшения объема волос (для многих густая роскошная шевелюра остается пределом несбыточных мечтаний, однако из-за невозможности уделять достаточно времени ее многоступенчатому уходу для некоторых пациентов, особенно, кучерявых, она превращается в пытку) предлагается такой вариант разрешения проблемы: полстакана белого уксуса смешать с половиной чашки лимонного сока, нанести на волосистую часть головы на 15 минут, обернув горячим полотенцем. Затем ополоснуть волосы бутылкой выдохшегося или протухшего пива с затхлым запахом. Несмотря на то, что источаемый аромат при смывании трудно назвать аппетитным, по заверениям, срабатывает данное средство безотказно [12].

автора с пожилой женщиной-африкаанс Г. Лангенховен (G. Langenhoven), лично применяющей на практике бурские народные средства).

В сентябре 2019 г. при музейном комплексе Памятника языка африкаанс¹³ была открыта выставка ценных лекарственных растений, среди которых были представлены африканская полынь, раковый куст (сутерландия), леонотис пустырниковый (львиный хвост), *Chironia baccifera* (на языке африкаанс его название пишется как «aambeibossie» и буквально обозначает «геморроидальный куст», прямо указывая на область применения в медицинской среде), чай ройбос, бучу горное (агатосма берёзовая, баросма).

В Южной Африке сакральные знания о травах, обладающих лечебными свойствами, передавались изустно из поколения в поколение. Они были почерпнуты из глубокой старины и восходят еще к доисторическому периоду [13]. Значительная часть накопленных за много веков сведений об использовании вышеуказанных растений в медицинских целях была передана ступившим в 1600-х гг. на южную оконечность Африки новоприбывшим голландским колонистам бушменами (сейчас как в отечественной, так и в зарубежной африканистике более уместным считается использование термина «сан»¹⁴, так как термин «boesman» (яз. африкаанс) или «bushman» (англ.), что буквально означает «человек леса» и

¹³ Die Afrikaanse Taalmuseum & Taalmonument.

¹⁴ Термин «сан» пришёл из языка нама – крупнейшей этнической группы койкой – и означает «поднимающий (еду) с земли». Этим словом нама обзывали собирателей, не имевших одомашненных животных. В этой связи некоторые активисты (движение за возрождение койсанского общества, первоначально будучи, скорее, культурно-лингвистической инициативой, вскоре стало инструментом политической мобилизации), наоборот, предпочитают употреблять именно слово «бушмен»/«бусман», тем самым как бы нарочно подчёркивая и напоминая, что именно бушмены были самыми древними обитателями региона, тогда как кочевые скотоводческие племена койкой прибыли на южную оконечность Африки только на заре нашей эры. Тем не менее наиболее употребительной формой наименования остаётся «сан», собирательно – койсан, иногда встречается написание *коесан* (*Khoesan*) [5].

имеет пренебрежительный подтекст), и готтентотами¹⁵ (кхой-кхой/койкой)¹⁶. Названия растений на койсанских языках¹⁷ прочно вошли в язык африкаанс, что лишний раз указывает на

¹⁵ В академической среде существует дискуссия вокруг происхождения слова «готтентот»: согласно преобладающему мнению, оно означает «зайка» и является формой передразнивания щёлкающих звуков в языках койкой [5].

¹⁶ Народы койкой и сан – собирательно *койсаны* – являются наиболее древними обитателями Юга Африки. Оба этих народа считаются носителями древнейшей ДНК человечества и, таким образом, считаются старейшими из ныне живущих представителей *Homo Sapiens*. Слово «койсан» – экзотоним для небантуязычных народностей Юга Африки, предложенный в 1928 г. немецким антропологом Леонардом Шульце и вошедший в широкий научный обиход начиная с 1960-х гг. К койсанским группам, сохранившим традиционный образ жизни, а в редких случаях также и родной язык, можно отнести *гриква*, *риемфасмаак нама*, *кхомани* и отчасти *платфонтейн сан* (сегодня в ЮАР платфонтейн сан – самая крупная койсанская община и практически единственная, которая сохранила родные языки. Это эвакуированные в 1990 г. из Юго-Западной Африки (теперешней Намибии) солдаты (вместе с семьями), которые воевали на стороне режима апартеида против Организации народов Юго-Западной Африки (СВАПО) и правительства Анголы. Община состоит из двух этнических групп – кун (!Xun; знак «!» перед согласной означает щёлкающий звук) и кве (Khe), общей численностью порядка 7 тыс. человек). Интересно, что заметный койсанский генетический компонент и культурно-лингвистическое влияние можно встретить не только у бантуязычных африканцев, но даже и у белых африканеров. Известная южноафриканская неправительственная организация «АфриФорум» («Afriforum»), отстаивающая интересы африканеров, выступила с заявлением: «...все лингвисты единодушны в том, что койсаны сыграли важную роль в происхождении и развитии африкаанс – споры ведутся только о том, была ли эта роль ключевой или менее существенной». Для многих же койсанских активистов африкаанс является родным языком [5].

¹⁷ Правомерность объединения языков койкой и сан в единую группу сегодня оспаривается рядом лингвистов и антропологов. Существует точка зрения, что койсанские языки следует рассматривать не как языковую семью, а, скорее, как языковой союз (*Sprachbund* в терминах лингвиста и антрополога Н.С. Трубецкого). Иными словами, их близость связана не с происхождением от одного источника, а взаимовлиянием из-за длительного сожительства [5].

произошедший обмен ценными знаниями между кхои-кхои и поселившимися на территории современной ЮАР голландскими поселенцами. Интересным фактом может послужить то, что служащие Голландской Ост-Индской компании настолько доверяли их обширным познаниям в области траволечения (фитотерапии), что вверяли им лечение своих больных подопечных. Например, они использовали уксус¹⁸ на основе горного бучу для заживления ран; растение, известное на африкаанс под названием «dawidsworteljies» (букв. «корешки Давида»)¹⁹, в качестве слабительного и сироп от кашля, приготовленный из нектара цветов густого кустарника-эндемика Южной Африки, *Protea repens* (*boschjesstroop*) [13].

¹⁸ Известно, что бучу горное обладает массой полезных свойств. Это растение, активно используемое в традиционной медицине коренных народов Южной Африки в лечении, к примеру, артрита и инфекций мочевыводящих путей, в частности, может оказывать замечательное противовоспалительное действие, способно действовать как анальгетик и при этом не имеет никаких побочных эффектов в отличие от подобных себе препаратов. Койсанские народы предпочитали просто использовать его листья вместо жвачки, в настоящее время оно обычно повсеместно в Южной Африке употребляется в чае. Интересно, что сейчас аутентичными *бурскими* народными средствами считаются уксус и бренди, приготовленные на основе бучу горного. Последнее изготавливается путём замачивания нескольких веточек с листочками прямо в бутылке с алкогольным напитком на срок не менее 5 дней [14]. Поскольку этот цветущий кустарник с душистыми цветами произрастает только в отдельных районах провинции Западный Кап, сбор этого растения ограничен лишь двумя деревенскими общинами, вблизи от горного массива Седерберг (*Cederberg*) и реки Эландсклуф (*Elands kloof*), жители которых с давних пор используют в повседневной практике лечебные свойства данного растения, а также ведут им активную торговлю. Сейчас бучу горное принимают в виде капсул, чаёв и лосьонов для лечения ревматизма, артрита, подагры, при проблемах с почками и мочевым пузырём [15; 16]. Также настой на основе этого южноафриканского кустарникового растения активно употребляется африканерами при похмелье [11].

¹⁹ Название на латыни: «*Cissampelos capensis*». На английском известно под наименованием «Корня Давида» («*David root*») [17].

Подобные примеры использования местных растений в лечебных отварах нашли отражение в первой книге бурских рецептов (1890 г.). Так, в ней, к примеру, рассказывается о том, как лучше всего вывести мокроту у ребенка и каким лекарством отпаивать туберкулёзного больного, мучающегося чахоточным кашлем. В первом случае для начала нужно вместе проварить горсть цветков руты и пригоршню части растения, именуемого бучу горное, вплеснув в образовавшееся варево небольшое количество абсента, затем, уварив до полуготовности, снять с огня и в отдельной посудине, залив водой фунт сахара, сварить сироп, который рекомендуется принимать по одной столовой ложке три раза в день. Во втором рассматриваем случае предлагается приготовить некое подобие компота на основе одной чашки уксуса, выдержанного вина, крепкого бренди, настоянного на бучу горном, и тростникового сахара. Затем выключить огонь и, сверх того, влить в получившееся варево полчашки камфорного бренди. Принимать по одной чайной ложке при приступах лающего кашля [13].

В современных медицинских учреждениях местные врачи в продолжение основного курса лечения до сих пор порой советуют пациентам прибегать к проверенным годами бурским средствам, что свидетельствует об их реальной актуальности и своевременности в наши дни. Так, например, при опрелостях у малыша, сопровождаемых выраженным жжением, болью и зудом, врач-педиатр может порекомендовать обратиться к такому средству, как кукурузная мука (аналог присыпки), которую нужно втирать в складки поврежденных кожных покровов [18].

В 2016 г. Федерация африканерских культурных объединений²⁰ официально объявила бурскую народную медицину неотъемлемой частью культурного наследия африканеров, заявив о необходимости и в наш век всемерно способствовать продвижению накопленных ею весомых достижений.

²⁰ Federasie vir Afrikaanse Kultuurvereniging, FAK (африкаанс).

Действительно, арсенал используемых потомками голландских переселенцев одних лишь растительных средств широк и разнообразен. По словам профессора Мариуса Херхольдта²¹ (относит бурские народные методы лечения к холистической медицине²²), сейчас в традиционной практике в ходу 30.000 растений, из числа которых 3000 имеют непосредственное медицинское значение [2]. В настоящее время насчитывается свыше 8705 готовых рецептов применения тех или иных продуктов из общедоступного обилия бурских домашних средств, обладающих целебными свойствами. Их запас вариативен и своеобразен, часто в ход идут самые немыслимые сочетания. К примеру, рецепт под номером 1406 в одном из лечебников гласит: если вы хотите отвратить пьяницу от алкоголя, подлейте конский пот в его питье. Интересным уточнением является поясняющая в скобках приписка: пот нужно нацедить именно с молодого жеребца. Не менее экстравагантен и способ избавления от кишечных глистов. Он предусматривает суточное голодание, затем в качестве приема пищи разовое потребление 1 кг изюма, вымоченного в течение 12 ч в бренди. Спустя полчаса рецепт предполагает прием сильнодействующего слабительного [20].

Однако и на солнце бывают пятна. К сожалению, история Южной Африки знает случаи, когда прием традиционных

²¹ Marius Herholdt.

²² Под термином «холизм» (греч. – «цельность») в общем понимании подразумевается научно-философский подход, предопределяющий приоритет целого в вопросе соотношения целого и отдельной части. Южноафриканский философ и политический деятель Ян Смэтс стал основателем современного подхода к холизму. В 1926 г. он разработал «философию целостности», то есть вновь ввёл понятие «холизм» в философскую речь. Оно воплотило в себе и материальное, и идеалистическое начало. Холистическая медицина – одно из направлений альтернативной медицины, при котором все нужды и потребности индивида (психологические и физические) учитываются в комплексе, т. е. рассматриваются как одно целое. Направлений холистической медицины в наши дни много: дыхательные методики, фитотерапия, гомеопатия, гипнотическая терапия и т. д. [19].

бурских снадобий окончился на деле вовсе не так радужно, как было задумано в перспективе. Напротив, как минимум однажды, в далеком теперь уже от нас 1860 г., в южноафриканском г. Робертсон это стало причиной катастрофы. В то время в Капской Колонии свирепствовала эпидемия кори. Молодая девушка отправилась из фермы в город на богослужение²³. Ничего не подозревая об уже начавшей прогрессировать в ее организме инфекции, она пошла на службу вместе со своим женихом, где от нее заразились несколько человек. Пустившую корни болезнь лечили «по старинке» – отваром козьего навоза. Ко всеобщему ужасу разразилась страшная эпидемия лихорадки. Жителей охватило немалое удивление, когда местный врач, урожденный немец, обнаружил, что козьи экскременты заражены смертельно опасными микробами. В небольшой общине, состоящей из 700 человек, умерло 79. Таким образом, вскрылась нелюбимая правда: и без того крайне неблагоприятная эпидемическая обстановка была отягощена в корне неверным лечением. Общественность переложила всю полноту вины на отца невесты. Более того, ее возлюбленный тут же разорвал помолвку. Ситуация окончилась весьма плачевно. Врачи в то время считались редкостью²⁴, а причины симптомов подобно лихорадке были не изучены и оттого оставались неизвестны. Например, никто не догадывался, что ежегодно возникающая во многих деревнях лихорадка при

²³ Предположительно, целью её посещения церковного учреждения было одно из собраний сторонников и последователей «духовного возрождения» евангелизма («орwekkingsdiens» – яз. африкаанс) в период Второго великого пробуждения (1787–1860), которые были весьма популярны в те года [21]. На собрании разъездной проповедник призывал слушателей принять прощение грехов через веру в Иисуса Христа, совершить духовное очищение молитвой, чтением Библии и пожертвованиями в пользу церкви [22].

²⁴ Упомянутый в отрывке врач-немец доктор Краузе (CJG Krause) долгое время был единственным медиком в Блумфонтейне и практически во всём Оранжевом Свободном Государстве. Двое из его сыновей впоследствии стали там же именитыми врачами [21].

желудочно-кишечных заболеваниях была спровоцирована не чем иным, как примитивной санитарией и недостаточным водоснабжением [21].

В рамках традиционной бурской медицины известны и местные наговоры, призванные избавить от той же икоты: «Я с иканьем пересекаю море, икота остается там, я ж возвращаюсь восвосяси»²⁵ [20]. В определенной степени это схоже с привычной для русских присказкой, ранее считавшейся особо сильным заговором: «Икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого, а со всякого, и с Федота, и с Якова уходи ты икота, к себе на болота. Поклонись ты тине, глубокой трясине» [23].

Схожим в данном контексте является общее поверье в то, что подобными изречениями подвергшийся внезапному приступу икоты способен указать путь, куда следует идти злomu, нечистому духу, старающемуся проникнуть внутрь человека и завладеть его душой (т.н. икотнику²⁶) [23, 31].

Порой изобретательность африканеров в вопросах лечения того или иного недуга обескураживает не на шутку. Так, в качестве действенного средства предлагается систематически прикладывать печень черепахи на место расположения злокачественной опухоли, а также втирать в область ее локализации масло с выкуренной трубки анашиста²⁷ и, помимо этого, на регулярной основе, дважды в день накладывать на пораженный участок пластырь со смесью желтка, растертого с большим количеством соли. Также в качестве сопутствующей терапии рекомендуется впрыскивать настои из ромашки и персиковых листьев [7]. При глухоте может помочь сброшенная змеей кожа, которую скатывают в турундочку и

²⁵ «Ek en die hik gaan oor die see, die hik bly daar en ek kom terug».

²⁶ На территории России икоту считали разновидностью кликушества, персонификацией болезни, «нечистиком» [4, с. 138], вселяющимся в человека и вызывающим нервные заболевания (истерические припадки), в связи с чем и требовалось «помолить от икотов, от ломотов» (*амур.*) [1, с. 301].

²⁷ Курильщик марихуаны.

вставляют в ухо. Еще один рецепт избавления от того же недуга предусматривает использование освежеванной туши кролика, из которой предполагается вытащить мочевой пузырь, чтобы затем выжать из него в бутылку накопившуюся жидкость. Ее рекомендуется закапывать в уши по 2 капли дважды в день. Детей, страдающих от коклюша, лечат смесью козьего навоза, смешанного с африканской полынью, уваренной в воде вроде чайного напитка. При заложенности в груди поступают следующим образом: небелёный лён смазывают козьим жиром, присыпают сажей и наносят на грудь. Во избежание образования (или при их наличии) пролежней больного укладывают на дублёную кожу, и смазывают тело пациента косточками айвы, залитыми коньяком, в застывшем виде и охлажденном состоянии принявшими форму желе. Чуть менее изощренный, однако довольно оригинальный способ лечения практикуется при укусах насекомых: пораженное место обрабатывают влажной солью [24].

Старинный рецепт, опубликованный на языке африкаанс в ранней орфографии, описывает реальный случай выздоровления женщины, мучившейся от рака груди, воспользовавшейся нетривиальным способом лечения изнурительной болезни: она выловила восьмерых лягушек и поочередно разложила их на сумке из крапивной ткани, расстеленной на собственном бюсте. Земноводные впились в ее грудь, подобно пиявкам и, налакавшись крови, в судорогах отпали. Подобная процедура продолжалась неоднократно, пока количество кровососущих вампиров не возросло до ста двадцати. Исход был один: напивавшись кровью, они падали замертво²⁸.

²⁸ Любопытно, что образ лягушки, прокусывающей плоть человека и сосущей его кровь, наподобие упыря, известен и у восточных славян. Так, согласно белорусским представлениям, лягушки и жабы ядовиты; яд их считается сильнее змеиного, однако бытовало стойкое поверье в то, что кусать человека им запрещено от сотворения мира [25, с. 287]. У нас на Вологодчине рассказывали: «Есть вид лягушек, называемых дворовыми, потому что они живут на скотных дворах и высасывают молоко у коров.

В результате оказалось побеждено не только само заболевание, казавшееся неизлечимым, но и было приведено в порядок общее самочувствие героини, в частности, был восстановлен первоначальный вес [4].

Еще один очень старый сохранившийся до наших дней рецепт предписывает родителям малыша, страдающего от желтухи поместить в пеленки ребенка ровно семь ячменных зёрнышек. Пропитавшиеся мочой зёрна следует скормить курам. Согласно ранним представлениям буров, как только курица переварит зерно, болезнь отступит [24]. Подобное видение разрешения серьезной проблемы медицинского характера кроется в миропонимании африканеров; убеждении в том, что немощь возможно одолеть тремя способами: путем ее «засекания», уничтожения или передачи третьему лицу. В Южной Африке среди белых поселенцев еще в 1930-х гг. фиксировались случаи «прививания» растениям или животным человеческих немощей²⁹. Так, брали немного крови или грязи, намазывали их на зерно кукурузы/фасоли, подсаживали к пророщенной картошке или клали в пищу курице. Так, в Лайнсбурге считалось, что после подобной «прививки» дерево должно зачахнуть, иначе чуда выздоровления не случится. В той же местности свято верили – если «целительное» дерево погибало, пациента ждала неминуемая смерть, поэтому этот способ излечения считался весьма рискованным. Данное обстоятельство, впрочем, не мешало активно прибегать к древесной магии в вопросе излечения переломов. В Рустенбурге обряд проходил следующим образом: веточка молодого деревца надрезалась (обычно для подобных целей использовались каучуконосы), кровь, взятая с пореза участка кожи,

Их бояться убивать, потому что они могут влестись в тело, и тогда лягушку ничем не отодрать, приходится умереть от неё» [1, с. 200].

²⁹ На Руси болезни также могли «передавать» – дереву, животному или человеку. Чтобы вылечить ребёнка, выбирали молодое сильное дерево в лесу: берёзу или дуб. В нём прорубали широкое отверстие, сквозь которое надо было протащить дитя. Отдавали хворь и воде: брали хлеб, солили его и, приговаривая магические слова, бросали в реку [26].

близко располагавшегося к перелому, вмазывалась в образовавшееся отверстие, ветка перевязывалась. Как только она заживала до конца, перелом срастался. В окрестностях Веллингтона полагали, что после свершившегося обряда болящий ни в коем случае не должен повторно смотреть на «привитое» им дерево, это грозило самыми тяжелыми последствиями [27, с. 155–156].

Особо животрепещущей для Южной Африки проблемой в контексте медицины являются змеи³⁰ (на территории ЮАР водится 120 видов, из которых 30 % очень опасны³¹), поэтому вопрос об обезвреживании их яда «в полевых» или домашних условиях, без ожидания медицинской бригады, стоит остро. Бурская народная медицина разработала свои приемы, призванные заменить фармакологические антидоты собственными противоядиями. Один из них гласит: капните на рану каплю скипидара, продолжайте понемногу лить жидкость на место укуса до того момента, пока скипидар не перестанет пениться, тогда угроза окажется позади. Согласно другому совету, целесообразно сделать на месте укуса крестообразный надрез и втирать кристаллы перманганата калия/марганцовки (кристаллы Конди) прямо в рану [29].

³⁰ Змеиный укус традиционно был одной из главных угроз человеку в Капской колонии, главным образом в результате того, что данная местность приходилась основной средой обитания капской кобры и шумящей гадюки (в случае опасности способна издавать громкое шипение, чем и заслужила своё название). Вследствие этого большая часть знаний бушменов и готтентотов, впоследствии перенятых бурами, вращалась вокруг средств от змеиных укусов, однако многие сведения о них за давностью лет, к сожалению, утеряны на данный момент времени [28].

³¹ Среди них очковая и ошейниковая кобра (также получила название плюющей змеи), мамба (яд всех троих поражает нервную систему; наибольшую опасность представляет тот факт, что он с чрезвычайной быстротой распространяется по организму, что вызывает мышечную слабость, затруднённое глотание и дыхание, повышенное слюноотделение и проблемы с речью), гадюка (её укус провоцирует отмирание тканей), африканский бумсланг и горная гадюка (укус обеих воздействует на свёртываемость крови, вследствие чего может открыться внезапное кровотечение) [29].

Несмотря на довольно высокий уровень развития медицинской науки в настоящее время, выработанная бурами столетиями назад методика продолжает успешно функционировать и сейчас, приобретая новых сторонников и расширяя ассортимент своего реального применения на практике. Это подтверждается значительным количеством опубликованных научных работ и ознакомительных статей, а также огромным количеством обывательских комментариев (где пользователи охотно делятся домашними рецептами своей семьи) в социальных сетях и новостных лентах, посвященных вопросу бурских традиционных медицинских практик. Лекарские традиции, накопленные кропотливыми усилиями сменяющих друг друга поколений, не канули в лету, оставшись на задворках истории, а бурские народные средства не стали поистрепавшимся рудиментом прошлого, доставшимся в наследство от предков.

Приспособившись к новым условиям существования, привычная африканерам философия медицинской практики сумела грамотно встроиться в принятую на сегодняшний день мировым сообществом парадигму здравоохранения; она дополнила и обогатила ее ценными наблюдениями за особенностями человеческого организма при соприкосновении с теми или иными средствами, считаемыми в народе лекарственными, и при проведении с ними определенного рода манипуляций. Вышесказанное позволяет говорить о «*boererate*» как о полноправном элементе культурного достояния потомков голландских поселенцев, умело совмещающих привычные в современном мире методы лечения с устоявшимися наработками прошлых веков.

Литература

1. Власова М. Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 736 с.

2. Vermy die dokter met dié boererate. URL: <https://maroelamedia.co.za/goeiegoed/vermy-die-dokter-met-die-boererate/> (accessed: 15.07.2022).

3. *Olsen A., Prinsloo L.C., Scott L., Jäger A.K.* Hyraceum, the fossilized metabolic product of rock hyraxes (*Procavia capensis*), shows GABA-benzodiazepine receptor affinity // South African Journal of Science. November/December 2008. 103. P. 437. URL: https://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/5788/Olsen_Hyraceum%282007%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 15.07.2022).

4. *Smuts D., Vimercati A.* Boererate. URL: https://books.google.ru/books?id=LAZbDwAAQBAJ&pg=PT222&lpg=PT222&dq=boereraat+Suid-Afrika+aftreksels&source=bl&ots=NJfG3uOVqI&sig=ACfU3U0Z2LhHv7tH5_-wTCfLzid1dsB5cw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwi8p4Kehvv4AhXjIIsKHDr1CjsQ6AF6BAgZEAI#v=onepage&q=boereraat%20Suid-Afrika%20aftreksels&f=false (accessed: 15.07.2022).

5. *Салахетдинов Э. П.* Феномен возрождения койсанского сообщества Южной Африке: социально-политические аспекты // Азия и Африка сегодня. 2022. № 7. С. 22–30.

6. *Coetsee F.* Die volkseie in die afrikaanse kinderlektuur. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj7kJP_8IX6AhWMIIsKHdpyCnQQFnoECA4QAQ&url=https://repository.nwu.ac.za/handle/10394/10660&usq=AOvVaw1E8IRL0nXRenSaKHhgoagl (accessed: 15.07.2022).

7. Boereraat. URL: <https://sariemarais.com/boereraat/> (accessed: 15.07.2022).

8. *Крюгер П.* Трансвааль в огне. М.: Вече, 2020. 304 с.

9. Boererate, deur Danie Smuts. URL: <https://www.namibiana.de/namibia-information/literaturauszuege/titel/boererate-danie-smuts-9780143539216-978-0-14-353921-6.html> (accessed: 15.07.2022).

10. *Пашкевич Е. Б.* Программа курса лекций «Философия растений: и яды, и лекарства». Факультет почвоведения МГУ. URL: <https://lk.msu.ru/course/view?id=2258&ysclid=17qnfbbfw595736375> (дата обращения: 15.07.2022).

11. *Le Roux A.* 100 redes om mal te wees oor Suid-Afrika. URL: <https://www.lekkeslaap.co.za/blog/100-redes-sa> (accessed: 15.07.2022).

12. Boereraat vir pragtige hare. URL: <https://solidariteit.co.za/boereraat-vir-pragtige-hare/> (accessed: 15.07.2022).

13. Boegoebrandewyn, boschjesstroop en dawidsworteltjies. URL: <https://www.taalmuseum.co.za/boegoebrandewyn-boschjesstroop-en-dawidsworteltjies/> (accessed: 15.07.2022).
14. Lotter E. Buchu – South Africa’s «miracle herb» // News24.com. 11.08.2015. URL: <https://www.news24.com/amp/health24/natural/herbs/Is-buchu-South-Africas-miracle-herb-20150811> (accessed: 15.07.2022).
15. Muller C. A glimpse into the buchu industry. URL: <https://bio-economy.org.za/buchu-industry/> (accessed: 15.07.2022).
16. Dean T. A short history of SA’s miracle herb: buchu // News24.com. 26.08.2015. URL: <https://www.news24.com/amp/health24/natural/herbs/Buchu-the-famous-herb-20150826> (accessed: 15.07.2022).
17. Afolayan A. J., Mbaebie B. O. Ethnobotanical study of medicinal plants used as anti-obesity remedies in Nkonkobe Municipality of South Africa. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1048.8996&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 15.07.2022).
18. Hier is Maroela-lesers se beste boereraat en idees // Maroelamedia.co.za. 25.06.2020. URL: <https://maroelamedia.co.za/kompetisies/hier-is-maroela-lesers-se-beste-boereraat-en-idees/> (accessed: 15.07.2022).
19. Медведева Е. Н. Философия холистической медицины: достоинства и недостатки. URL: <https://esa-conference.ru/wp-content/uploads/files/pdf/Medvedeva-Sidelnikova-YUliya-Mihajlovna.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).
20. Volksgeneeskuns in Suid-Afrika: 'n Uitegebrede Versameling Boererate. URL: <https://www.abebooks.co.uk/first-edition/Volksgeneeskuns-Suid-Afrika-Uitegebrede-Versameling-Boererate-Suid-Afrikaanse/30274288552/bd> (accessed: 15.07.2022).
21. Siekte en geneesmiddels. URL: <https://www.afrikanergeskiedenis.co.za/siekte-en-geneesmiddels/> (accessed: 15.07.2022).
22. Revival meeting. URL: <https://translate.academic.ru/revival%20meeting/en/ru/> (accessed: 15.07.2022).
23. Икота, перейди на Федота. URL: <https://diletant.media/articles/26190795/?ysclid=17dof3ieot943378946> (дата обращения: 15.07.2022).

24. *Thomas P., Rieck A.* Tradisionele Suid Afrikaanse Boererate en Boerekos. URL: <https://online.pubhtml5.com/aplt/uqiv/#p=3> (accessed: 15.07.2022).

25. Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2022. 512 с.

26. Народная медицина на Руси. URL: <https://www.culture.ru/materials/255013/narodnaya-medicina-na-rusi?ysclid=17b3cvx44m892380382> (дата обращения: 15.07.2022).

27. *Abel J. Coetzee* Die Afrikaanse Volksgeloof. Amsterdam: N. V. Swets & Zeitlinger Boekhandel & Uitgeversmij, 1938. URL: https://repository.ubn.ru.nl/bitstream/handle/2066/107378/mmubn000001_160579651.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 15.07.2022).

28. *van Wyk B.-E.* A review of Khoi-San and Cape Dutch medical ethnobotany // *Journal of Ethnopharmacology* 119. 2008. P. 331–341. URL: <http://www.ben-erikvanwyk.com/210%20-%20Van%20Wyk%20-%20Khoi-San%20ethnobotany.pdf> (accessed: 15.07.2022).

29. Boererate. URL: <http://www.boererate.com/2016/05/slangbyt.html> (accessed: 15.07.2022).

30. Supertaal. URL: <http://gesellig.co.za/t/25982-klipsweet/> (accessed: 15.07.2022).

31. О народных верованиях и суевериях / сост. С. Э. Ермаков. М.: Вече, 2020. 288 с.

E.S. Nesterova

BOER HEALING TRADITIONS AS AN ELEMENT OF AFRIKANERS' CULTURAL HERITAGE

Abstract. With the arrival of the Dutch colonists in South Africa (century XVII) future settlers, for lack of hospitals, had to develop their own skills in caring for the sick by working out their own unique means and ways of preventing and treating diseases and relieving symptoms (“boererate”). Despite the relatively high level of development of the medical infrastructure at the moment, the technique elaborated by the Boers many centuries ago continues to function successfully even now, acquiring new supporters and expanding the area of its application. Currently, there are over 8700 tailor-made recipes for the use of certain products. Their stockpile is wide and peculiar. It includes, inter alia, horse sweat, barley grains soaked in urine, wet salt and goat manure.

Key words: home remedies, treatment methods, prevention, unique recipe

НАШИ АВТОРЫ

Белов (Юртаев) Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, директор НОЦ африканских исследований РУДН, г. Москва, Россия. E-mail: vyou@yandex.ru

Дейч Татьяна Лазаревна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия.

Ёлчева Ксения Сергеевна – студент III курса бакалавриата Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, г. Москва, Россия. E-mail: xeniayolchevmain@gmail.com

Кассае Ныгусие В. Микаэль – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, член Научно-методического совета (НМС) НОЦ африканских исследований РУДН, г. Москва, Россия. E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Мосейко Аида Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия. E-mail: aida.moseyko@mail.ru

Ндонго Нлате Жан Мартьяль – аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Нестерова Елена Сергеевна – магистрант 2-го года обучения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, кафедра африканистики, г. Москва, Россия.

Пичугин Сергей Валентинович – главный геолог ООО «ОЗГЕО», г. Москва, Россия. E-mail: svpichugin2103@mail.ru; post@ozgeo.ru

Сидарус Абануб Махер Фахми Салиб – аспирант кафедры политического анализа и управления РУДН, г. Москва, Россия.

Сидорова Галина Михайловна – доктор политических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, профессор Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия. E-mail: gal_sid@mail.ru

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия. E-mail: igor25011904m@yandex.ru

Харитоновна Елена Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия. E-mail: evh1956@mail.ru

Шпаковская Марина Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия. E-mail: m.shpakovskaya@gmail.com

Эльсержани Мохамед Ибрахим Мохамед – директор Бюро культуры, Посольство Арабской Республики Египет в Российской Федерации. E-mail: egyptculturalbureau@gmail.com

ABOUT AUTHORS

Belov (Yurtaev) Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia, Director of the Scientific and Educational Center for African Studies of the RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: vyou@yandex.ru

Deitch Tatyana Lazarevna – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia.

ElSergani Mohamed Ibrahim Mohamed – Director of the Bureau of Culture, Embassy of the Arab Republic of Egypt in the Russian Federation. E-mail: egyptculturalbureau@gmail.com

Kassaye Nigusie W. Michael – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, member of the Scientific and Methodological Council (SMC) of the People's Friendship University, African Studies Research Center, Moscow, Russia. E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Kharitonova Elena Vladimirovna – Candidate of Sciences in Psychology, Senior Researcher at the Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: evh1956@mail.ru

Kirabaev Nur Serikovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Peoples' Friendship University of Russia, member of the NMS REC for African Studies, RUDN University, Moscow, Russia.

Moseyko Aida Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher at the Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian

Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: aida.moseyko@mail.ru

Nesterova Elena Sergeevna – Master Student of the 2nd year of study, Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Countries, Department of African Studies, Moscow, Russia.

Ndongo Nlate Jean Martial – Post-graduate student, Assistant lecture of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.

Pichugin Sergey Valentinovich – Chief Geologist of OZGEO LLC, Moscow, Russia. E-mail: post@ozgeo.ru

Sidarus Abanub Maher Fahmi Salib – Postgraduate Student, Department of Political Analysis and Management, RUDN University, Moscow, Russia.

Sidorova Galina Mikhaylovna – Doctor of Political Sciences, Professor of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations, Scientific Associate of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: gal_sid@mail.ru

Shpakovskaya Marina Anatolyevna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia. E-mail: m.shpakovskaya@gmail.com

Sledzevsky Igor Vasilyevich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Director of the Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, member of the NMS REC for African Studies, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: igor25011904m@yandex.ru

Yolcheva Ksenia Sergeevna – 3rd year Undergraduate Student of Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Moscow, Russia E-mail: xeniayolchevmain@gmail.com

CONTENTS

<i>Kirabaev N.S.</i> Preface	5
------------------------------------	---

DEVELOPMENT AND POLITICS

<i>Sledzevsky I.V.</i> Civilizational transit of postcolonial Africa (problem statement)	10
<i>Sidorova G.M.</i> On the political maturity of sub-Saharan African states and their relations with Russia.....	50
<i>Ndongo N.J. Martial.</i> The multilateralist and bilateralist tradition in Cameroonian foreign policy: priorities and new features	77

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

<i>Belov V.I., ElSergani Mohamed Ibrahim Mohamed.</i> Egypt and Russia: priorities for partnership within the BRICS group.....	89
<i>Shpakovskaya M.A., Sidarus Abanub Maher Fahmi Salib.</i> Italy and Egypt in the 21st century: features of interaction and cooperation.....	113

INTEGRATION AND FINANCE

<i>Kassaye Nigusie W. Michael.</i> Integration processes in Africa: East Africa	126
<i>Deitch T.L.</i> Africa as a participant of the Chinese initiative “One Belt, One Road”	143

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

<i>Pichugin S.V.</i> Mineral resource base of the Republic of Madagascar and possible areas of bilateral cooperation.....	161
--	-----

HISTORY AND RELIGION

<i>Moseyko A.N.</i> Religious transfer in the sub-Saharan Africa region.....	210
--	-----

CULTURE AND EDUCATION

<i>Kharitonova E.V.</i> Women in science and entrepreneurship in modern Africa. Samples of “Women studies” on the example of Makerere University (Uganda)	255
---	-----

<i>Yolcheva K.S.</i> Features of the fairy tale of sub-Saharan Africa	283
---	-----

<i>Nesterova E.S.</i> Boer healing traditions as an element of Afrikaners’ cultural heritage.....	293
---	-----

ABOUT AUTHORS	316
----------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирабаев Н.С.</i> Предисловие	5
--	---

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

<i>Следзевский И.В.</i> Цивилизационный транзит постколониальной Африки (постановка проблемы).....	10
<i>Сидорова Г.М.</i> О политической зрелости африканских государств южнее Сахары и отношениях с Россией.....	50
<i>Ndongo N.J. Martial.</i> The multilateralist and bilateralist tradition in Cameroonian foreign policy: priorities and new features (<i>Ндонго Н.Ж. Мартьяль.</i> Мультилатерализм и билатерализм во внешней политике Камеруна: приоритеты и новые особенности)	77

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

<i>Белов В.И., Эльсергани Мохамед Ибрахим Мохамед.</i> Египет и Россия: приоритеты партнерства в рамках БРИКС.....	89
<i>Шпаковская М.А., Сидарус Абануб Махер Фахми Салиб.</i> Италия и Египет в XXI веке: особенности взаимодействия и сотрудничества	113

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

<i>Кассае Ныгусие В. Микаэль.</i> Интеграционные процессы в Африке: Восточная Африка.....	126
<i>Дейч Т.Л.</i> Африка как участница китайской инициативы «Один пояс, один путь».....	143

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

<i>Пичугин С.В.</i> Минерально-сырьевая база Республики Мадагаскар и возможные направления двустороннего сотрудничества	161
---	-----

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Мосейко А.Н.</i> Религиозный трансфер в регионе Субсахарской Африки.....	210
---	-----

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Харитонова Е.В.</i> Женщины в науке и предпринимательстве в современной Африке. Образцы «Women studies» на примере университетаMakerere (Уганда).....	255
<i>Ёлчева К.С.</i> Особенности волшебной сказки Африки южнее Сахары.....	283
<i>Нестерова Е.С.</i> Бурские лечебные традиции как элемент культурного достояния африканеров.....	293

НАШИ АВТОРЫ	314
--------------------------	-----

Научное издание

СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ЕЖЕГОДНИК

**АФРИКА:
МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
И ПАРТНЕРСТВО**

2022

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Роговой*

Подписано в печать 07.10.2022 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18,83. Тираж 500 экз. Заказ 1213.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru

Для заметок
